

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

Виктор Лыков

Море соленое

ВИКТОР ЛЫКОВ

МОРЕ СОЛЕНОЕ

Роман в трех книгах

КНИГА ТРЕТЬЯ

Днепропетровск
«Проминь»
1990

ББК 84Р7-4
Л 88

Остросюжетный роман русского советского писателя прослеживает судьбы героев, полюбившихся читателям по предыдущим одноименным книгам автора, но имеет свою независимую сюжетную линию.

В центре повествования заключительной книги трилогии — события в рыбацком селении Камково и городе Песчанске в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы.

Л $\frac{4702010201-066}{М219(04)-90}$ 83-90

ISBN 5-7775-0146-Х

Часть первая

I

С наспех залатанными пробоинами в бортах, глубоко осевший в воду, «Бердянск» сумел дойти до Ейска. Израненный пароход спасли два гидросамолета, взлетевшие из бухты Белосарайской косы. Они храбро вступили в бой с «юнкерсами», сумели сбить один, а потом сгорели сами, и море бережно приняло их раскаленные останки.

Катерина Малахова, вызванная по тревоге в кормовой отсек, где лежали раненые, провела там несколько часов, ничего не зная о судьбе сына, отставшего от парохода в Мариуполе. После отбоя тревоги она вернулась в каюту, принялась успокаивать перепуганную дочь. Когда та, вылив страх обильными слезами, пришла в себя, спросила о Петьке.

— Так не было его,— мелко стуча зубами, ответила Катька, теснее прижалась к матери.

Катерина подумала, что после ее ухода сын убежал на верхнюю палубу и вертится там среди взрослых, наверняка мешая занятым людям. Обида захлестнула женщину: «Это уже ни на что не похоже!— начала сердиться она.— Бросить сестру, уйти из каюты. Нет, нужно поговорить с ним серьезно!..»

Она обошла все палубы, заглянула в машинное отделение, на камбуз. Мальчишки нигде не было. Никто не видел его, ничего не мог сказать. Катерина набралась смелости и поднялась на святое святых корабля — капитанский мостик.

— Что там у вас?— совсем неласково взглянул на нее капитан, человек уже в годах, постаревший за эти несколько часов еще на много лет.

Катерина начала рассказывать о Петьке, капитан сразу уловил суть:

— Я ничем не могу помочь вам!— оборвал он женщину, отвернулся. Похоже, сразу забыл о ней. Сделать это было немудрено: из нутра корабля на мостик поступали доклады о состоянии судна. Нужно было принимать немедленные решения, отдавать распоряжения аварийным партиям.

Еще на что-то надеясь, Катерина обошла жилые помещения, побывала в трюмах, где шла заделка пробоин. Душевно опустошенная, вернулась в каюту, упала на койку лицом вниз, захлебнулась в истерике. Катька забилась в угол, со страхом смотрела на мать. Такой она ее еще никогда не видела.

Рывком распахнув дверь, в каюту вошел главврач. Только из операционной, он даже не успел снять испачканный кровью халат:

— Очнитесь, голубушка,— просительно сказал вошедший, тронул рукой плечо женщины. Та даже не пошевелилась.

— Она никого не слушает! — подала голос Катька.

Главврач зачем-то потуже затянул поясок халата, негромко, но властно сказал:

— Встать!.. Я приказываю вам встать, военврач Малахова!

Катька увидела чудо. Мать медленно поднялась. Стояла пошатываясь, держалась руками за верхнюю койку, хотя море было спокойным и качка не ощущалась.

— Что же это такое, Юрий Никодимович?— кривя губы, вновь готовая разреветься, спросила Катерина. В покрасневших глазах тугая и безысходная стояла боль. Еще секунда и вновь забьется женщина в истерике.

— Стыдно!— сердито бросил главврач.— Очень стыдно, товарищ Малахова. У вас шесть тяжелораненых. Жизнь людей висит на волоске, а вы!..

— Да, да...— На лице Катерины появилась осмысленность...— Простите, Юрий Никодимович!..

Она сполоснула лицо под краном умывальника, что стоял в каюте, обмахнулась полотенцем. Прикрывая руками горевшие щеки, вышла. Юрий Никодимович проводил ее взглядом, вздохнул. Устало присел на краешек койки рядом с Катькой, обнял девчушку:

— Испугалась? Ты уж прости, что на мать накричал. Понимаешь, иначе нельзя было.

— Я знаю, вы добрый,— доверчиво взглянула на него девочка.— Так все говорят...

— Может быть, сейчас это плохо — доброта?— задумчиво протянул врач. Он обращался к Катьке, как равный, и это ей нравилось.— Нам твердыми сейчас нужно быть, а доброта человека размягчает. Н-н-н-да-а!.. Что-то я не то говорю. Ты, Катюша, с матерью поаккуратнее будь. Нужно внушить ей, что с Петькой ничего не случилось. Ну, пусть даже отстал. Переживет лихую годину. Мальчишки, они народ крепкий.

— Я за Петьку нисколечки не боюсь,— шмыгнула носом Катька.— Он у нас часто пропадал, порой по целым дням домой не заявлялся...

— Вот видишь! Нужно, чтоб и мать в хорошее поверила... Сейчас извини! Меня тоже ждут...— Так же торопливо, как вошел, Юрий Никодимович покинул каюту.

Убедить Катерину, что с Петькой ничего не случилось, было не так уж и трудно. Нет матери, которая бы в горе не грела себя надеждой на лучшее. Бережно носила женщина в душе эту веру — хрупкую и невесомо легкую, смахивающую на головку перезревшего одуванчика. Вздохни возле такой — и разлетятся по ветру нежные тычинки. Может, и впрямь сын успел выбраться из Мариуполя с нашими отступающими войсками и не сегодня-завтра появится в Ейске. Он ведь хорошо знал, куда направляется плавучий госпиталь. Но даже не столько эта вера, сколько вид чужих страданий помогли Катерине совладать с личным горем. На ее глазах уходили в небытие люди, чаще всего молодые парни, у которых тоже были матери. Каждодневно видела она искромсанные метал-

лом тела. В большой общей боли растворялась, не так ощутимо чувствовалась собственная.

В Ейске они жили на квартире при госпитале. Небольшая комнатушка-коммуналка вполне устраивала двоих, как устраивает людей все временное, недолговечное. Катерине нравился этот небольшой приморский городок, чем-то смахивающий на Песчанск. Та же ровность улиц в центре, засилье зелени на бульварах, четырехугольник рыночной площади, огороженный зданиями магазинов, складов, бытовых мастерских. Здесь был парк. Маленький, но уютный, густо поросший развесистыми акациями, высокими кленами и тополями. На тенистых аллеях в кустах серебристого лоха или тамариска можно было найти удобную для отдыха скамейку.

В редкие свободные часы, чаще всего по вечерам, когда дочь готовила уроки, Катерина приходила в парк. Она полюбила одиночество, наверное, потому, что именно одиночество помогало ей ощущать близкое присутствие дорогих людей. Никто не мешал ей чувствовать их рядом, мысленно беседовать с ними. Она как бы заново переживала не такую уж и долгую жизнь с Малаховым, жизнь, полную внутреннего напряжения, наполненную пусть небольшими, но такими памятными радостями. Да, конечно, все у них началось с того вечера, когда, получив приглашение профессора работать санитаркой в городской больнице, она сказала об этом квартиранту. До сих пор хорошо помнит растерянное лицо Петра и ту озабоченность, с какой он спросил:

— Как же так, Катя?

Этот вопрос сказал ей больше, чем она могла подумать. Оттого и поведала, что еще тогда, когда он лежал больной и не всегда приходил в сознание, врач, оценив ее долготерпение и умение ухаживать за немощным человеком, пообещал взять ее к себе санитаркой, чтоб впоследствии выучить на настоящего медика. Она согласилась. Ныне пришла пора расставаться. У квартиранта потемнели глаза. Ей пришлось подойти ближе, согреть их взглядом:

— Вы не сумуйте, Петро Севастьянович. Я до вас наведываться буду. И постираю, когда надо, и так присмотрю...

— Разве мне это нужно, Катюша?— как-то по-детски искривил он лицо.

И уже так оно получилось неожиданно, что руки Петра легли на ее плечи, а по перекинутому мостику совсем легко стало перебраться друг к другу. Прижалась Катерина к мужской груди, и долгое наступило молчание.

Бесновалось в печи пламя, гудело от избытка сил. Бросало на стены, потолок яркие блики света. На мороз жарко горели дрова, щедро отдавали тепло.

— Скажи мне чего, Севастьянович.

Знала, попроси он сейчас остаться, и никуда она не поедет. Опять будет встречать по вечерам. Ничем не выдавая радости, хлопотать по хозяйству. В разговорах станут короче длинные зимние ночи, во время которых сильнее ощущается одиночество.

— Когда поедешь?— спросил Петр.
— Утром.
— Будем собираться, Катюша.

Утром он проводил ее не в город, нет. В новую жизнь. Тогда она еще не понимала этого.

Когда арестовали Якова Дышло, давнего дружка Петра по флоту, а потом по партийной работе, Катерина долго не отпускала мужа в обком, где он надеялся выяснить судьбу товарища. Как чувствовала, что не кончится это для него добром. Не смогла удержать, уехал. Чего добился? Арестовали самого. Правда, вскоре выпустили, но с должности сняли, из партии исключили. Как-то по-особому исключили, потому что вернулся он с собрания не столько удрученный, сколько озабоченный, и опять-таки не тем, что с ним произошло, а чем-то другим, о чем она не знала, могла только догадываться.

— Тебе не страшно, Петя,— спросила она тогда.

— Ты думаешь, я сдался?— наигранно взбодрился он, хотел еще что-то сказать, она опередила его:

— Ты не умеешь врать, Малахов! Если тебе нельзя говорить правду, лучше помолчим...

— Да-а-а!..— задумчиво протянул Петр. Несколько раз прошелся по комнате, зачем-то заглянул к спящим детям.— Молчать, Катя, как раз и не хочется. Я никогда не говорил тебе об этом и, пожалуй, больше не повторюсь, так что наберись терпения...— Он усадил жену на диван, примостился рядом, обнял. Она привычно нашла головой его плечо, прикрыла глаза. Сразу стало легко и спокойно.— Мне часто думается, что бы я делал, как жил, если бы не встретил тебя?

— Нашел бы другую,— не открывая глаз, сказала Катерина.

— Может быть,— согласился он.— Но тогда все было бы по-другому. Хуже или лучше — не знаю, но не так, как с тобой. Потому я и радуюсь, что судьба забросила меня к вам на Камковскую косу.

Да, это было дело случая, что Малахова направили на лечение именно в Песчанск, а уже оттуда к ним на косу — в Камково. Сам Петр никогда не говорил об этом, но Безнес, работавший в ту пору первым секретарем райкома партии, показывал ей тот диковинный даже для тех времен документ:

«...Члена РКП с 1910 года Малахова Петра Севастьяновича, в связи с туберкулезными явлениями в организме, откомандировать на лечение к морю, запретив ему до полного выздоровления принимать участие в партийной работе».

Но тогда, во время разговора, ей не хотелось ворошить прошлое, потому что больше волновало будущее, и она попросила:

— Не нужно об этом, что было, то прошло. Скажи честно, ты не боишься?

— С тобой мне ничего не страшно!— попытался отшутиться он.

— Я же серьезно, Петр?

— Ну, коль так!— Он ненадолго замолчал.— Если серьезно,

то боюсь. И больше всего боюсь ненависти близких: твоей, детей наших, знакомых!..

— Окстись, Петя!— Она попыталась, как в давние времена, перекрестить мужа, но рука сломалась на полдороге, легла на грудь.

— Всякое может случиться, Катюша!— очень серьезно сказал Петр, и Катерине стало по-настоящему страшно.

— Ты про меня забыл!— поднялась Катерина. Взглянула сверху вниз на продолжавшего сидеть мужа.— Я для чего, Петя? Плохо ты меня знаешь. Что бы с тобой ни случилось, как бы ты себя ни повел, для меня ты всегда останешься Малаховым, Комиссаром Малаховым!— твердо добавила Катерина.

— Ну вот!.. А ты говоришь — другая!..

Она поняла, что ему обязательно нужно было спрятать лицо, чтоб не увидела жена влажную красноту глаз. Малахов обхватил руками колени Катерины, прижался к ним лицом. Она наклонилась, ласково тронула пальцами волосы мужа.

После они никогда не возвращались к этому разговору, но расплывчатая догадка, мелькнувшая у Катерины в тот день, превратилась в уверенность: все, что произошло, нужно Петру для дела, о котором он не имеет права говорить даже ей. Стало понятным его решение остаться в оккупированном Песчанске. Увы, страха за его судьбу это не сняло. Скорее наоборот.

II

В один из осенних, но еще по-летнему теплых вечеров Катерина пришла в парк, присела на давно облюбованную скамейку. С моря, шумевшего за холмом, несильный тянул тримунтан, по-девичьи озорно играл ветвями деревьев. Багровый лист клена медленно кружась, спустился на колени женщины. Она осторожно взяла его, нежно разгладила. Почему-то подумалось, что ветер сорвал листок не с дерева, а принес его с той стороны моря, где была ее родина. Щемящая грусть наполнила теплотой глаза. Припомнилась молодость. Рядом с домом тетки, у которой она была в услужении, росли клены. Осенью она любила делать из аловатых листьев гирлянды, украшалась ими. В ожерелье из осенней листвы и увидел ее камковский рыбак Матвей Столбунов. Долго рассматривал, пьяно покачиваясь на грузных ногах, довольно прищелкивая корявыми пальцами. Потом была страшная ночь, после которой Катерине пришлось уехать с Матвеем на косу. Не ведала тогда девчушка, что продала ее тетка рыбаку за молодого кабанчика и два пуда соленой осетрины. Два года прожила она с Матвеем. Прожила без ласки и надежд на будущее. Нарывным гнойником зрел в душе протест, грозил прорваться. Можно было лечить его вином или короткими, украденными у других баб ласками, как делали другие рыбачки. Не могла и поэтому ходила беременная злостью на мужа и клятую жизнь свою. Не знала, что родится желание — набросить петлю на шею себе или на горло ненавистного Матвейки. Наверняка бы взяла грех на душу,

если бы не захлебнулся пьяный Матвей в лиманной грязи, сам не ушел бы из жизни.

Четыре года держалась в строгости, заслужила уважение баб и злобу мужиков. Потом, нежданно-негаданно, распахнула душу перед Васькой Бандурой. И опять обожглась. Ровным теплом согрел ее Малахов, вывел в большую, пусть тревожную, но радостную жизнь.

Воспоминания далеко увели Катерину, и она не сразу сообразила, что кто-то пытается заговорить с ней. Подняла голову, увидела стройную девчушку в военной форме. На гимнастерке, ладно обтягивающей фигуру, голубели петлицы. Синего цвета пилотка кокетливо и вместе с тем строго сидела на коротко остриженной голове. Даже кирзовые сапоги, никогда не красившие женские ноги, смотрелись вполне прилично. Что-то знакомое было в лице. Катерина наверняка где-то видела его и теперь пыталась вспомнить.

— Вы ко мне? — так и не припомнив, спросила она.

— Да, товарищ военврач! — совсем не по-уставному улыбнулась девушка, и улыбка тоже показалась знакомой Катерине.

— Слушаю вас! — голос Малаховой прозвучал сухо. У нее тяжелый был день, нелегкой обещала быть ночь. Бои шли под Ростовом, оттуда морем и сушей поступали раненые.

— Вы меня не узнали, тетя Катя? — удивленно спросила девчушка, покраснела.

Что-то прояснилось в памяти. И опять связанное с Малаховым. Быстротечно прокрутилось и восстановилось в малейших деталях.

После той прощальной ночи в Камково Петр заявился к ней в больницу почти через месяц. За то время осознала Катерина, что никакая она не пара секретарю партийной ячейки. Куда ей, неграмотной, с несвязной камковской речью, которую не всякий и понять мог, до других? Вон сколько женщин вокруг нее, и каждая королевой смотрится, не в пример ей — захудалой рыбачке. Потому и встретила Петра настороженно, и он сразу уловил непонятные для него растерянность и тревогу женщины.

Поздоровались, обменялись незначительными фразами. Разговор явно не клеился.

— Чего стоять, Петро Севастьянович, давайте ко мне зайдем. Чайку попьем.

Она жила рядом с больницей. В небольшой комнатушке, где, кроме стола, кровати и единственного стула, ничего из мебели не было, все еще не могла взять себя в руки Катерина. Накрывая на стол, чуть не опрокинула на себя чайник с кипятком. Рассыпала сахар. Такой неловкой Петр ее не видел.

— Что случилось, Катюша? — не выдержал он.

Она громко, навзрыд разревелась. Малахов обнял ее, прижал к груди. Вопросов больше не задавал.

— Простите, Петр Севастьянович! — Катерина выскользнула из объятий, вышла в коридор, где стоял умывальник, долго мыла

лицо. С капельками воды, свежо поблескивавшими в волосах, вернулась в комнату, вновь начала хлопотать у стола.

— Оставь! — почти грубо сказал Петр, усадил женщину на кровать, присел рядом.— Что все-таки произошло?

— Чего туга и говорить,— не сразу отозвалась Катерина.— Я много про нас думала, Петро Севастьянович. В поселке я не последней бабой себя числила. Сюда приехала — чисто в другую страну попала. Я ить и разговарить по-людски не умею. И делаю завсегда не то, что требуется. Не надо бы нам видеться, Петро Севастьянович!

— Все? — Петр взял ее руку, несильно сжал.— Больше жалоб чтоб от вас не поступало, гражданка Малахова. Одевайтесь!..

— А чай?

— Попьем в другой раз.

— И куда же мы пойдем?

— Пойдем мы с тобой, Катюша, далеко и надолго. В общем, если нужен тебе такой инвалид, как я, если хочешь ты всю жизнь быть при мне санитарной сиделкой, то пойдем мы с тобой в загс.

Свадьбу отметили скромно. Собрались в городе у Григория Бандуры. Была за столом и эта девчушка, что стояла сейчас перед Катериной. Конечно, намного моложе смотрелась она тогда.

— Неужто Александра?

— Так точно, курсант Бандура!

— Господи, какими судьбами?

— Разве в двух словах расскажешь? — Шурка присела рядом с Катериной, разгладила ладонями юбку.— Работала в госпитале. Нас эвакуировали сюда. Здесь поступила в летное училище. Скоро выпуск.

— Боже, как летит время. Скоро ты уже военная летчица Даже не верится...

— Все очень просто, тетя Катя,— война!

Все было не так просто, как говорила Шурка. В училище ее и слушать не стали. От парней отбоя не было. Не помогла и справка аэроклуба о четырех самостоятельных вылетах и восемнадцати прыжках с парашютом, которой Шурка предусмотрительно запаслась в Песчанске. Бумажку даже не стали смотреть.

Она уже и не упомнит, от кого услышала о приезде в Ейск знаменитой летчицы. Той самой, что совершила перелет вместе с подругами из Москвы на Дальний Восток. Подумалось, что эта женщина обязательно должна понять ее и помочь. Шурка долго готовилась к разговору, но летчица тоже не стала ее слушать. С командирской резкостью сказала:

— За три дня ты у меня сотая. А может, и того больше. В пору женский авиаполк создавать. Самое обидное: половина из вас — санитарки. Сестрами милосердия вас в старину называли. Очень правильно называли. Кто к мужикам более милосердным может быть, как не мы — бабы? А теперь вы хотите мужской труд на себя взять! Нет уж! Своими делами занимайтесь, помо-

гайте ребятам скорее на ноги стать, а они пускай вас с неба прикрывают. Неправда моя, что ли?

— Не знаю! — Шурка из последних сил сдерживала себя. Не хватало разреветься, как школьнице. Тогда вообще все пропало. Она еще на что-то надеялась.

— А ты знай! — почти крикнула летчица. Поняла, что переборщила, довела девчонку до слез, а той, может быть, сейчас заступать на дежурство. Уже мягче спросила: — Родом откуда?

— Из Песчанска.

— Вот оно что? — Шурка очутилась в прицеле внимательного и чуточку удивленного взгляда.— Выходит, ты нашей Полине землячка?

— Выходит! — вызывающе ответила Шурка. Услышанное показалось кощунством. Назвать известную всему миру летчицу, Героя Советского Союза, погибшую за несколько лет до войны во время испытательного полета, просто Полиной — такого она и представить не могла.

— И что это у вас за город такой, из которого девок в небо тянет? — с задумчивой ласковостью спросила летчица и впервые за время разговора позволила себе улыбнуться.— Может, парней не хватает?

— Парней хватает! — быстро отозвалась Шурка, уловив перемену в настроении собеседницы.— Только они больше о море думают. Рядышком оно у нас — море!

— Ишь какие, море им, значит?..— Летчица говорила, явно не вдумываясь в смысл своих слов. Смотрела на Шурку, а в глазах стояла подруга. Не та, взрослая, с которой они ушли в ныне ставшим уже легендарным рейс, а молодая, очень похожая вот на эту девчушку.

— Море им, значит? — повторилась она. Подошла к тумбочке, на которой стоял телефон, набрала нужный номер. Дождалась вызова и уже не Шурке, а в черный кружок микрофона сказала:— Привет, Михаил Петрович! Кто, кто... Своих по голосу узнавать нужно. То-то! . И не кричи, оглушишь. Непременно загляну, слово я держать умею. Слушай, Миша, здесь у меня приятельница сидит, ты ее возьми к себе, подучи... Словом, дай путевку в небо...

После этих слов наступила тишина — томительная и долгая. Касалась она только Шурки, потому что летчица слушала невидимого собеседника. Видимо, то, что он говорил, начало ей не нравиться. Она нахмурилась, со знакомой уже Шурке резкостью сказала:

— Ты чего такой разговорчивый стал, товарищ генерал? Стареешь, что ли? Она Полинки нашей землячка, соображать нужно. Короче, курс я ей дала, минут через десять в твоей приемной приземлится. Уже на полосу выруливает. Жди!..

— Что же это я все про себя?..— спохватилась Шурка, хотя и рассказала вовсе ничего.— Вы как?..

— Живем. По земле ходим, а на ней сейчас не очень уютно,—

уклончиво отозвалась Катерина. Ей было страшно касаться незажившей раны, говорить о сыне и муже.

— Вам о моих ничего неизвестно? — спросила Шурка.

— Потерялись!..— понимающе вздохнула Катерина.

— Алешка с самого начала войны как в воду канул. Ни одного письма. Он на западной границе служил, политруком заставы. Мои в Песчанске остались. Я уехала, полевая почта поменялась, сообщить не успела. Теперь куда писать? Хорошо, если успели уехать...

— Эвакуировались они. Вместе с заводом. Вот куда? Мне Петя говорил...— Катерина задумалась. Шурка с надеждой смотрела на нее.— Куда-то в Среднюю Азию. Не то в Ташкент, не то в Сталинабад. Или во Фрунзе.. Нет, не припомню!.

— Спасибо, тетя Катя! — Шурка чмокнула Малахову в щеку

— За что? — удивилась та.

— За новость. Главное — уехали. А найти, я их непременно найду. Красномайка — не человек, без вести не затеряется. Хорошо, что вырвались!

Катерина вздрогнула. Да, Бандуры вырвались, а вот Малаховы!.. Нет, лучше не тревожить себя. Что проку?

III

«Мессер», подбитый нашими истребителями, упал в Малой бухте Камковской косы. Метрах в пятидесяти от хутора Савелия Бандуры. Самолет остался на мелководье, выставив напоказ изломанное крыло да темный горб кабины.

На хуторе в то время были сам старик и Надежда Поливановна, приехавшая проведать мужа из Камкова. Как только начались бомбежки, Савелий Маркович отправил жену с детьми в поселок, где им на миру было легче переносить то, что творилось вокруг. О себе старый Бандура не думал, да и не впервой ему было встречаться с напастью

Второй раз вплотную подошла война к его дому. Гражданская разрушила их некогда большую семью. Лишь самая малость народу сумела собраться под родной крышей, и то ненадолго. Забрав семью, уехал в Песчанск Григорий, поступил работать на завод. Изредка проведывал отца, привозил внучат — Алексея и Шурку. Федор перебрался в Камково, пошел в приймы к Матрене Извековой. С ней и жил, покуда не погиб в зимнем море. С одним меньшим, Васькой, остался на хуторе Савелий Маркович. Вторая война и этого из дома забрала. Благо, незадолго до нее второй семьей успел обзавестись старик, не то бы куковать на острове одному.

Старый Бандура знал отмели родной бухты лучше, чем закутки собственного подворья. Потому сразу сообразил, что к упавшему «мессеру» можно добраться без баркаса. Тянуло его к самолету жгучее любопытство. Не терпелось повидать, что за чудище сидит в кабине. Наверняка рогатое и волосатое, потому что не могло существо с человеческим обликом творить над морем то,

чему свидетелем был старик. Не торопясь натянул Савелий Маркович кожаный рыбацкий костюм, в котором сапоги и брюки были сшиты вместе, защищали тело по грудь. Для лучшей водонепроницаемости кожа была густо пропитана дельфиньим жиром.

Надежда Поливановна стояла на берегу, смотрела на медленно идущего к самолету мужа. Советовать что-либо не решалась. Не в обычае рыбацких жен вмешиваться в мужские дела. Промолчала даже тогда, когда увидела, как прихватил старый Бандура увесистый камень, невесть как попавший на берег. Камень Савелий Маркович взял на всякий случай. Поди знай, как встретят тебя чужеземцы?

Пилот был жив. У него хватило сил расстегнуть ремни и откинуть защитную крышку кабины. Спускаться в холодную воду и брести к берегу он не решился. Сможешь ли дойти? Вода не земля, на ней не отлежишься, если устанешь.

Появление мужика в необычной одежде порадовало летчика. Дядя здоровый, такой вынесет.

— Значится, ишо дыхаешь? — спросил Савелий Маркович, окинув сидящего в кабине немца цепким взглядом маленьких глаз.— Живучий ты, паря. У меня думки были, что вже конец тебе пришел.

В голосе рыбака не было вражды. Пилот заулыбался, что-то залопотал совсем для Бандуры не понятное. Старик вначале слушал внимательно, потом в сердцах махнул рукой:

— Брешешь, чисто тебе турок! Лучше вже помолчь.— Пожевал губами, добавил.— У вас взаправду роги на голове растут, али они понарошке туда приделанные? Сыми-ка эту штуку,— потянулся к шлему на голове летчика.

Тот почувствовал неладное, начал торопливо расстегивать кобуру пистолета.

— Дурачок ты, как я погляжу! — укоризненно сказал Савелий Маркович.— По-людски балакать не научился, а за оружию хватаешься!..

Удар рыбацкого кулака, в котором был зажат камень, мог бы положить и здорового, но для верности Бандура сделал еще один. Бросил камень в воду. Легко вытащил из кабины обмякшее тело, привычно, как мешок с рыбой, бросил на плечо, пошагал к берегу.

То, что сделал Бандура, было противно всему его рыбацкому естеству. Из поколения в поколение не только в их роду, но и всем тем, кто жил на побережье, с детства прививалось чувство заботы о попавшем в беду человеке. Заклятому врагу ты поначалу должен оказать помощь, а потом сводить счеты. Нарушишь рыбацкую заповедь, оставишь человека на смерть в море — будет тебе суд от вернейших дружков-приятелей.

Савелий Бандура, действуя по велению сердца, рыбацкого суда и дурной молвы не боялся. Знал, в силу вступает неписаный закон, когда речь о л ю д я х идет. Фашисты ни для него, ни для других камковчан людьми быть не могли. Трое суток, развора-

чиваясь над косой, выходили на Песчанск самолеты немцев, засыпали улицы города бомбами. На бреющем носились над морем, расстреливали безоружные рыбацкие сейнеры с женщинами и детьми. Не щадили и баркасы, спешившие на помощь к погибающим. В щепы разбивали посудины.

— Господи, неужели у них матерей и детишков нету? — плакалась Надежда Поливановна, глядя на султаны взрывов и дым пожарищ над городом. Бережно прижимала к себе меньшую, которая ростом уже доставала мать.

— Ничего у них нету, окромя злости и яда! — хмурился Савелий Маркович, от бессилья сжимал крепкие кулаки.— Не могли таких звериных выползней бабы на свет нарожать. Не иначе, как от ведьмачек они на свет появились, потому и на людей лютуют.

Когда упал в воду «мессер», движимый любопытством посмотреть на чудище, что сидит в кабине, поспешил к самолету рыбак. Думалось, что непременно что-то страшное и волосатое с обязательными рогами увидит, потому и прихватил камень. Похожий на обыкновенного, сидел человек, никаких рогов даже под шлемом не обозначалось. Не заговори немец, не услышь Бандура непонятную для него тарабарщину — может быть, и не поднялась бы у него рука. От звуков чужого языка прибыло на память пережитое, заставило свершить суд.

— За что ты его, Савва? — испуганно спросила Надежда Поливановна, которая хорошо видела с берега, что произошло возле самолета.— Могеть, он не из тех зверяк, по какой ошибке до их приблудился?

— По ошибке он, видать, и за нашим гонялся! — сердито бросил старик.— Накинулся чисто тебе коршун на воробышка. Добрый человек слабого да беззащитного зобижать не стал бы. Гад он распоследний, потому и получил по заслугам.

— Прикопать надо! — вздохнула женщина.— Дети из поселка возвернутся — насмерть перепугаются.

— Глупости говоришь, мать! — строго отозвался Савелий Маркович.— За ним непременно другие пожаловать должны. Пущай они его и прикапывают.

— Так ить казнят они тебя, как дознаются! — ахнула Надежда Поливановна, прикрыла ладошкой рот.

— Казнить меня нема за что! — не согласился Савелий Маркович, хитровато блеснув глазами.— Я добра хотел, на выручку поспешил, а шо энтот гад дохлым оказался, какая моя вина.— Тут же стал серьезным Бандура, распорядился.— Ты, мать, бери баркас и подавайся в поселок. Побудь тама сама и детей попридержи. Когда можно будет возвернуться, я вам дам знать. Токи пошевеливайся. Анчихристы эти каждый секунд заявиться могут.

Савелий Маркович оказался прав. Баркас с Надеждой Поливановной был на полпути к поселку, когда к перешейку, отделяющему остров от материка, диковинная подкатила машина. Не уменьшая скорости, скользнула с берега в воду бухты, буравя ее тупым носом, поплыла к самолету. Немцы недолго рылись в раз-

битом «мессере», уже через несколько минут были на острове. Еще раз старик удивился легкости, с которой машина выползла на песок. Подумалось, такую бы пустить под рыбальство, цены бы ей не было.

Приезжие вроде бы и не заметили Бандуру. Бросились к лежавшему на песке пилоту, под голову которого рыбак предусмотрительно поклал мешок с камкой. Долговязый верзила, видимо, врач, припал ухом к груди летчика, прощупал худыми пальцами пульс. Поднялся, беспомощно развел руками. Что-то непонятное для Бандуры сказал товарищам. У Савелия Марковича от лающих голосов задрожало веко, силой заставил себя держаться спокойно.

— Вот и я говорю, вроде бы отошли они,— напомнил о своем присутствии рыбак, шмыгнул носом. На него обратили внимание. Пожилой офицер бросил несколько слов. К Савелию Марковичу шагнул худощавый юнец, смешно коверкая слова, спросил:

— Ты вытайскивать нашего льотчика берег?

Спрашивал один, а смотрели на рыбака все. Савелий Маркович выдавил:

— Я ить рыбак, твое благородие. А иде видано, чтоб рыбак без помощи человека оставил? Вдруг как живой бы он оказался и без моей поддержки умер?

Длинная речь нелегко далась молчальнику. Даже вспотел Бандура, хотя прохладно было во дворе.

Переводчик что-то сказал старшему. Тот бросил несколько слов, указал рукой на море, где виден был идущий к поселку баркас с Надеждой Поливановной. У Савелия Марковича сердце заныло, мысленно ругнулся: «Пригляделся, язва тебя задави! Попадись ты мне один на один — я бы тебе гляделки прикоротил!»

Предупреждая вопросы, сказал:

— То баба моя у поселок погреблась. Повелел фельдшера привезти. Вдруг сделает чего?

Старший внимательно выслушал переводчика, искривил лицо, что должно было означать улыбку. Сунул руку за отворот шинели, достал увесистый бумажник. Долго рылся в нем, вложил в руку юнца какую-то бумажку. Тот подошел поближе к Савелию Марковичу, торжественно произнес:

— Господин майор имеет говорить, что ты есть хороший человек. Он вознаграждайт тебя, твой благородный поступок, даст деньги. Бери!

— Что же, деньги лишними не бывают, завсегда в хозяйстве сгодятся,— степенно протянул Савелий Маркович. Пошевелил тугой шеей, словно поклон сделал. Тут же неловко переступил с ноги на ногу:— Вот токи не совсем удобно брать их. Я ить не за плату, от чистого сердца так поступил. Можно просьбу высказать?

— Говори...

— Пущай ихнее благородие на деньгах пометку какую сделает, чтоб известно было, по каким заслугам они мне выданы. А я их, как память, заместо грамоты у рамочку заведу и на стенку повесю. Любоваться, значится, буду...

— Оригинально! — вновь искривил лицо старший, выслушав переводчика.— Марка с моим автографом на стене славянской хижины. Он вовсе не дурак — этот старик. Не каждый может похвастать таким произведением искусства!

— Твоя просьба, мужик, имеет быть исполнена,— просветлев лицом, словно сам получил награду, сказал юнец. Взял из рук майора подписанную марку, отдал рыбаку.

— Покорнейше благодарю! — ухмыльнулся Савелий Маркович.— Токи дозвольте узнать, что тама прописано?

— Ты получаешь благодарность за помощь великой Германии. Господин майор говорит, что это есть большой награда. Можешь иметь радость, мужик!

— Ну, ишо раз вам всем спасибочки! — Савелий Маркович осторожно дунул на бумажку, чтоб скорее просохли чернила, сунул деньги за отворот рубашки.

Немцы забрали тело пилота, уехали. Савелий Маркович проследил взглядом машину. Когда она миновала поворот, начал разжигать костер. В набравший силу огонь бросил охапку сырой камки. Густой дым поднялся в небо. Это был сигнал к возвращению Надежды Поливановны.

Вскоре баркас подошел к острову. Кирей и Володька сразу же побежали к бухте смотреть самолет. Верка поспешила за братьями.

— Обошлось? — спросила Надежда Поливановна.

— Пронесло-проехало!.. Ты чой дрожишь, мать. Взмерзла, небось?

— За тебя душой изболелась. Вона как руки трясутся, чисто тебе во льду побывали...

— Ничего со мной не могло произойти! — Старику приятна забота о нем, но негоже мужику в бабьих переживаниях копаться. Чтоб переменить разговор, спросил:— Чего нового у поселке?

— Все чисто новое, Савва. Кузьма Калганков старшим над рыбаками поставлен. Как, скажи, переродился вражина, зверем стал. Дыхать людям не дает. Грозился и до хуторов добраться. Грит, живете на своих отшибах без всякого порядка, новой власти уважения не оказываете...

— Это Калганков, который конюхом был?

— Какой же ишо!

— Гляди тебе! — недоуменно протянул Савелий Маркович.— А соткедова же он узялся? Его Матвей Кружилин ишо по началу осени с колхозными лошадями на Кубань отправил, чтоб скотину от немца приберечь. Неужто ослушался, назад возвернулся? За такое Кружилин голову с него сымет!

— Теперя не сымет!.. Теперя Калганков у поселке власть справляет, а не Матвей...

— То ищо поглядим! — нахмурился Бандура.— Кружилин артельным ватажком народом выбранный, а Кузьма Калганков кем? То-то!.. Потому пущай скоки вгодно бесится, а ветер не у его парус дуть будет. Для нас, мать, он насовсем пустое место. Тьфу,

и ничего больше.— Савелий Маркович сплюнул на песок, показал в сторону поселка кукиш.— Вота чего он от нас поимеет! Мы теперя охранную грамоту в руках держим. Будем ею всякую гадость, чисто тебе клопа, керосином от хутора отгонять!

— Чой это? — опасливо покосилась Надежда Поливановна на бумажку, которую Бандура достал из-за отворота рубахи.

— Деньги ихнии. А прописано на них, шо нужные мы для новой власти люди, и потому до нас с полным уважением относиться надо.

— За что же тебе их дали?

— За дохляка того, шо у самолете сидел. Вишь, почем они за штуку идут!..

За много дней впервые улыбнулся Савелий Маркович, рассмешила шутка с немцами. Надежде Поливановне не до веселья. Тяжкие времена настали, всего бойся. А больше всего — собственного мужа. С его характером долго ли на неприятность нарваться? Узнай немцы, что на самом деле с летчиком случилось, никого бы не пощадили. От хутора одни головешки оставили. Подумает об этом женщина — и в ознобистой дрожи начинает колотиться сильное тело.

IV

Кузьма Калганков вернулся домой из эвакуации не в настроении. Табун лошадей, который он считал уже своей собственностью, был отобран обозом отступающих красноармейцев. И всему виной Марийка Кружилина, невесть как оказавшаяся в этом обозе. Порадовала нечаянная встреча с Малаховым, решил отыграться на секретаре райкома, сдал его немцам, и тут прокол. Как с давними дружками, повел себя Петр Севастьянович с оккупантами, сразу нашел с ними общий язык, даже залопотал что-то по-ихнему. Потому и прикрикнул на заохавшую и пустившую от радости слезу Дуську, не ждавшую столь быстрого возвращения мужа. Немного отошел за столом, который постаралась накрыть Дуська по такому случаю. Даже бутылку белого выставила, хотя и с опаской это сделала. Знала, не очень охочий к вину муж. Но на этот раз не осерчал Кузьма, довольной улыбкой одобрил старательность жены. Собственноручно разлил вино по стаканам.

— За новую жизню, Дуся!

— Нет, за твое возвращение, Кузьма! — заулыбалась Калганиха.— За большую для нас обоих радость!

— Не то говоришь, мать,— поморщился Калганков.— За нас чего пить? Вона, сидим друг напротив дружки, как и десять лет назад. Сидим и не понимаем того, что в сей момент громадная перемена округ нас происходит. За нее мы с тобой и выпьем, потому как непременно она нас коснется!

Мало что поняла из замысловатой речи мужа Дуська, но вино, подталкиваемая строгим взглядом Калганкова, выпила. Даже капельки на донышке не оставила. Кузьма свой стакан опорожнил.

тут же, не закусывая, расправился со вторым и лишь тогда жадно набросился на еду.

Утром принаряженным вышел на улицу Калганков. Только с сапогами возился добрый час, обхаживал их щеткой и бархаткой. Глянец довел до матового блеска. Степенно пошагал к бывшему дому Камковского прасола Колова. Верил: теперь уже никакая сила не вырвет из рук лакомый кусочек. Один раз замахнулся на это подворье — не получилось. Сейчас времена не те.

Шел Калганков гордо, не тихой мышкой, каким привыкли его видеть в поселке, а с высоко поднятой головой. На удивленные взгляды камковчан внимания не обращал, первым ни с кем не здоровался. Небрежным кивком головы отвечал лишь тем, кто желал ему доброго утра

У Игната Кальченко при виде Кузьмы широко открылся рот. Только и смог сипло прошамкать:

— Глянь на него! Вырядился чисто тебе гусак. Это с какой же радости?

Кузьма, хотя и побаивался инвалида, с тех самых пор, как тот, пусть даже по собственной инициативе, выдвинул себя на представителя Советской власти в Камково, здесь ничего не ответил, пошел прямо на Игната. Настолько это было непривычно, что Кальченко сделал шаг в сторону, уступил дорогу.

«То-то,— мысленно усмехнулся Кузьма.— Теперя знай свое место и не вертись под ногами, бо непременно придавленным окажешься и, может быть, до самой до смерти. Кончилась ваша власть, а вместе с ней и сила!»

Хозяином прошелся по бывшему прасоловскому подворью Кузьма. Прикинул, где и какой нужен ремонт. Строения выглядели крепкими, добротными. На долгие годы строили для себя дома купцы, Колов не стал исключением. Наверняка мнилось бывшему прасолу, в руках которого была вся рыбная торговля на побережье, что здесь ему век свой заканчивать, да все по-другому вышло. Выбросила коммуна купчишку, как захудалого щенка со двора, заставила петлю на шею одеть. Мог ли подумать даже Илья Гаврилович, что Калганков, которого он никогда и за человека не считал, станет хозяином его хором? Кабы знал, намного раньше бы повесился.

Вернулся Кузьма домой, переоделся. Телегой подался в город. В оставшихся без присмотра магазинах набрал краски, гвоздей, всего другого, что под руку попало и в хозяйстве могло сгодиться. Заглянул в пустующие дома, жильцы которых ушли на восток с Красной Армией, нужные взял на заметку. В последующие дни несколько раз наведывался в город, привез мебель, посуду, приглянувшиеся вещички.

Калганиха не выдержала, упрекнула:

— Постеснялся бы, Кузя. Ить это что ни есть настоящий грабеж. Возвернутся люди, чего тебе скажут?

— Ты, старая, замолчь, коли ничего не разумеешь!—строго прикрикнул на жену Кальганков.— Никому никакого возврата

быть не может. Конец проклятому времени пришел, новая жизнь наступила. И тот самый распоследний дурак будет, кто счастье свое упустит!

Не кроясь, стал обновлять свои владения Кузьма. Привел в порядок и обставил мебелью дом. Поправил покосившийся заборчик, выкрасил в веселый голубой цвет. На крыше три листа негодного железа заменил. Чесались руки выкрасить крышу, опаска сдерживала: пойдет дождь — все труды насмарку. Осень на дворе.

В заботах об устройстве и застали Калганкова приехавшие из города немцы. Один мордатый, с маленькими ушками на крупной голове — точно немец. Второй, хоть он и в военный мундир переоделся, Кузьме хорошо знаком был. Митькой его звали. Жил Митька в немецкой колонии Песчанска с первого дня рождения, не так давно торговал на рынке ранними овощами, вином, прочей разностью. На привозе не раз друг возле дружки стояли.

Двое зашли в дом. Не обращая внимания на семенившего за ними Калганкова, начали присматриваться к обстановке. Кузьме подумалось, что немцы узнали о его проделках в Песчанске, о том, что побывал он в чужих домах и магазинах, потребуют ответа. Повалился в ноги к пришельцам, запричитал:

— Каюсь и прощения прошу, господа хорошие! Бес попутал и начисто разума лишил. Все подчистую верну, куда скажете, только душу на покаяние пустите, жизни не лишайте!..

Немец, который настоящий был, что-то буркнул. Кузьма не понял, вопрошающе уставился на Митьку. Тот брезгливо поморщился, указал пальцем на стул:

— Садись, дядя, и на вопросы отвечай. Брехать не вздумай, у нас на этот счет строго.

Кузьма не сел, а чуточку прикоснулся задом стула. Дрожащие от страха и напряжения ноги готовы были в любую секунду поднять тело.

Первый вопрос был о Малахове. Кто такой, когда в поселок заявился, что делал. Здесь Кузьме и пришлось задуматься. Собственными глазами видел, как нашел комиссар общий язык с немцами. Ну, а как опять он силой в городе стал? Может, подружив с новыми хозяевами, решил покарать Кузьму за предательство? По всему выходило, что очень осторожным быть нужно.

— Приехал он до нас с очень серьезной болячкой где-то в тридцатом году,— подолгу задумываясь над каждым словом, начал Кузьма.— Опосля выздоровления партийными делами зачал заниматься. Никогда не мог я даже у мыслях иметь, что наш он человек.

— То не твоего ума дело!— прикрикнул Митька.— Выкладывай, чего знаешь, и ни слова лишнего.

От строгости Митьки сразу почувствовал облегчение Кузьма. Понял, что от него требуют. Обстоятельно перечислил дела бывшего комиссара, за которые, по его мнению, можно было расстреливать Малахова без суда и следствия.

Простились немцы с Калганковым хорошо. На утро приказали быть в городе у начальника гестапо и обязательно со списком людей, что входили в поселковый актив, были на виду при старой власти. Калганков расщедрился, выставил на стол бутылку коньяка, найденную во время рыскания по чужим квартирам. Гости пить не стали, бутылку забрали с собой.

Визит этот, как понимал Калганков, имел для него самые важные последствия. Не в каком-то отдаленном будущем, а именно завтра, должна была решиться его судьба. Он сразу же принялся за составление списков. Правда, людей, которых он называл, в поселке почти не осталось. Большая часть ушла с Советами, кто морем — на Кубань, кто пешим порядком — на Мариуполь, но Кузьму это мало волновало. Ему поставили задачу, и он обязан выполнить ее как можно ответственнее.

На следующий день списки лежали на столе у шефа гестапо — штурмбанфюрера Вальзера. Первой в них значилась Евдокия Калганкова, проходившая как активистка поселкового Совета и ударница женской рыболовецкой бригады. Для большей убедительности в политической неблагонадежности Дуськи Кузьма назвал количество грамот, полученных женой за отличный труд. Вся беда Калганихи была в том, что видела она позор мужа, ползающего у немцев, в случайной обиде могла поведать о том камковчанам. Не хотел Калганков, чтобы знали о его унижении в поселке. Гордым и недосягаемым для других видел себя в новой жизни. Была и еще одна причина: не очень вписывалась в эту новую жизнь Дуська.

Получив вызов, приосанился Кузьма, поплевал на ладошки, пригладил редкие волосы. Входил в кабинет осторожно Понимал: не порог сейчас переступит, а черту неизведанную. Кто знает, что за ней и как выберешься отсюда: с высоко поднятой головой или придавленным червяком выползешь?

— Присаживайтесь, господин Калганков,— по-русски и довольно сносно сказал гестаповец. Указал на стул.

— Ничо, мы люди маленькие и постоять можем...

— Зачем же стоять, у нас разговор долгий...— Вальзер проследил взглядом, как неловко мостится на стуле гость, придвинул к себе лежавшие на столе бумаги.— Вы сделали, господин Калганков, большое и нужное для великой Германии дело. Однако мне не все здесь понятно. Я не вижу в списке Малахова, почему?

— Он же нашим оказался, ваше благородие!

— Вы в этом уверены?

Теперь Калганков был готов к ответу. Потому что вопроса этого ждал. Знал, спросят о Малахове — скажет всю правду, не кроясь, как тем двум говорил. Отмеряя кончик мизинца большим пальцем, сказал:

— Вот даже настолечко не уверенный, ваше благородие! Хоть режьте меня, хоть на костре жгите, мнения своего не изменю. Был Малахов комиссаром, им и остался!

— Вот как?— недоверчиво усмехнулся гестаповец. Откинулся на спинку кресла, прощупал собеседника настороженным взглядом:— А если я другого мнения?

«Все, как есть пропал, сам, дурачок недогадливый, голову в петлю сунул!»— со страхом подумал Кузьма. Но отказываться от сказанного уже нельзя было. Начнешь выкручиваться — хуже наделаешь. С жаром начал доказывать:

— Никак не может человек заново переродиться. Каким у малолетстве был, таким и до конца жизни останется. Меня возьмите, ваше благородие. Двадцать с лишним лет я при ихней власти находился, а принять ее все равно не мог. Не моя это власть, и все тут! А Малахов за эту самую Советскую власть, будь она богом проклята, усе свое здоровье и силы поклал. Как же он теперя без нее останется?

Раскраснелся от волнения Калганков, на лбу бисеринки пота выступили. Сидел опустошенный и разбитый, словно много километров тащил на спине тяжелый груз.

— Вы мне нравитесь, господин Калганков,— сказал Вальзер. Выдвинул ящик стола, достал пачку сигарет, выбил одну, протянул Кузьме.

— Спасибо, не балуюсь,— учтиво отказался Калганков.

— Нравитесь за откровенность,— продолжал гестаповец. Чиркнул колесиком зажигалки, прикурил. Табак был не эрзац, а настоящий болгарский. Ароматный дымок расплылся по комнате.— Мы, немцы, любим правду. Не вздумайте мне лгать в дальнейшем. Это будет плохо обходиться!— Вальзер в шутку пригрозил Кузьме пальцем.

— Помилуйте, ваше благородие, как можно?— ужаснулся Калганков.— Кто же на такое пойдет!

— Правильно, не нужно ходить. Евдокия Калганкова вам родственница?— неожиданно спросил немец, несильно затянулся. Смотрел прямо в лицо Калганкова.

— Жена, хоча с ней мы и не расписанные. Под венцом тожеть не были...

— Как вы разрешили ей стать ударницей, большой активисткой?

— Так ить власть на ее стороне была,— удивился неразумности вопроса Кузьма.— А я супротив власти человек маленький. Ишо токи подумал бы на нее замахнуться, как меня тут же в порошок стерли бы!

— А инвалид этот?— Вальзер начал искать в списке нужную фамилию.

— Кальченко,— подсказал Кузьма.

— Да, Кальченко. У него же не было никакой должности. И активистом он не числился.

— Это в последнее время, ваше благородие, когда его Малахов в сторону отодвинул. До того самым главным Кальченко в поселке был, Советскую власть представлял. Усеми нами командовал.

— Это меняет дело.— Гестаповец взял карандаш, старательно переправил вопросительный знак перед фамилией Игната на восклицательный. Отодвинул список.— Последнее, господин Калганков. Как вы отнесетесь к моему предложению стать во главе управы, которая будет организована у вас в поселке?

У Кузьмы перехватило дыхание. Смотрел на немца преданными собачьими глазами, сказать ничего не мог.

Вальзер понял его состояние:

— Будем считать, что договорились. В вашем распоряжении будут органы управления, полицейский аппарат. Людей подберите сами, утверждать будем мы. Поздравляю с назначением!

Гестаповец поднялся, протянул Кузьме холеную руку. Калганков осторожно, как к очень дорогой и хрупкой вещице, прикоснулся к ней. Тут же вскочил и по-солдатски замер:

— Разрешите итить, выполнять распоряжение?

— Да, конечно!

— Слухаюсь!

Кузьма неумело повернулся, зашагал к выходу. Вальзер проводил его взглядом, опустился в кресло. Он был доволен собой. За преданной почтительностью Калганкова гестаповец безошибочно угадал нужного человека. Такие, по опыту знал, на все пойдут, лишь бы удержаться у власти. Именно здесь они и нужны. Без них не обойдешься в этой варварской стране, в которой нет даже порядочных туалетов. По нужде всякий раз приходится выходить во двор.

V

Когда и какую ошибку он сделал?

Петр старательно ищет ответ на этот вопрос и покуда не может найти.

Он правильно повел себя, когда его выдал Кузьма Калганков. Сумел подобрать понятную для немцев фразу, что сам сдается на их милость. Последние отнеслись к нему без видимой враждебности. Петр не знал, что между полевыми частями, осуществляющими временную власть в городе, и теми, что были за ними: гестапо, зондеркомандами, охранными отрядами СС и прочими оккупационными организациями — имелась существенная разница. Первые завоевывали жизненное пространство для рейха, вторые устанавливали на этом пространстве «новый порядок». Они точно исполняли директиву фюрера от 16 сентября 1941 года:

«...Чтоб в корне задушить недовольство, необходимо по первому поводу применять наиболее жесткие меры, чтоб утвердить авторитет оккупационных властей... При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости».

За три месяца до этого была издана инструкция об обращении с политическими комиссарами:

«1. В этой войне по отношению к политическим комиссарам нельзя допускать пощады и учитывать принципы международного права. Они представляют опасность для войск и для быстрого умиротворения завоеванных областей.

2. Политические комиссары являются виновниками варварских азиатских методов борьбы. С ними нужно расправляться быстро и без всякого. Если их захватывают в бою или при оказании сопротивления, то их следует немедленно уничтожать при помощи оружия».

Комендант, к которому привели Малахова, знал об этой инструкции. Услышав слово «комиссар», он тут же распорядился отправить задержанного в гестапо. Так Петр попал к штурмбанфюреру Вальзеру. В кабинете, когда они остались вдвоем, Малахов, не спрашивая разрешения, опустился на свободный стул. Все еще давала знать о себе недавняя контузия.

— Встать!— негромко, но властно приказал гестаповец.

Петр извиняюще развел руками:

— Простите, но если я это сделаю, то наверняка упаду и не смогу ответить на ваши вопросы.

— Вы ранены?

— Контужен.

— В бою?

— Какие в мои годы бои? Контузило во время бомбежки. Здесь такое творилось...

— Наши ребята умеют работать!— удовлетворительно сказал немец, разрешил:— Можете сидеть.

Петр не знал от какой опасности избавился. Участие в бою означало сопротивление войскам рейха, и тогда в силу вступала инструкция.

— Хорошо, что вы ничего не скрыли,— сказал гестаповец, выслушав сжатый рассказ Малахова. На минуту задумался. Петр понимал, что немец ему не поверил, во всяком случае, если и поверил, то не до конца, и теперь решает как ему быть.

— Идите,— неожиданно отпустил его Вальзер.— Через несколько дней начнется регистрация коммунистов и комсомольцев. Вам скажут, как быть дальше.

Малахов вернулся домой, но уже утром за ним пришла машина. Это не было похоже на арест, авто было легковое без охраны. И все же это был арест. Его посадили в одиночную камеру, где продержали несколько дней в неизвестности. Никаких допросов. Малахов понимал, что гестапо наводит о нем справки, и был рад этому. Рад потому, что случившееся совпадало с наметками и планами, которые они разрабатывали в обкоме с Яворчиком. Именно такое начало развития событий они и предполагали.

Вальзер действительно спешно занимался его делом. Он понял, что совершил непростительную ошибку, отпустив Малахова, когда закончил просматривать списки подлежавших уничтожению врагов рейха. Сюда входили фамилии партийных, советских, профсоюзных работников, врачей, актеров, художников, других извест-

ных в городе людей. Для гестапо не было тайной, что отступившие большевики оставили в городе подпольные группы. Искать этих людей, каждого в отдельности, он не намеревался. Зачем тратить время и силы на поиски одиночек, когда можно сразу выловить и уничтожить потенциальных врагов рейха. Сами Советы, как нельзя лучше, облегчили эту задачу. Как правило, верные им люди некогда входили в так называемый актив, выявить который для гестапо не составляло особого труда. Бывших активистов, как свидетельство собственной благонадежности, называли те, кто приходил на службу к фашистам.

Имя Петра Малахова значилось во многих донесениях. Кем он был при Советской власти, шеф гестапо знал из их разговора с самим Малаховым. Если бы он стал работать на рейх — это было бы большой удачей. Вальзер немедленно сообщил о своих соображениях в канцелярию рейхскомиссариата, которая обосновалась в Ровно. Ответ пришел со скоростью, на которую была способна военная почта. В небольшой записке личный секретарь гауляйтера сообщал, что в рейхскомиссариате одобрительно относятся к намерениям Вальзера привлечь к работе бывшего большевистского функционера. В Песчанск отправляется председатель гауляйтера, который займется делом Малахова.

Вальзера покоробило известие о том, что перспективное начало почти вырывают у него из рук, но он знал, что не имеет права показывать неудовольствие. Сразу же развил бурную деятельность по сбору досье на Малахова. Двух человек послал на Камковскую косу, где начинал деятельность бывший комиссар, сам стал ждать приезда человека из Ровно. До этого ни в какие контакты с Малаховым не вступал.

Разумеется, Петр ничего об этом не знал, мог только догадываться о деятельности гестапо. Зато он прекрасно запомнил свою первую встречу с представителем рейхскомиссариата.

— Все, что вы будете говорить, мы возьмем под сомнение,— сказал присутствующий при встрече Вальзер.— Словам не всегда можно верить.

— Я понимаю,— Петр и без немца знал, что каждое его слово будет перепроверено и не раз.

— Итак, что вас побудило оставаться в городе?

— Ответить на это так же просто, как и сложно...— Здесь он сделал паузу. Примерно такое начало разговора ими было предусмотрено. Ответы детально проработаны. Важно не показать заученности.— Я не стану касаться эмоциональной стороны дела, хотя она играет немаловажную роль в моих поступках. Приведу факты...

— Да, так будет хорошо,— согласился Вальзер.— Факты — упрямая штука. Кажется, так говорят у вас?

— Похоже. Так вот, факты...

Резко и требовательно зазвонил телефон. Вальзер поморщился, неохотно поднял трубку:

— Вас, герр оберст!..

Второй торопливо подошел к столу:

— Здесь Гарденберг!

То, что почувствовал Малахов, услышав эту фамилию, не так уж и важно. Вправе ли был он спрашивать о здоровье Эльзы? Вопрос вырвался неожиданно, совершенно неожиданно для него самого, и Петр понял, что за много лет жизни так и не научился владеть собой. Уже гораздо позже, обдумывая случившееся, детально восстанавливая в памяти каждую крупицу этой встречи, он сделал вывод, что поступить иначе просто не мог. Очень уж исключительная создалась обстановка. Готовясь к подполью, можно было предусмотреть многое, но только не это.

В пятом году, сразу же после разгрома Севастопольского восстания, товарищи отправили Малахова в немецкую колонию Дегендорф. Явка была у старика Ганса Гарденберга. Ганс был социал-демократом, но, то ли оттого, что он плохо разбирался в сложной путанице российских партий, то ли ему недосуг было вникать в их программы и он удовлетворялся конечной целью каждой — свержением царизма, убежище у него находили и большевики, и анархисты, и эсеры, и даже уголовники, выдающие себя за политиков.

Малахов думал пробыть у Гарденберга не больше недели, пока появится возможность уйти за кордон или перебраться в более надежное место, но по воле случая ему пришлось задержаться здесь на четыре месяца. Друзья, на которых он надеялся, сами попали в руки охранки.

В доме командовала дочь старика — двадцатилетняя Эльза. Не по годам рослая девушка, она привыкла к причудам отца и давно махнула на них рукой. Эльза была хороша первозданной красотой молодости. Время давало ей силу и здоровье, не требуя пока отдачи долгов за румянец на щеках, гладкий без единой морщинки лоб и сильное тело. Она не любила подолгу возиться у зеркала, но Петр никогда не видел ее небрежно причесанной или неряшливо одетой. Сказывалась типичная немецкая аккуратность.

Днем Малахов почти не выходил из дому. Он разрешал себе короткие прогулки по вечерам. Иногда его сопровождала Эльза. Петр рассказывал ей о своей родине — небольшом шахтерском поселке вблизи Юзовки, о службе на флоте, о неудавшемся восстании. Слушая, как громили снарядами безоружный «Очаков», а потом добивали тех, кто пытался вплавь добраться до берега, Эльза пугливо вздрагивала, теснее прижималась к матросу. Както прикосновение ее теплого плеча затянулось, и Петр ощутил нервный озноб девушки.

— Что с тобой, мэтхен? — спросил он. Она не ответила, сильнее прижалась к груди парня. Случилось то, что должно было случиться: их губы встретились.

Ночью она пришла к нему в боковушку и ушла утром, оставив на примятой подушке едва уловимый запах чисто вымытых волос.

Через три месяца Петр узнал, что станет отцом.

Так коротким июньским сном промелькнула для Малахова странная пора, оставив в душе горьковатый осадок неопределенности. И вот теперь эта неожиданная встреча с юностью, в совершенно непредвиденной обстановке.

— Как здоровье фрау Эльзы? — именно так спросил Малахов, услышав знакомую фамилию. Гарденберг ничего не ответил, хотя и не мог не услышать вопрос. Может быть, имя Эльзы ему ничего не сказало? Мало ли на свете однофамильцев. Меж тем допрос продолжал следовать своим чередом

— Мы вас слушаем, господин Малахов?

— Итак, факты...— Петру нелегко было вернуться в русло разговора, но он заставил себя сделать это.— Вы не станете отрицать, что, совершив революцию, мы не только изменили политический строй государства, но и открыли перед страной немыслимые ранее перспективы экономического развития. Нечто подобное произошло и у вас после тридцать третьего года. Наши пятилетки, так же, как и ваши двухлетки, говорят сами за себя. Вообще, в период становления, да и позже наши страны были удивительно похожи друг на друга...

— Вы так считаете? — иронически заметил Вальзер.

— Я говорю о фактах.

— Что же, мы вас слушаем.

— Начну с похожести, больше того, почти одинаковости — наших политических систем: и у вас, и у нас во главе государства стояли партии, руководимые вождями. Ни о какой оппозиции не могло быть и речи. Для тех, кто не хотел принимать действительность, имелись лагеря. Это позволило избежать ненужных раздоров, укрепить монолитность систем. Заботясь о чистоте арийской расы, вы поднимали нацию над другими народами. Мы делали то же, утверждая, что советский человек на голову выше любого другого. И конечная цель у нас и у вас остается похожей. Вы утверждаете, что сегодня вам принадлежит Германия, а завтра весь мир, а мы — что будущее планеты принадлежит коммунизму. Слова разные, но суть одинакова. Вы со мной согласны?

— Вы оригинал, господин Малахов,— улыбнулся Вальзер.— Не могу понять, как с такими суждениями вы в свое время не угодили за решетку?

— Пришлось испробовать и это,— мимоходом заметил Малахов. Увидел, как переглянулись немцы. Понял, что Гарденберг не нуждается в переводчике. И опять пришла мысль об Эльзе. Она отлично владела русским языком. А что, если?.. Нет, об этом даже подумать страшно. Он попытался отогнать от себя нелепую мысль, но она не ушла, только на время затаилась, и он это чувствовал. Если тогда, в пятом году, у Эльзы родился сын, он должен быть ровесником этому оберсту.

— Почему при первой встрече вы не сказали мне, что были под арестом? — спросил Вальзер.

— Я отвечал только на ваши вопросы, господин штурмбанфюрер. Не упомню, чтобы вы задавали мне похожий.

Оберст заелозил в кресле, Вальзер поспешно сказал:

— Вы интересный собеседник, господин Малахов, но так и не сказали, что заставило вас остаться в городе?

— Я как раз и хочу это сделать. Только глупцы не хотели видеть, что наши системы непременно вступят в конфликт. Однородные тела всегда отталкиваются. Таков разумный закон природы. Когда это случилось, самый несложный подсчет дал мне возможность установить победителя. Учитывая потенциал побежденной вами Европы, вы имеете неоспоримое преимущество. Преимущество в добыче стали, угля, нефти. Против ваших почти трехсот миллионов человек мы можем противопоставить лишь сто восемьдесят своих. Теперь, после потери Белоруссии и Украины,— и того меньше. С вами союзники, объединенные не только целью, но и духом, чего не скажешь о союзниках наших. Считать друзьями Черчилля или Рузвельта, которые до вчерашнего дня ходили во врагах,— это, простите, несерьезно. Я реалист, господин штурмбанфюрер, привык верить в силу и подчиняться силе. Сила на вашей стороне. Таковы факты!

— Вы свободны, господин Малахов!

Это не Вальзер сказал, а Гарденберг. Голос был равнодушный и звучал устало. Петр поднялся.

— Один момент,— Вальзер подмахнул лежавшую перед ним на столе бумажку, протянул Малахову.— Это часовому. Иначе вас не выпустят.

— Мне домой? — недоумевающе протянул Петр, забирая пропуск.

— Куда же еще? — удивленно пожал плечами штурмбанфюрер. Повернулся к оберсту, о чем-то оживленно заговорил с ним.

— До свидания, господа!

Они не ответили, вроде бы и не расслышали. Продолжали разговор. О чем говорили немцы, Петр не понимал. Оставалось только одно — уходить. Куда и зачем — этого он тоже не знал. Все обернулось совсем не так, как они с Яворчиком задумали.

VI

В комнате было холодно. Морозы в этом году начались уже в октябре, а с топливом вовсе неважно обстояли дела. В сараюшке во дворе, что принадлежал им с Катериной, Петр нашел немного угля, оставшегося с прошлого года. Готовясь встречать зиму в городе, Малахов думал о главном — о деле, ради которого шел на риск. Мелочи — вроде еды и топлива — как-то не занимали его, он вообще никогда внимания на такие вещи не обращал. Теперь пришлось призадуматься.

Петр сбросил одеяло, поеживаясь, стал одеваться. Делал это в темноте, потом, ругнув себя, подошел к окну, распахнул ставни. Ровный холодный свет залил комнату. Стало вроде бы еще морознее.

Сегодня Малахов решил выйти в город. Если немцы затеяли с ним какую-то игру, они непременно станут следить за ним. Обнаружить это будет нетрудно: у него есть опыт. Ну, а если нет? Если он действительно им не нужен и предоставлен сам себе? Тогда спешить с выводами никак нельзя. Нужно хорошо осмотреться, потом действовать по обстановке.

У него была явка. Одна-единственная, которую дали в обкоме. Причем это был даже не адрес, а место, куда нужно выходить в определенные дни месяца, но о ней сейчас и думать нельзя было. Да и с чем выходить?

Он запер наружную дверь, провожаемый недоуменными взглядами соседей, вышел на улицу. Не спеша побрел к центру. За тот десяток дней, что Малахов провел в камере гестапо, а потом дома, город был подчищен, выглядел не так страшно, как в ту пору, когда он увидел его сразу же после возвращения. Тротуары были освобождены от битого кирпича и стекла. Исчезли с улиц покореженные взрывами деревья и столбы. Воронки на мостовых присыпаны песком и аккуратно заделаны булыжником. Не отнимешь у немцев умения организовать нужные работы.

Пленные красноармейцы, возле которых не было видно никакой охраны, расчищали разбитый бомбами дом. Складировали целые кирпичи и доски. Один из них шагнул к Малахову, спросил:

— Табачку на закрутку не найдешь, земляк?

— Не курю, товарищ! — Петр развел руками, впервые пожалел, что нет в кармане кисета с махрой, удобный был бы случай поговорить с человеком. Вдруг увидел, как после его ответа испуганно передернулось лицо пленного. Он торопливо повернулся, пошел прочь, неловко волоча левую ногу. По дороге несколько раз обернулся, в глазах стоял все тот же испуг.

«Чего это он? — недоумевающе подумал Малахов.— Узнал, что ли? Если так, то действительно странная для него ситуация. Первый секретарь райкома свободно разгуливает по улицам занятого немцами города. К тому же я его товарищем назвал. Испугаешься...»

Он вышел к центру. У рекламной тумбы, что стояла возле входа в парк Шмидта, остановился. Долго и внимательно изучал приказы военного коменданта: о немедленной сдаче холодного и огнестрельного оружия, приемников и громкоговорителей, обязательной явке на регистрацию коммунистов и комсомольцев. Последнее касалось его. Запомнил адрес. Небольшой желтоватый листок привлек его внимание:

«ГЛАВНАЯ КВАРТИРА ФЮРЕРА
ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Продолжая наступление, доблестные немецкие войска овладели городами Можайск, Калинин, другими населенными пунктами. Бои ведутся на подступах к Москве...»

Это было похоже на правду. Туда — на восток — денно и нощно шла через город техника врага, машины с мотопехотой. Небо полнилось тяжело ревущими самолетами. И ни одного своего. Где же они, наши соколы?

Он увидел их здесь, на рекламной тумбе. Свеженаклеенная афиша с уведомлением, что в городском кинотеатре демонстрируется художественный фильм «ИСТРЕБИТЕЛИ». В центре листка знакомое лицо Бернеса, внизу — перечень начала сеансов.

Кинотеатр был расположен напротив входа в парк. Малахов перешел площадь, в полутемном коридоре увидел окошечко кассы. Кассирша была та же, что сидела здесь и год, и пять лет назад. Она тоже узнала Малахова, в испуге отшатнулась:

— Петр Севастьянович, какими судьбами?

У Петра мелькнула слабая догадка, но он не стал развивать ее. Здесь не место было.

— Судьбы людские неисповедимы!— сунул в окошечко рубль.— Хватит?

— Да-да... Цены остались те же...

Дрожащими пальцами кассирша оторвала билет, протянула Петру. Закрыв небольшое окошко лицом, наблюдала, как здоровается бывший секретарь с контролером, что-то говорит ему.

В фойе было совсем мало народу. Малахов выбрал угол потемнее, присел на стоявшую здесь скамью. Теперь можно чуток поразмыслить. Если его догадка верна, то немцы намного умнее, нежели он предполагал. В городе бывшего секретаря райкома знают многие, если не все. Свободное его появление на улицах как раз подтверждает уверения немцев, что воюют они не с русским народом, а с большевизмом. Кто порвал с коммунистами, тот им не враг. И он, Малахов, наглядное тому свидетельство. Пока что, хочется ему или нет, он работает на них. Так же, как и этот кинотеатр, в котором демонстрируется советский фильм.

Он просмотрел половину картины, больше не смог. Могучая авиация на экране, и ни одного самолета — в настоящем небе. В далекий край улетели товарищи, и любимый город может спать спокойно.

Пригибаясь, пробрался к выходу, выскользнул во двор. Чуточку постоял, привыкая к дневному свету. За это время еще несколько человек вышло из зала. Женщина в годах прижимала к глазам платок. Кто у нее за линией фронта — муж, сын? Может быть, и тот, и другой?

Часа три он бесцельно бродил по улицам. Слежки за ним, явно, не было. Наверняка он переусердствовал в своих предположениях. Скорее всего немцам действительно не до него. Дела у них идут неплохо. Уверены, что скоро падет Москва, а там — конец войне.

«Падение Москвы — еще не есть падение России!». Кто это сказал? Кажется, Кутузов. Знают они эти слова или нет? Должны знать.

Он почувствовал, что продрог, да и есть захотелось. Катери-

на, как всегда, оказалась предусмотрительнее его. Оставила про запас мешочек муки, ящик картошки, шмат сала. Можно сообразить что-то похожее на галушки. Малахов заторопился домой.

Петр понятия не имел, насколько близок был к истине. Вальзер, сообщая в рейхскомиссариат свои наметки о приобщении к делу Малахова, как раз и хотел заставить его послужить рейху. Гарденберг подсказал другую идею. Она показалась интересной шефу гестапо. Временно оставить большевика на свободе, разумеется, под должным наблюдением, о котором он не должен знать. Выявить его связи. Если их даже нет, к нему все равно потянутся те, кто сочувствует коммунистам. Таких нетрудно будет взять на заметку. Относительная свобода бывшего комиссара тоже сыграет положительную роль. Он неглупый человек — этот оберст. Кажется, его мать действительно зовут Эльзой? Почему он уклонился от ответа на этот вопрос самому Малахову и не вернулся к нему в разговорах с ним — Вальзером? Об этом тоже стоило подумать. Причем немедленно. Нужная информация должна лежать у него на столе как можно скорее. Несомненно, достать ее будет совсем непросто, но на то и существует гестапо, чтоб тайное становилось явным. Иначе, какой прок от их службы?

VII

Рано навалилась на побережье зима. Уже в октябре, когда еще должно держаться пусть неустойчивое, но все равно тепло, как-то враз, пропарив напоследок морозным дымком, стало море, прикрылось хрупким одеялом льда. Выбелило синюю гладь до горизонта, улетели за него хлопотливые чайки искать поживы на вольной воде. Пустота над замерзшим морем. Привольно лишь разгульному ветру. Не унимаясь, неделями дуют студеные леванты, тоскливо воют в закутках сгоревших и разбитых бомбами зданий. Рвут уцелевшее на крышах кровельное железо, пугают его грохотом людей. Вытаскивают в пустые глазницы окон пепел, кропят белизну первоснежья черной кровью гари.

С наступлением сумерек и до самого утра замирал город, уходил в тишину. Была она настороженной и чуткой, как сон больного человека. Частенько взрывалась автоматной очередью, после которой чей-то предсмертный слышался крик — жуткий в ночи. Те, кто жили ближе к порту, привыкли к выстрелам. На головке мола расстреливали не угодных «новому порядку» людей. Падали трупы в загодя приготовленную ополонь, тяжестью тел ломали тонкую корку льда, успевавшего намерзать на жгучем морозе за считанные минуты, покуда готовили к казни новую партию обреченных.

По весне, когда сломается лед и первая очистительная моряна обрушит на пляжи пенный накат волн, вынесут валы на песок трупы расстрелянных. Будет их много, добрых две недели потребуется на очистку берега. Днем, дабы не нарушать режим комендантского часа и держать в страхе живых, покатятся по городским улицам телеги со страшным грузом, проследуют от моря к

Мерзликовой балке, которая станет громадной братской могилой для тех, кто уже погиб, и для тысяч других еще живущих, но уже приговоренных к смерти фашизмом только за то, что в их жилах течет славянская, еврейская, цыганская кровь.

Но то будет весной, а пока — морозная осень. Куражась силой, гоняла по пустынным улицам поземку. Словно негодуя за сделанное людьми, заметала снегом разбитые и сожженные остовы домов.

Часов у Петьки нет, он узнает время по окнам. Если начинают наливаться светлотой — наступает утро. Подниматься всегда не хочется. В комнате холодно. Еще месяц назад было легче: растаскивали деревянные остатки разрушенных зданий. Потом немцы под угрозой расстрела запретили собирать даже щепки. Выводили команды пленных красноармейцев и гражданских лиц, заставляли сортировать каждую щепку. Годные для использования очищали от гвоздей, отправляли в Германию. Ненужный хлам шел на отопление немецких учреждений.

За охапку дров на базаре давали стакан молотой кукурузы или два — обгорелого пшена, которые добывали рабочие порта в сгоревших амбарах. И то, и другое можно разделить на несколько жидких похлебок. Сытости они не дают, но голод притупляют.

Ни одной ночи не провел Петька в родном доме после возвращения в город.

В то памятное утро, когда он выскользнул из каюты, не спросив разрешения матери, и поспешил на причал ловить бычков, не знал мальчишка, как круто изменится его жизнь. Налет «юнкерсов», взрывы бомб, уходящий в море «Бердянск», на котором были мать и сестренка, и он, оставшийся один в чужом городе,— все это казалось кошмарным сном, а не явью, которую нужно было пережить.

Петька не сразу решился вернуться в Песчанск. Не хотелось встречаться с отцом, который остался в городе. После исключения старшего Малахова из партии Петька перестал понимать отца. Тот сразу как-то сник, превратился в заурядного обывателя, каких и без него хватало в Песчанске. И это после того, как совсем недавно к каждому его слову прислушивались в городе и районе. Они все реже могли найти общий язык, потому что на прямо поставленные Петькой вопросы отец давал обтекаемые, невразумительные ответы. С началом войны разлад между ними усилился. По возрасту отца не могли призвать в армию, но были другие способы попасть на фронт. Люди уходили в ополчение, и в их рядах Петька видел таких, что были намного старше отца. Потом это желание остаться дома, хотя для него наверняка бы нашлось место на пароходе, на котором уехали они. Это уже совсем ничем нельзя было объяснить.

И все же он вернулся. Вернулся не только потому, что у него не было другого выхода. Теплилась у мальчишки надежда, что при встрече отец скажет ему что-то такое особенное и услышанное поможет им вновь обрести друг друга.

В Песчанск он попал к вечеру следующего дня. Поток беженцев, катящийся теперь в обратную сторону, подхватил мальчишку. Сердобольные бабы накормили Петьку, нашли место на подводе, довезли до города. Он не рискнул заходить домой, заглянул к дружку Вовке Битану, вызвал во двор.

— Ты откуда взялся? — удивленно спросил Вовка, уводя Петьку подальше от своего крыльца.— Ты же с нашими ушел.

— Ушел, да не дошел! — угрюмо буркнул Петька. Ему хотелось спросить Битана об отце, но он не посмел сделать этого.

— А мать? — продолжал расспрашивать Вовка.

— Мать ушла.

— Во дела! Отбился, что ли?

— Ты мне лучше про другое скажи,— не желая ковыряться в том, что с ним случилось, сказал Петька и уже хотел задать дружку мучавший его вопрос, но опять слова застряли в горле, заставили раскашляться.

— Про другое чего говорить? — рассудительно протянул Битан.— Тут такое творилось, такое творилось... Два дня бомбами нас закидывали. Потом из пулеметов бить начали. Увидит, гад, человека на улице и давай гоняться за ним. Еще безвластие было...

— Чего?..

— Безвластие, говорю! Это когда наши уже ушли, а немцы еще не заявились. Тут чудеса и начались. Город ничейным стал, все магазины настежь, заходи и бери что хочешь, и никаких денег не надо. Я патефон притащил, машинку швейную, по мелочам кое-чего...

— Как же так можно? — перебил торопливую речь дружка Петька.— Как чужое брать можно?

— Не мы, так немцы бы забрали! — махнул рукой Вовка.— А зачем им, сволочам, отдавать?— сказав это, он как-то враз запнулся, криво повел шеей, словно почувствовал на ней удушающее кольцо петли, совершенно другим голосом продолжил:— Про сволочей — это я по привычке сказал, как учили нас, а они даже совсем ничего, жить с ними можно...

Он явно говорил неправду, совсем не то, что думал. Петька сразу понял это. Неожиданная догадка обожгла мальчишку: Битан ему не верит, боится его.

— Ты... ты думаешь, что я предатель какой, да? — заикаясь, выдавил Петька, почувствовал, как жарко загорелись его щеки, тугой спазм перехватил горло.

— Я ничего не думаю, Петька,— отводя глаза в сторону, сказал Вовка,— но время сейчас такое... Вон и батю твоего недавно увезли...

— Арестовали?—с неожиданной радостью воскликнул Петька.

— Как бы не так! — теперь Битан смотрел прямо в глаза товарища.— Так они не арестовывают. Ты еще увидишь, как это по-настоящему делается, а за твоим на легковой машине приехали. Ладно, прощевай! Пойду я...

Петька рассеянно смотрел в спину уходящего дружка и ничего не видел. Не кружка — ведро холодной воды вылилось на малюсенькую искорку надежды, что продолжала тлеть в его душе. Жила такая надежда: что-то простое и доступное скажет при встрече отец, все прояснится, и вновь они станут родными и близкими. Теперь не станут, можно было в этом не сомневаться.

Потому-то и не зашел домой Петька. Облюбовал себе комнату в полуразрушенном доме на соседней улице. На всякий случай присмотрел еще одну. Благо много таких было в полупустом городе.

Пританцовывая босыми ногами на холодном полу, начал одеваться. Натянул длинные штаны, где-то на груди, возле самой шеи, подвязался веревочкой. Влез в старую женскую кофту и только после этого принялся обуваться. Вся одежда мальчишки на пароходе осталась, пришлось довольствоваться тем, что нашлось в брошенных домах. Старенькое пальто подарил ему Битан.

С Вовкой отношения у них наладились, а потом и с остальными ребятами. Поняли дружки, что нет у Петьки ничего общего с отцом, приняли в свою компанию. Компанией легче добывать пропитание. К тому же и старший Малахов как в воду канул, никто его не видел в городе, квартира стояла запертой.

Дружки собрались в подворотне. Кроме Петьки и Вовки, еще двое — Юрка и Толик. Юрка с родителями накануне войны приехал в Песчанск из Ростова, потому у него кличка «Казак». У Толика через левую щеку шрам, он — «Меченый». Вовку за старшинство уважительно называют «Капитаном», Петьку за худобу — «Соломинкой».

Четверо дрожали от мороза, ждали, когда начнется движение по улице. Холодно, но согреться даже борьбой нельзя. Вдруг по соседству притаился патруль. Услышат возню — полосонут из автомата.

Дождались. Первые несмелые фигуры показались на тротуаре. Сразу же захлопали двери, заскрипели калитки. Пугливо озираясь, выходили на улицу люди. На работу спешили немногие, какая сейчас работа? В порту пустые причалы. Красномайка стоит оголенная. Все заводское оборудование успели вывезти на восток. На других предприятиях такая же картина. Центр притяжения людей — базар. Мало ли что кому нужно. Магазинов в городе нет, только рынок выручает человека. Деньги сейчас — штука ненадежная. Что бы ни было нарисовано на бумажках: улыбающийся с рейхсмарки немецкий солдат или девка в монистах на украинском карбованце — берут их неохотно. Бумажка, она бумажка и есть. Каши из нее не сваришь, кипяток не посладишь. Самое надежное — обмен. Ты мне стакан кукурузы, я тебе — иголку. Все на виду, без обмана.

Тронулись и мальчишки. Вышагивали гуськом по заснеженному тротуару. Тропа узкая, кучей не пойдешь. Немцам и румынам уступали дорогу. Загодя снимали шапки. Так предписывал

изданный оккупантами указ. Зазевавшихся били, приучали к порядку. Чаще всего получали по шее от своих. Толику осенью досталось от какого-то мужика. Попросил закурить — получил оплеуху. Пришлось в ход камень пустить.

Молча добрались до портовой водокачки. Спрятались в маленьком помещении, где в окнах ни одной рамы, а от промерзших стен холоднее, чем на улице. Терпеливо ждали. По дороге возле водокачки скоро пойдут сани с зерном. Хлеб возят крестьяне из окрестных сел, подают короба в порт. Здесь пшеницей заливают вагоны, груженые эшелоны уходят в Германию.

Промерзшие в дороге возчики прячутся в овчину тулупов. Неповоротливые, они не страшны для мальчишек. Все разом по команде Битана набрасываются пацаны на короб, специальными сачками черпают зерно, и кто куда... Сбор всех у Петьки.

— Едут! — негромко сказал Битан, вглядываясь в проем окна. Тут же спрятался, чтоб не заметили. Нельзя настораживать возчиков. Сопровождать зерно сельские старосты отбирают тех, кто сам сдался в плен или, находясь в неладах с Советской властью, прятался до прихода немцев. Такие, случись поймать кого из ребят, застегают кнутами насмерть.

Скрипели на заснеженной дороге сани. Устало переставляли ноги приморенные лошади. Четверо призраками выскользнули из развалин, рассыпались по коробам. Сачки утонули в золотистой россыпи пшеницы. Минута — и на дороге пустота.

Делились у Петьки. Вовка внимательно следил, чтоб всем досталось поровну. Не важно, кто сколько принес.

— С каждой пайки выделяем по два стакана на вино и табак,— негромко сказал Битан — Зинка хвастала, что у нее две бутылки немецкого шнапса имеется и пакет румынского тютюна. За восемь стаканов отдаст.

— Не много? — покривился Толик.— Поторговаться бы...

— Ничо, нынче улов что надо!

Петька, как и все, отсыпал два стакана в общий мешочек. Рушить компанию нельзя.

VIII

Семья Битанов появилась в Песчанске лет за пять до начала войны. Приехали они из Мордовии, о причинах, побудивших переменить место жительства, говорили неохотно, но вскоре все стало понятным без особых пояснений.

Отец Вовки был гражданской войны партизан, орденоносец — редкость по тем временам — и беспробудный пьяница. Жоркупартизана, как окрестили на улице старшего Битана, до войны знал весь город. Подпив, он любил заявляться в самые оживленные места и выкрикивал лозунги. Основных было три: «Слава великому Сталину!», «Ура героям гражданской войны!», «Смерть троцкистско-бухаринской сволочи!»

Напиться в городе было легко всякому желающему. На базаре круглосуточно стояли бочки с вином. Любителям для пробы

наливали по половине стакана. Жора всегда заполучал полный. Он начинал обход винного ряда с утра. Сделав несколько причащений, уходил на привоз откричать положенное. Здесь же подкармливался у крестьян, потом засыпал под какой-нибудь телегой. С новыми силами возвращался к винному ряду и уже брал, сколько входило. Потом шел домой. Сам добирался туда редко, чаще падал и засыпал на полпути.

Поначалу сотрудники милиции из-за уважения к ордену поднимали Жору и отводили домой. Благо, жил он недалеко от рынка. Потом это им надоело. Они просто посылали кого-либо к Битанам с сообщением, где отсыпается хозяин.

На работу Жору не брали, а скудной зарплаты жены, работающей посудомойкой в одном из санаториев, никак не хватало на семью из пяти человек. Помимо Вовки, у них было две дочери. Городские власти пошли навстречу бывшему партизану. На холме, в районе Солдатской слободы, выделили участок сада с виноградником. Жору перестали видеть в городе. Он прекратил отираться на базаре, потому что в доме появилось свое вино. Появилось и общество, перед которым он мог рассыпать лозунги. По вечерам, закончив работу, к дому Битанов начинали собираться ломовые и легковые извозчики. Улица в эти часы напоминала постоялый двор. Ее заполняли телеги, линейки, фаэтоны. Ругались дворники, которым заметно прибавилось работы, не всегда были довольны соседи, но терпели.

В семье привыкли к табаку и вину. Курили все. Даже меньшая сестра Битана — Валька — сосала папиросы, а когда их не было, не брезговала и махрой. Вовка, перейдя в пятый класс школы, уже курил при родителях. Среди дворовых ребят у него сразу нашлось немало последователей. Матери запрещали детям иметь дело с Битанами, но запреты, как всегда, ничего не давали.

На второй месяц войны из Мордовии приехала сестра Жоры. Она увезла брата и старшую дочь Людмилу на родину. Остальная семья осталась в Песчанске.

В ту пору Евгении Павловне или просто Женьке, как называли во дворе мать Битана, было около сорока. Всегда непритязательно одетая, слегка сутуловатая, с хрипловатым от табака голосом, выглядела она намного старше своих лет. Битанша не старалась молодиться, как это делают женщины ее возраста, почти не прибегала к косметике. То женское, что дала ей природа, было приглушено повседневными заботами о семье, борьбой с пьяницей мужем. Приглушено, но не убито. Первой заметила это Зинка Касторная, та самая Зинка, у которой доживал последние дни камковский прасол Илья Гаврилович Колов. Зинка зачастила к Битанше, стала своей в доме сразу же после отъезда Жоры.

Вокруг Зинки всегда группировался круг женщин с определенными интересами. Накануне войны он распался. Часть бывших подружек вышла замуж, другие отошли от Касторной. Они становились ударницами, активистками. Отсюда новые интересы,

шее понимание жизни. Молодежь, та и вовсе росла не понятной для Зинки. Девушки рвались в небо, мечтали о капитанском мостике, уезжали строить новые города.

Битанша была почти ровесницей Зинки, поэтому им удалось найти общий язык. Исподволь внушала Касторная новой подружке, что жизнь уже на исходе и то, что не возьмешь от нее сегодня, будет навсегда и безвозвратно потеряно. Вначале осторожно, даже несколько стыдливо, принимала Евгения Павловна участие в пирушках, организованных Зинкой. Уверовав, что она нисколько не хуже других и мужчины обращают на нее внимание, как на женщину, Битанша рьяно бросилась в забавы, что открылись перед ней. Позабыв обо всем, начала навертывать упущенное. В настоящий вкус вошла с приходом в город немцев. Дети начали стеснять ее, как и она детей.

Немецкий шнапс настоян на махорке, румынский табак ядовит. Зинка умеет подать товар. От ее зелья даже крепкие мужики валятся с ног подкошенными стебельками. После вина и выкуренных самокруток хорошо держался лишь Вовка. Остальных тошнило. Петьку прямо-таки выворачивало наизнанку. Потому и лежал на кровати с открытыми глазами. Стоило прикрыть их, как начинало казаться, что тело легко и стремительно взлетает к потолку, зависнув на какое-то мгновение, падает, заставляет подкатываться желудок к сердцу. В ушах гудело. Как через плотную ватную затычку донесся голос Битаны, подтрунивавшего над Юркой:

— Ладно, те двое малолетки, а ты же казак. Может, у тебя дед был казак, отец — сын казачий, а ты — хвост собачий?

Что-то мычал Юрка, грозился, Петька в слова не вслушивался. Тишины хотелось. Встать бы сейчас да разогнать компанию, но где сил взять? Даже пальцем пошевелить трудно. Тяжело, словно в грязную яму, погружался в кошмарном забытьи, где кто-то гонялся за ним, чужие руки сдавливали шею, душили. Приходя в себя, чувствовал, как колотится сердце, хрипит сухое горло.

Немного отошел, когда стало темнеть. Увидел сидящего возле себя Вовку:

— Ты, капитан?

— Ага...— Голос у Вовки вялый.

— Ребята где?

— По домам развел. Еще до комендантского часа.

— Попить дай...

— Это можно.— Вовка пошел в угол, где стояло ведерко с водой, долго возился там. Принес кружку.— Пей.

Петька с жадностью сделал несколько глотков, брезгливо поморщился:

— Ты чего притащил?

— Трошки вина у воду добавил. То наше, домашнее, из старых запасов. Пей, сразу полегчает.

2*

— Не лезет! — Петька отдал кружку Битану.

— Ну и зря! — рассудительно протянул Вовка. Допил, что осталось в кружке.— Клин клином вышибают!

Петьке и впрямь стало чуточку легче. Вроде даже голова не так стала болеть:

— Слушай, Вовка, как-то не так мы живем,— тихо сказал он. Повернулся на бок, чтоб лучше видеть дружка.

— А кто сейчас *так* живет? — взорвался Битан.— Может, отец твой или мать моя, кто?

Петьке нечего было ответить, промолчал.

— Я, наверное, в Германию поеду,— уже спокойнее продолжал Битан.— Вон, как зовут нас туда.

Вовка не врал. Молодежь действительно звали в Германию. На стенах домов и на афишных тумбах пестрели яркие плакаты, на которых упитанные бюргеры с распростертыми объятиями встречали украинских хлопцев и девчат. Сердобольные фрау выставляли на столы пышные караваи хлеба, круги прокопченной колбасы, кувшины с молоком. Назойливо кричали громадными буквами транспаранты:

«В ВЕЛИКОЙ ГЕРМАНИИ ТЫ ПРИОБЩИШЬСЯ К ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ, ПОЗНАЕШЬ РАДОСТЬ ТРУДА!»

В первую очередь приглашали [illegible] бывших комсомольцев. Рейх прощал им заблуждения молодости, давал возможность воочию убедиться в радостях жизни, которые несет миру «новый порядок».

— Думаешь, там тебя действительно ждут? — спросил Петька.

— Может, и нет,— не сразу отозвался Битан. Помолчав, добавил: — Только хуже не будет. Что у нас за жизнь, Петька? Завтра опять воровать. Надоело. Да и поймают когда-нибудь, добра не жди. Ты подвинься, я лягу.

— Домой не пойдешь?

— Какой у меня дом!

— Опять Зинка кого-то притащила?

— Там их целая свора,— неохотно выдавил Вовка.— И Зинка, и Надька, и еще две каких-то...

— Ладно, ложись!

Лежали, согревая друг дружку худыми телами. Молчали. Первым не выдержал Битан:

— Глупость ты сделал, Петька, что от своих отстал. Жил бы сейчас, как человек, мать бы рядом была...

— Не надо! — попросил Петька. Что-то тяжелое начало накатываться на него, подминало под себя. Только криком можно было освободиться от тяжести.

— Слышь, Битан, у нас вино еще осталось? — через силу выдавил Петька.

— Трошки есть. Налить?

— Давай!

Пили кислую жидкость взахлеб, через силу. Лучше уж кошмарное забытье, чем эта неприкаянная явь.

IX

Осень достала холодами Кубань. Частые верховые ветры принесли стужу. По утрам кипящим котлом парило море, и, казалось, уходящие на промысел сейнера шли не по воде, а по ватной прослойке изморозной дымки. С восходом солнца густел туман, к обеду, напитавшись теплом, тяжелел, садился на воду, тонул.

Большинство судов песчанских рыболовецких колхозов перебазировались в Приморо-Ахтарск. Среди них и «Заряд» Василия Бандуры. Шли разговоры о том, что вскоре суда переведут в Темрюк, включат в состав Азовской военной флотилии, но это были только слухи, а пока рыбаки занимались привычным делом.

В то утро вместе с «Зарядом» на промысел вышел «Рассвет», которым командовал Мишка Ховрахин, бывший председатель городского колхоза, снятый с должности за приписки. Мишка знал, что к его делу приложил руку Малахов, работавший тогда секретарем райкома, и до сих пор был на него в обиде.

«Заряд» шел головным. Бандура сам стоял за штурвалом, вел сейнер точно по каналу. От берега далеко в море тянулась отмель. Чуть рысканешь в сторону — непременно сядешь днищем на песок. Точно в кильватер, отстав на кабельтов, тянулся «Рассвет». После наказания осторожным стал Ховрахин. От других не отставал, но и вперед не вырывался.

Невеселые думы были у Бандуры. Пятый месяц шла война, а уже сколько потерь. Пропал без вести амурский дружок Семен Кравченко. Беда приключилась из-за чьей-то нераспорядительности, а может, и злого умысла. Все сейнера ушли из Песчанска в темноте, к утру успели затеряться в море. «Бурун», которым командовал Семен, задержался в порту в ожидании какого-то чина. Так и не заявился на причал ожидаемый. То ли подался на восток сухопутьем, то ли вообще решил не покидать город. Сейнер вышел в море, тогда, когда загудели на набережной моторы немецких танков. Уйти далеко не успели. Сразу же за волнорезом навалились на судно «мессеры». Вначале не стреляли, ждали, что выкинет команда белый флаг, вернет сейнер в порт. Не из тех ребят был Семен, чтоб поднимать перед врагом руки. Продолжал вести судно нужным курсом. Беззащитный «Бурун» расстреляли в несколько минут, потом самолеты долго кружили над обломками, добивали оставшихся на плаву людей.

«Заряд» легко вспарывал однообразие лежавшего на воде тумана. Проплывавшие по бортам вешки фарватера казались висящими в воздухе. При такой видимости не сразу найдешь махалку сетного порядка. Только и надежда, что к обеду улучшится видимость.

В жизни бы так — туман, а потом солнышко, и от него сплошная ясность, при которой отчетливо виден каждый предмет. Не всегда так бывает. Вон сколько лет ни одного просвета в жизни у Васьки. Кто мог подумать, что так случится? Поначалу все

хорошо складывалось. Первым колхозным шкипером стал, новую фелюгу под команду принял. Свадьбу им с Настей артель сотворила, да такую, что в городе ахали. Дом к свадьбе подарили, со всей обстановкой. Живи и радуйся. Не привелось радоваться: все кувырком пошло. С Насти все началось, с непонятной ее болезни после родов. Потом арест жены, смерть дочери и последний их разговор с Настей в кабинете следователя. До сих пор все, слово в слово, помнится.

Им тогда никто не мешал. Следователь вышел, оставив их вдвоем. Васька не сразу узнал Настю, так изменилась она за месяц, что они не виделись. Жена показалась ему маленькой, уменьшившейся в росте. На исхудавшем, по-старушечьи заостренном лице резко выделялись большие глаза. Взгляд их был настороженно жалким.

— Настя! — Василию не по себе стало. Шагнул к жене, крепко обнял.— Кровинка моя!

— Это хорошо, Вася, что ты от меня не отшатнулся,— сказала Настя, когда прошли первые минуты встречи и они, ощущая непонятную неловкость, сели друг против друга — Кабы по-другому случилось, намного тяжельше мне было бы. Теперь слухай меня внимательно...

— Ты погоди трошки, Настюша — попросил Васька, понимая, как тяжело дается жене разговор.— Опосля все расскажешь

— Не будем годить, Вася. Давно я до этого разговора готовая. Дитя наше я точно жизни лишила, и прощения мне за это нет. Как такое случилось — не помню Навроде затмения на меня нашло...—Губы у Насти мелко задрожали, по лицу слезы потекли.

Бандура потянулся к ней, не зная, что он хочет сделать — то ли обнять жену, то ли сдавить ей горло, чтоб не слышать этих страшных слов. Потянулся — и тут же отшатнулся

— Нет, нет мне прощения, Васенька,— прошептала Настя.— Одно хочу: чтоб знал ты, соткедова затмение на меня нашло... Ишо как у поселке я лежала, опосля родов отходила, навестил меня один человек. Я тебе его называть не буду, потому как запросто еще одно убийство произойти может. Сказался тот человек моей матерью. И случился промежду нами разговор, от которого мне по сей день страшно. Поведала маменька моя, что согрешила она по молодости, кровное дитя чужим людям подбросила, а за грех этот не ее, а меня бог покарал... Я, ей-бо, даже заулыбалась на такие слова. Какая же это кара, говорю, если семья у меня хорошая, муж первый человек в поселке и дите у нас народилось. Она на улыбку мою расплакалась и дальше продолжает: «Что же ты про отца свово не спрашиваешь?» Что же, говорю, про то спрашивать, коли вы сами мне все чисто расскажете. Тогда она страшно так кажет: «Собери себя всю у тугой кулак, доченька, и держись до последних сил. Произошла ты на свет от хуторянина Саввы Бандуры, и Васька никакой тебе не муж, а кровный брат по отцу».

— Шо ж она раньше молчала? — Шатнулся на стуле Васька.

почувствовал, как ударила в лицо кровяная пульпа, жаром полыхнули щеки.

— Когда я от обморка отошла, про то же самое у нее спросила! — тяжело вздохнула Настя.

— А она шо?

— Говорит: боялась. Руки на себя хотела накласть...

— Хай бы давилась! — зло сказал Бандура.

— Неправый ты здесь, Вася! — рассудительно ответила Настя.— Ей мук больше, чем кому, в этой жизни перетерпеть пришлось. Думаешь, легко день у день на свово дитя смотреть, виноватой чувствовать и не сметь открыться? Не дай бог никому такого! Оттого, что я трошки ее горя на себя возьму, легче мне будет. Ты на нас с мамкой сердца не имей, Вася. И ее прости, и меня заодно...

— Как же мы теперь будем, Настя?

— Жизнь, она покажет, Вася. Ты ишо молодой, сумеешь свою тропку найти. Обо мне не тревожься. На глаза я тебе больше не попадусь. Токи об одном прошу: что промежду нами пробежало, то наше. Знать про это ни один человек не должен. Зачем родителей своих казнить, у них и без того жизня тяжелая. А теперь поцелуй меня, братик мой [illegible], и на том расстанемся!

С того и запил Васька. В страшный загул ушел. Рыбаки думали, что слава и рыбацкая удачливость голову ему вскружили, а она от другого ломилась. До того докатился, что с бабой непотребной спутался. Хотя почему непотребной? Вон, как у них с Димкой хорошо все сложилось, когда Полина к нему перекинулась. Тепла хотела рыбачка, потому и шарахалась от мужика к мужику, пока своего не нашла. Погибла Полинка — и Димка как в воду опущенный ходит. Совсем другим стал механик.

А Ваську Марийка спасла. Узнала о его загуле, бросила Камково, к нему на Обжитую косу подалась. Знать, любила и правду сказала:

— Люб ты мне, Вася. Давно люб. Но не быть нам вместе. Умру, а греха на душу перед Настей не возьму!

Ничегошеньки она, глупая, не знала. Открыться он права не имел. Слово, что Насте дал на прощание, держало. Правда, потом нарушил его. Но это уже когда случилось? Вся жизнь тогда кувырком полетела, не только у них с Марийкой — у всего народа. Война началась.

На Обжитую впервые налетели самолеты, разбомбили поселок. Они пришли с моря, когда все уже было кончено. Васька не смог смотреть на случившееся, ушел к Карскому шпилю. Там и нашла его Марийка.

— Я тебя по всему берегу искала,— тихо сказала она.— Кто-то сказал, что ты пошел сюда...

Они надолго замолчали. Сидели в кромешной тьме, прижимаясь друг к другу, отлично понимая, что, может быть, это их последняя ночь и второй такой уже никогда не будет.

— Поздно уже, пойдем!— Первой поднялась Марийка. Возле дома сказала.— Я никуда не отпущу тебя. Вдруг они прилетят ночью...

Она постелила ему на полу. Потушила свет, долго возилась со своей кроватью: что-то там разбирала, поправляла. Наконец улеглась.

Пустая, гнетущая тишина вползла в комнату. Словно вымерший молчал за стенами поселок. Не было слышно моря, даже сверчки перестали звенеть. Ваське представилось, что он один-одинешенек в целом мире и вокруг — на многие тысячи километров — никого, ни одной души. Наверное, нечто подобное ощутила и Марийка. Скрипнув пружинами матраса, поднялась с кровати, прошлепала босыми ногами по теплому полу, нырнула под одеяло к Ваське. Прижимаясь к нему, прошептала:

— Мне страшно, Вася! Господи, никогда не думала, что я такая трусиха!

Ее губы были совсем рядом, и он без труда нашел их. Она обвила шею Бандуры худенькими руками.

Утоленное желание не принесло радости. Было такое ощущение, будто, томимые жаждой, они вместе припали к прохладной на вид чистоте родника, но вода оказалась теплой и солоновато-горькой.

— Не нужно ругать меня, Вася!

— Что ты, Маша!

— Я тебя никому не отдам, слышишь! И у нас все еще будет по-другому.

Вместо ответа он крепко прижал ее к себе и сам, не понимая, как это случилось, рассказал ей о Насте.

Утром он ушел сейнером в Песчанск, и больше они не виделись. Уже накануне ухода на Кубань Бандура узнал, что Марийка была в городе, ушла оттуда с полевым военным госпиталем.

От приемного буя до сетей минут сорок хода. Бандура старательно выдерживал курс, то и дело смотрел на часы. Команда собралась на полубаке. Вдруг кто увидит шест с флажком. Если выйдут точно на махалку, сразу же начнут переборку. Мало надежды на счастливый исход. Найти сети сразу удается очень редко. Можно выдержать курс и время, но как учтешь все, что уводит от маршрута: течение, ветер, плотность воды? На полсотни метров ошибешься и ничего в этой дымке не увидишь.

По времени должны были быть на месте. Василий дал команду застопорить машину, отдать якорь. Предупреждая идущий по корме «Рассвет», дал сигнал сиреной. Можно подходить к борту, швартоваться. Вдвоем веселее коротать ожидание. «Рассвет» проскользнул по правому борту расплывчатым пятном, мелькнул и растворился в тумане.

— Иде его понесло?— удивленно спросил Димка. Механик стоял на трапе, ведущем в рубку, всматривался в ту сторону, куда ушел сейнер.

— Сдурел, что ли?— пожал плечами Бандура.— Махалка ихняя рядом с нашей стоит, а он у море поперся, даже хода не сбавил...

— Может, заблудился, гудни ему ишо раз!

Василий несколько раз включал сирену, ответного сигнала не было. Не стало слышно гула двигателя.

— Во, малохольный! — в сердцах бросил Димка.

Бандура хмурился. Страшная догадка, которой не хотелось верить, бросила в жар. Были случаи, когда уходили к немцам сейнера. Уходили сдаваться. Крадучись ворами, не понимая, что обкрадывают самих себя, шли к оккупированным берегам. Ближе к Белосарайской или к Камковской косам, там, где маловероятны были встречи с советскими военными кораблями, поднимали белые флаги. Но то делали чужие, малоизвестные Бандуре суда. Здесь, похоже, задумали подлое свои.

— Пущай машину, Дима!— сказал механику Бандура.— Дашь ход, придавишь на всю катушку... Пущай поршня у труб вылетают, а того гада достанем!

— Думаешь до немцев Ховрашек подался?

— Куда ему ишо итить?

— Ну, сучка!..— Димка замысловато ругнулся, прыгнул с трапа, нырнул в машинный отсек.

В нарушение всех правил шли полным ходом. Туманных сигналов не давали. Димка выжимал из двигателя все возможное. Попадись кто сейчас навстречу — беды не миновать. Подходящую погоду выбрал Ховрахин. В такую нетрудно ускользнуть от патрульного катера, а если он и окажется на курсе, можно сослаться на туман. Заблудились, и все тут..

Бандура вел сейнер к Камковской косе. Каким бы курсом не шел Ховрахин, непременно выйдет к шпилю. Здесь они его и перехватят.

Туман оборвался сразу, словно кто-то раздернул сероватую занавеску. Ударило в глаза солнце, вышибло слезу. Василий увидел «Рассвет». Сейнер шел под белым флагом, далеко впереди. От берега, взламывая воду острым форштевнем, катился к «Рассвету» военный корабль. Под клотиком явственно трепетал алый флаг. Бандура вжал окуляры бинокля в глаза. Флаг действительно был красным, но в самом центре его на белом круге чернели паучьи лапы свастики.

От резкого поворота «Заряд» повалился на борт. Громыхнуло и покатилось по палубе оставленное кем-то ведро. Бандура не смотрел на компас. Скорее бы уйти в спасательную кромку тумана.

Позади туго ударило орудие. С тягучим посвистом прошел над мачтой снаряд, рванул с правого борта с большим перелетом. Еще выстрел... и еще... Снаряды рвались в тумане.

Серая мгла обволакивала надстройку, наваливалась на судно. Бандура круто изменил курс, повел сейнер к Обжитой. Взрывы гремели по корме, корабль обстреливал предполагаемый курс «Заряда».

В Приморо-Ахтырске от Бандуры потребовали подробную докладную о случившемся. Через несколько дней его вызвали в СМЕРШ базы. Разговаривал с ним особист капитан-лейтенант Хромушин. Бандура думал, что речь вновь пойдет о «Рассвете», но особист поинтересовался прошлым Бандуры, родственниками. Долго расспрашивал о Федоре: как погиб, кто с ним был на льду? На листке бумаги попросил нарисовать схему Камковской косы, подробно вычертить острова и бухты. Василий как бы окунулся в то родное, что всегда было с ним. Сам не ведал, как дороги ему поросшие камышом плесы, терпкий запах выброшенной на берег зостеры, ленивая синь воды и податливо мягкий песок под подошвами босых ног. Словно угадывая его настроение, улыбнулся капитан-лейтенант:

— Хотелось бы проведать?

— Ишо как!..

— Чего же не заглянул? Вчера рядом с домом был!

— Так тама же немцы.

— Немцы, брат! — лицо Хромушина стало строгим. — К ним днем только под белым флагом и идти. Как Ховрахин.

— Ты, дядя, не шуткуй! — озлился Бандура. — Я тебе не Ховрашек. Кабы чего на уме было, сейчас не с тобой бы сидел, а с батей вино распивал. Час хода до дома оставалось.

— Кипяток ты, — не обиделся Хромушин. — Похоже, не ошиблись в тебе. Под парусами ходить приходилось?

— Какой же рыбак паруса не знает.

— Добро, пойдем! Покажу кое-что. По дороге и поговорим.

X

«Шквал» споро скользил по ночному морю. Баркас был прекрасным ходоком. Спрятанный в редане винт при полных оборотах не поднимал нос дубка, как это происходит на множестве быстроходных судов. Ввинчивающиеся в воду лопасти гнали баркас почти на ровном киле. Невесомо легко, как парящий над морем буревестник, стлался по глади воды «Шквал», оставлял за кормой пенистый след. Подминая тугую неподатливость мелкой зыби, тягуче отбрасывал бортами холодную тяжесть воды. Встречный ветер выжимал слезу. Никогда не ходил с такой скоростью Бандура. Ни к чему она неуклюжим рыбацким сейнерам. Раздобревшими гусынями покачиваются они на воде, рабски покорно кланяются каждой встречной волне. А здесь — стремительный полет, от которого каменеет тело, превращается в сгусток костей и мышц. Ртутной тяжестью наливается кровь.

Утром ни о чем подобном не помышлял Бандура. Даже когда пришли с Хромушиным на причал, возле которого стоял «Шквал», не догадывался Василий, как круто изменится его судьба. Как истинный моряк, с любовью рассматривал ладную посудину, ласкал глазами обводы высоких бортов, стройные мачты. Заглянул в небольшой кубрик на четырех человек. В трюм, где прятался крупнокалиберный пулемет. Он в случае надобности легко поднимался

над палубой. От Бандуры не укрылась оспенная рябь пулевых пробоин на лобовой части надстройки. Выщербленность дерева не мог скрыть толстый слой свежей краски.

— Видать, в добрый переплет попали ребята,— сказал Василий. Хромушин ничего не ответил, втиснулся в узкую рулевую рубку, пригласил Бандуру.

На небольшой откидной столик лег план Белосарайского залива. Хромушин остро отточенным карандашом сделал едва заметную точку на границе, где белая чистота листа, означающая материковое плато, сливалась с голубоватостью мелководья.

— Сумеешь выйти в темноте?

— Мотором опасно,— прищелкнул языком Василий.— Его за милю на берегу почуют.

— А парусом?

— Парусом можно. В самый аккурат будет.— И, понимая, что лишних вопросов задавать не нужно, спросил о главном: — Когда сниматься?

— В полночь должны быть на месте. Ход у «Шквала» шестнадцать узлов. Вот и считай...

В рейс капитан-лейтенант пошел вместе с командой. Не потому, что не доверял Бандуре, а так было неизбежным. Ночью в бухте Белосарайской [illegible] должны встретить человека, передать небольшой, но увесистый сверток. Но не это задание было главной целью особиста.

До вчерашнего дня капитан-лейтенант считал, что хорошо знает обстановку на участке северного побережья от Геническа до Таганрога. Он не преуменьшал опасность для наших разведгрупп, высаживаемых на занятом немцами побережье, но и не преувеличивал ее. Из-за малого числа военных кораблей фашисты не могли создать сплошную охрану участка. Не было и единой системы обороны берега. Вал фашистского наступления продолжал катиться на восток. Острие его было направлено на Москву, со взятием которой, по мнению немцев, решался исход войны. Противник был сломлен и деморализован. Коль так, не было необходимости заботиться о надежном прикрытии флангов. На крупную десантную операцию большевики явно не способны, а проникновение мелких диверсионных груп — булавочный укол для слона.

Хромушин знал из регулярно поступающих к нему разведданных, что лишь в больших поселках побережья имеются немногочисленные румынские гарнизоны. Берег охранялся слабо. Поддерживать связь с нужными людьми было не так уж и трудно. Но несколько дней назад случилась беда. Где-то на подходе к Белосарайке «Шквал» обстреляли. Из трех членов команды дубка в живых остался механик. Тяжело раненный, он чудом привел баркас на рейд Ахтари, успел отдать якорь. В бессознательном состоянии механика отправили в госпиталь, где он через несколько

часов скончался. Что произошло в море, осталось тайной. Было ли это случайностью, предусмотреть которую в военное время никак невозможно, или что-то изменилось в обороне немцев — это и хотел выяснить капитан-лейтенант.

Снялись сразу же после обеда. Бандура хотел вечером добраться до безымянных островов косы Долгой, там точно определить место и с темнотой идти на Белосарайку.

В машинном отделении колдовал Димка Цыган, в кубрике налаживал рацию молодой парнишка. Хромушин привел радиста с собой, представил как Александра Черных.

— Дюже он еще молодой для Александра, у нас таких Сашками кличут! — скептически заметил Димка.

— Хоть горшком называй, дядя, только в печь не сажай, — смешно окая, огрызнулся парнишка.

— Огня боишься?

— Страсть! Вологодские мы, к жаре не приученные.

— С морозом, значится, дружки?

— Это нам в привычку!

— Угадал, паря, а наши края [illegible]. К зиме дело идет!

Димка одобрительно подмигнул радисту. Парень вроде ничего. Такие Цыгану нравились.

К конечным островам Долгой подошли засветло. Малым ходом вытолкнул Бандура нос посудины на черепашковую россыпь берега. Выпрыгнул на песок, позволил себе расслабиться. Продолжал ощущать мелкую дрожь в ногах, словно все еще пульсировала под подошвами палуба. Дышал тяжело, заглатывал воздух широко открытым ртом.

— Ты чисто тебе галчонок голодный, — подошел к нему Цыган. — Гляди, проглотишь кого.

Василий ничего не ответил, всматривался в знакомые изгибы берега. Надо же случиться такому? Больше десятка островов режут на куски Долгую, а их угораздило выбраться на тот, где некогда стояла ватага Извекова. Вон и озерко, в котором Настя стирала замусоленные рыбацкие робы. Где-то здесь стоят [illegible] засольные ямы, откуда по лености мужиков и из-за капризов моря не получили камковчане ни одной рыбины. Отсюда он бегал баркасом в Камково, чтоб увидеть Катерину. Вроде вчера все было, а сколько событий произошло: погиб в море ватажок Степан Извеков, женой Малахова стала Катька Столбучиха, не по-доброму схлестнулись тропки Насти и шкипера Бандуры. В Камково теперь не пойдешь: там немцы. Василий до боли сжал руки в кулаки, размашисто зашагал к озерку. Стоять на месте не мог.

Вечером взяли курс на Белосарайку. Миль за пять до берега застопорили машину, подняли парус. Дул тримунтан. Чтоб не рыскать короткими галсами, Бандура держал на Куликовую балку. Там единственный сделает поворот и в галфвинд левого борта войдет в бухту.

Укрытые ночью темной неизвестностью лежали и море, и мате-

рик. Ни одного огонька на берегу, не за что схватиться глазам. Время поворота Василий угадал по волнам. Крутые и злые в море, малыми стали возле берега. Уже не подбрасывали дубок, лишь легко шлепали по днищу мягкими ладошками. Бандура круто положил руль вправо. На миг обмяк парус, потом, наполняясь ветром, накренил баркас. Уходя от давления, рванулась вперед посудина, выпрямилась.

Боковым, самым верным на море зрением Василий угадывал очертания прибрежного холма. Нависающий над водой мыс — греческий поселок Бахтарма. Глубокая ложбина, окаймленная сероватой светлостью песка,— Гурзуф. У Ялты холм круто отвернул влево, ушел на материковое плато. Здесь начинался перешеек косы. Значит, «Шквал» уже в бухте. Бандура почти зримо ощущал место, где они находились. Всплыли и надежно держались в памяти знакомые очертания береговой линии. Точка, куда нужно было выйти, казалось, высвечивалась бледноватым огоньком чуть правее носа.

Одетый, как и все, в рыбацкий костюм, к Бандуре подошел Хромушин, негромко сказал:

— Все, Василий Сав[illegible]. О[illegible] в море. Хорошо бы пройти возле шпиля. П[illegible] тише.

Тримунтан из прот[illegible]. Василий провел дубок в десяти метрах от [illegible], что неясно очерченным в темноте конту[illegible].

На дневку ушли к [illegible]. Все [illegible] время не показывались на палубе. [illegible]. Несколько раз над ними проходили немецкие самолеты, летящие бомбить Ейск. Одинокий баркас у бе[illegible] без признаков жизни не привлекал их внимания. Хромушин был доволен. Немцы не усиливали охрану побережья, чего он опасался. То, что произошло со «Шквалом» несколько дней назад, действительно непредвиденная случайность.

С темнотой опять взяли курс на Белосарайку. К косе подходили на веслах. С холма тянул холодный ветер, гнал вдоль берега косую волну. Она была союзницей, глушила всплески весел.

Человек в рыбацком костюме появился у борта неожиданно. Цыган, сидевший по правую руку Бандуры, выругался. У Василия пробежала по телу неприятная дрожь, стало жарко, словно кто-то сыпанул за отворот [illegible] горсть раскаленных углей. Хромушин подхватил неизвестного, помог ему влезть в баркас. Негромко распорядился:

— Отходим!

Легко скользнул по древку мачты парус. Забирая ветер, заполоскал, начал рвать шкот из рук Бандуры. Шелест парусины казался оглушительно громким.

Хромушин с ночным гостем ушли в кубрик. Появились на палубе, когда далеко за кормой остался шпиль Белосарайки. Бандура вел баркас на Долгую.

— Держи на Милекино! — приказал капитан-лейтенант.

— Есть! — Василий начал разворачиваться. Ход был хороший, румпел с трудом подавался усилиям рыбака.

— До самого поселка, де, не надо,— глухо сказал гость.— Иде-то на подходе меня кинете. Тута по верховой, де, глубоко, у любом месте пристать можно.

— Гавря? — Василий от неожиданности выронил шкот. Тонкий конец больно хлестнул по бедру Хромушина. Хлопнул выпустивший ветер парус. Потеряв ход, баркас глубже зарылся носом в волну. Хромушин ругнулся.

— Погодь, Никифорович! — остановил его гость.— Кажись, из наших кто-то.— Покачиваясь, тяжело шагнул к Ваське: — Мать честная, де, Бандура!

Двое бросились друг к другу. Ни ветер, ни раскачивающая дубок волна не могли разорвать рыбацких объятий. Чужой, занятый врагом берег лежал на носу «Шквала», но теперь не казался он Василию страшным. Живет же на нем Гавря Изюхов. И не просто живет, а занимается делом во много раз опаснее, чем служба Бандуры.

— Как же ты рискнул остаться? — спросил Василий у примостившегося рядом Гаври.

— Кому-то нужно было,— не сразу ответил тот.— Да и мне лучше, чем другому. Окромя как в Камково, де, никто меня не знает. Это вы, которые плавали, с каждым на побережье, де, дружки да приятели, а я чего, крыса сухопутная.

— Иде же ты заякорился?

— Иде придется, тама и живу,— уклончиво ответил Гавря.

— Я, Степанович, понимаю, что не про все тебе говорить можно, но ежели тайны в том нет, поведай чего про поселок наш. Страх, как знать хочется!

— Батя твой живой и здоровый. Тута, де, можешь не беспокоиться. Ишо Кружилин здравствует. Матвей счас не у дел, потому как всем у поселке Калганков заворачивает. Распаскудной сволочью стал, никого не милует.

— Шо, все люди перевелись, нема кому каменюку на шею тому гаду повесить? Зашморгнули бы удавку — и в воду!

— И потом за эту гниду пущай хорошие головы летят? Нет, Вася, всему свой час. Достанем мы и калганковых, и прочую сволочь. Счас у нас, де, насовсем другая задача. Вот, кажись, и добрались. Прощевай, браточек!

Обменялись крепким рукопожатием. Набегал на баркас берег. Все-таки был он чужим. Ничего не могло быть хорошего на земле, где власть забрали калганковы.

XI

Жеребчик хитрил. С галопа переходил на мелкую рысь, потом и вовсе замедлял шаг. Калганков обжигал круп коня кнутом, хлестал вожжами по бокам. Разбаловалась скотина, не хочет понимать, кого везет.

Левант сек лицо снежной крупкой, студил разгоряченные щеки.

Не в духе возвращался Кузьма из города. Позади неприятный разговор с Вальзером. Сухо принял шеф гестапо поселкового старосту, даже сесть не предложил. Стоя выслушивал Калганков упреки:

— Я был о тебе хорошего мнения, но ты есть лодырь или хитрец! — холодно говорил гестаповец.— За это мы строго наказываем. Нам надо честный работник!

— Помилуйте, ваше благородие! — мелко дрожал Кузьма.— Да я всеми силами вам и великой Германии... Токи скажите, чего делать?

— Надо немножко думать. Ты присылаешь нам людей по списку. Так?

— Как же иначе, ваше благородие! Ежели не мы их, так они нас! — Калганков щелкнул пальцами.

— Я тебя делал старостой не для того, чтоб ты прятался за спину гестапо. У тебя есть полиция. Надо давать людям работу. Кто не работает, тот не кушает. Так это у вас? Сейчас можешь идти, но если ты ничего не понял!

— Все как есть понял, ваше благородие!

Кузьма распаренный выскочил из кабинета. От города до косы гнал жеребчика, не давал и секунды передышки. Нужно же так опростоволоситься? И этот долговязый тоже хорош. Мог бы раньше сказать. Ему-то, небось, горя мало, а ты крутись. Перегнешь палку — плохо, не догнешь — и того хуже. Лучше уж перегнуть. За лишнее усердие не должны [illegible]

Из тех, кого внес в списки Калганков, в поселке остались Игнат Кальченко и Дуська... С бабой можно повременить, а вот инвалида..

За Игнатом пришли двое: Гришка Махровой и забулдыга, имени которого никто в поселке не знал. За характерный цвет носа рыбаки прилепили ему кличку Сизый. Гришка после тюрьмы пропадал невесть где. Заявился в поселок через месяц после прихода немцев, был настороженно принят Калганковым.

— Ты мне сразу и чистосердечно кажи, чистый ты перед новыми властями или замаранный?— строго сказал Кузьма Махровому.

Гришка протянул Калганкову справку об освобождении, засаленную, побывавшую во многих руках. Кузьма неторопливо и степенно, как все сейчас делал, прикрыл глаза стеклами очков, пробежал взглядом бумажку. Довольно улыбнулся.

— Это для тебя, Гриша, наилучшая характеристика. С нынешнего момента будешь начальником поселковой полиции. Токи гляди, за службу строго спрашивать буду!

Не утерпел Калганков, напомнил, кто из них старший. Махровой промолчал.

Игнату нездоровилось, какой день трясла лихоманка. С приходом немцев бирюком стал инвалид, почти не показывался в поселке. Жил надеждой, оставленной Гаврей. Перед уходом из Камкова сказал Извеков Игнату:

— Ты теперя на время, де, затаись и тихой мышкой живи, чтоб тебя и слыхать не было. Когда для настоящего дела понадобишься, де, я тебя найду.

— Что же мне, у ладошку дыхать и перед каждой шалавой голову клонить? — не согласился инвалид.— Нет, Гаврюша, я на такое не согласный!

— Ничо, потерпишь! — насупился Извеков.— Это тебе мое первое партийное задание. Оправдаешь, де — поглядим, какой ты нужности для партии человек. Ишо одно запомни, Игнат. Выкриками и кукишами, скоки их не делай, вражину не осилишь. Хочь как бы тебе туго не пришлось, де, у кулак душу сожми, а терпи. Вот так.

Оставил Гавря Игнату пароль, велел ждать нужного человека, но пока никто не приходил к инвалиду. Если бы не обещание, данное секретарю партячейки, давно бы развернулся Игнат. Первым делом свел бы счеты с Калганковым. Долго ли подпереть дверь колом, обложить хату соломой и чиркнуть спичкой? О том, что из-за одного пострадает поселок, Игнат не думал.

Дверь у Кальченко, как обычно, не закрыта. Увидев на пороге нежданных гостей, недовольно сказал инвалид:

— Ежели вы насчет выпимки заглянули, так очень даже напрасно. Позабыл, когда уже и во рту шо было.

— Поднимайся! — лениво сказал Сизый. Цвыркнул слюной сквозь щербатые зубы на грязный пол.— Счас мы тебе сами чарку нальем!

— Давай, дядя Игнат, вставай,— спокойно, словно в гости звал, вмешался Гришка. Обшарил глазами комнату, недовольно поморщился. Поживиться было нечем.

— И далече вы меня зовете? — начиная догадываться, приподнялся Игнат.

— Тама увидишь! — зевнул Сизый. Мысленно ругнул и Игната, и Калганкова, и своего начальника Гришку. Доспать не дали каких-то пару часов для полного успокоения головы. Трещала она, как спелый арбуз, сдавленный сильными руками.

— Ну, коль зовете, значится, надо идти,— встал Кальченко.— Вы теперя начальство, с вами в спор не вступишь.

— Не все тебе было верховодить, теперя наш час настал,— согласился Махровой.

Игнат молча одевался. Долго пристраивал к культе деревяшку. Пристегнув, несколько раз пристукнул концом протеза об пол. Вроде ничего.

Откуда появилась в руках Кальченко бутылка водки, полицейские не уразумели. Настоящая казенная белоголовка с ядовитой зеленой наклейкой. У Сизого по-рачьи выкатились глаза, с трудом заглотнул тошнотворно-горький комок.

Игнат, не обращая внимания на гостей, привычным ударом ладони о донышко выбил пробку, взял стоявший на столе стакан, налил до краев. Пил медленно, и в такт его глоткам дергался кадык у Сизого. Остатки водки Кальченко слил в кружку. Сизый

потянулся к ней рукой, но Игнат небрежным жестом выплеснул жидкость на пол. Крепко завоняло спиртом.

— Вот ты, гада калеченая, чего исделал? — прошипел полицейский.— Теперя не жди от меня хорошего. Слезой отольется тебе эта водочка.

— Со всякими и разными людьми пить мне приходилось,— спокойно посмотрел на Сизого Кальченко,— а с паскудами за всю жизнь ни одного глотка не сделал. Чего же мне напоследок поганиться?

У дома телега стояла. Игната связывать не стали. Куда денется одноногий от двух здоровых мужиков. Гришка сел на передок, Сизый с Игнатом примостились на днище короба.

— Проваландались мы с тобой, стемнеет скоро! — недовольно буркнул Махровой.— Покуда до города доберемся да назад...

Сизый пискнул, как молочный поросенок, закашлялся смехом.

— Ничо, начальник. Мы эту круговерть быстро сделаем!

Километра два отъехали от поселка, остановили телегу. Гришка спрыгнул с передка, привязал вожжи к стволу маслины.

— Слезай, дядя, приехали! — сказал Сизый, поправил на плече ремень винтовки. Игнат неуклюже перевалился через борт, с трудом удержал равновесие

— Теперя куда?

— Шагай к морю, тама видно будет!

Сыпучий песок на дюнах утяжелял шаги. Игнат с трудом вырывал деревяшку. Об одном жалел Кальченко — нет в руках оружия. Одна мысль была у инвалида: «Хочь какая завалящаяся шаблюка сейчас у меня поимелась, я бы показал им, как старые бойцы драться умеют!»

То ли плохо привязал дома деревяшку, то ли порвался ремень, но почувствовал Кальченко, что свалится сейчас протез. Наклонился, начал искать повреждение.

— Ты чего закопошился? — настороженно спросил Сизый.

— Нога отпала, счас поправлю! — Игнат ощупывал деревяшку, искал оборванную лямку. Ладони скользили по отполированному дереву. Вдруг обожгло инвалида: вот оно — оружие! Само в руки дается!

— Долго ты тама?

— Счас!.. Ишо лучше помог бы. Не управиться одному!

Сизый осмотрелся. Дорога совсем близко, нельзя здесь. Возись потом с трупом, тащи по песку. Шагнул к Игнату, наклонился:

— Чего у тебя?

— Порядок! Заполучи, курва!..

Тяжелая палица опустилась на голову полицейского. Глухо охнув, упал оглушенный Сизый. Будь у Игната две ноги — не сдобровать бы и опешившему Махровому. Но была только одна. Вторую, деревянную, Кальченко держал в руках. Игнат сделал неуклюжий скачок к Гришке, больше не успел. В грудь ударил тупой раскаленный лом, тело обхватил штормовой ветер, закрутил, как соломинку, потащил в небытие.

XII

На траверзе невидимого в ночи пролива заглушили двигатель, подняли парус. Несильный дул норд-ост. Охлаждаясь над ледяной кромкой замерзшей части моря, нес к Крыму холод. «Шквал» шел в галфвинд правого борта — самый лучший для парусников ветер. Над проливом взлетали ракеты, вспарывали темень бледноватым светом.

Цыган вылез из машинного отделения, присел на банкетку рядом с Бандурой, вздохнул:

— Чисто тебе пираты крадемся. Никогда не думал, что придется под черными парусами бегать.

Парус на дубке и впрямь темный, чтоб не демаскировать посудину.

— То не наша вина,— негромко отозвался Василий. Не отрывал взгляда от картушки компаса, чуть присвеченной пиронафтовым фонарем.

Рейсы к берегам, занятым немцами, стали привычными для команды «Шквала». В ноябре дубок перевели в Темрюк. Выходы к северному побережью прекратились, там крепкий стал лед.

Экипаж не ведал о готовившейся в глубокой тайне Керченско-Феодосийской десантной операции. Люди лишь догадывались, что готовится нечто серьезное. Почти каждую ночь их посылали с заданием к северному берегу Крыма. «Шквал» стал частым гостем в глухих бухтах, разбросанных от Еникале до Казантипа. Стало привычным высаживать и забирать людей, обмениваться позывными и паролями. Привычка сглаживала чувство опасности, оставляя понятную в таких делах настороженность, убирала нервозность.

— Мне сегодня днем, когда мы перед походом отдыхали, Полюшка во сне привиделась,— задумчиво сказал Цыган.— Навроде спускается она в кубрик, присаживается до меня на койку и ласково так кажет: «Иде же, Димуля, песня, какую ты сочинить обещался? Дюже мне послухать ее хочется». Я ей зачинаю растолковывать, шо время такое настало, печальные песни кругом поются, а мне непременно веселую нужно сделать. Она этого понимать никак не хочет, на своем продолжает стоять. Обещался — значится, выполняй. Потом так чудно на меня посмотрела, заулыбалась и уходить начала. Я кинулся задержать ее, даже проснулся и, вот тебе крест святой, сам видел, как из кубрика она выходила. Ишо окликнуть ее хотел, да голоса у меня не стало.

— Выдумываешь невесть чего! — буркнул Василий. Не по себе мужику стало. Случись выслушать рассказ Димки в нормальной обстановке — непременно посмеялся бы Бандура, спросил бы, сколько лишнего взял Цыган к обязательным ста граммам наркомовских. Сейчас не до шуток. Втискивался в темень «Шквал», бил в лицо тугой ледянистый ветер, зло шипела за бортом вода. Впереди неизвестность. Каждую секунду может распороть ночь жгучий прожекторный луч, высветить посудину.

— Вот так оно и получается,— тяжело вздохнул Цыган.— Когда-то придуманные истории рассказывали, и ты тому верил. Теперя правду поведал, а ты от нее отмахиваешься.

Минуту посидел, ушел. Слышно было, как хлопнула дверь машинного отделения. Василию стыдно стало. Понимал, обидел сейчас невниманием давнего дружка. Нужно было какие-то слова найти, развеселить парня. После такого сна у кого на душе смутно не станет.

«С рейса вернемся, непременно ошибку заглажу,— думает Бандура.— Надо будет у Хромушина хоть один вечер выпросить, на берег сходить. Посидим вдвоем с Димкой, поплачемся друг дружке, гляди и полегчает на душе».

Рейс этот с несложным заданием был обычным для Бандуры. В небольшом поселке вблизи Казантипа нужно было найти одного человека, обменяться паролями, забрать пакет. Хромушин, отправляя Бандуру, не стал объяснять, что несколько дней назад перестал выходить на связь радист, передававший сведения о Керченском укрепрайоне. Они были крайне нужны, потому что уточнялись последние детали предстоящей операции. Засылать нового человека, не выяснив причин молчания радиста, было опасно. Все разведданные, собираемые отдельными не знакомыми друг друга людьми, попадали связному, имеющему выход на радиста. К нему и направлялся Бандура.

К берегу подходили на веслах. Где-то здесь, в километре от входа в бухту, должен быть большой валун, за которым удобно спрятать баркас. Многотонная скала одним краем примыкала к каменистой возвышенности берега. По ней удобно выбираться на материк.

Камень надвинулся неожиданно и чуть в стороне. Бандура шепотом отдавал команды. Приспустили весла. Радист выскочил на валун, принял швартовый. Роли были распределены заранее. Механик неотлучно находится в машинном отделении, держит двигатель на товсе. Черных несет вахту у пулемета. О скором возвращении капитан известит условным сигналом.

Василий соскользнул с камня на берег, пополз к поселку. Через полчаса добрался до околицы. На холме, куда он забрался, почти не сказывался плеск волн, и шаги многих, обутых в сапоги ног, зазвучали отчетливо и громко. Капитан дождался, пока удалился и ушел в поселок патруль. Только после этого подошел к нужному дому, постучал в окно условным стуком. Долго ждал ответа. Показалось, что в комнате зажегся свет. Стекло мгновенно заблестело, ярко вспыхнуло, больно резануло глаза. Бандура понял, что источник света находится не в комнате, а во дворе, за его спиной. Он резко повернулся, увидел повисшую над морем ракету. Словно волкодав на заклятого врага, гавкнул крупнокалиберный пулемет «Шквала». В ответ ему шавками затявкали немецкие «шмайсеры». Не задумываясь, Бандура бросился на выстрелы. Ближайшая дорога к морю лежала через чьи-то огороды. Он побежал по ним. Что-то твердое ударило по ногам, вырвало из-под них землю.

Падая, Василий инстинктивно прикрыл лицо тыльной стороной локтя. Непомерная тяжесть деревянной колодой навалилась на спину, придавила к мерзлой пахоте. Крутанувшись, упавший смог вытащить из ножен финку и тут же услышал до одурения знакомый голос, зло прохрипевший под самым ухом:

— Полежи трохи, хрестоматъ!.. Будешь брыкаться, голову отверну!

Рука Бандуры обмякла, нож упал на холодную землю.

XIII

Азовская весна сорок второго года была слякотной и голодной. Зимой море замерзло от устья Дона до Арабатской стрелки. До мая болтался Азовом лед, неприкаянным перекати-полем гоняли ветры от берега к берегу матерые глыбы, студящие материк. Моряна, вместо привычного тепла, приносила в город туманы, холодную морось.

Нетопленые стояли дома. Все, что могло гореть, подобрали зимой. Дабы хоть чуточку обогреться, люди рвали полы в собственных квартирах. На карточки выдавали по сто граммов хлеба в день, выпеченного из прелой кукурузы и молотого жмыха.

Малахов третий месяц жил в трудовом лагере. Бараки, огороженные колючей проволокой, стояли на холме возле бывшего Крекинг-завода. Большие ворота, опоясанные той же колючкой, весь день были открытыми, запирались на ночь, когда возвращались с работы трудовики. Перекличка, баланда из тюлечного супа, приправленного картофельной кожурой, сон. Утром — ранний подъем.

Охраны почти никакой не было. К вечеру заявлялись два полицая, ночевали вместе с трудовиками, поутру исчезали. Побеги были исключены. Весь лагерь был разбит на пятерки со старшим во главе. В случае пропажи одного вешали оставшихся четырех. Если бы решила уйти вся пятерка, казнили бы следующую по счету. И это не было пустыми словами. В первые же дни из лагеря убежали двое. Троих повесили на перекладине ворот. Много дней колонна проходила под казненными. Пригибали головы, чтоб не достать одеревеневших от мороза ног повешенных.

Невольная круговая порука делала людей подозрительными и недоверчивыми. Следили друг за дружкой, и горе было тому, на кого падало подозрение в подготовке побега. Такого могли убить сами трудовики, чтоб сохранить свои жизни.

Работали в основном на разборке разбитых зданий, реже на станции или в порту, когда туда поступали срочные грузы. Группа из трех или четырех пятерок, куда входили самые крепкие и выносливые, отправлялась по особому заданию. Чем занимались люди, о том не говорили. Можно было только догадываться, что труд у них был не из легких. Несмотря на отдельное питание, несколько лучшее, чем у остальных трудовиков, люди хирели на глазах. Потом и вовсе исчезали. Полицаи говорили, что за хоро-

шую работу их отпускали домой, и при этом ехидненько усмехались. Им не верили.

Петра взяли во время облавы на базаре, куда он пришел, чтоб обменять на еду костюм. Рынок прочесали густой цепью полицаев и немцев. Толпу народа направили на выход в одни ворота. Беспрепятственно отпускали пожилых женщин, малолетних детей и тех, кто имел «аусвайс» — документ, свидетельствующий, что его владелец находится на службе у рейха. Остальных отводили в сторону, оставляли под охраной. У Малахова никаких документов не было, он попал к задержанным. Потом их еще раз пересортировали. Тех, кто был помоложе, отобрали для отправки в Германию, Малахова и других направили в трудовой лагерь.

Старшим в пятерке, куда входил Петр, был мужик из Петровской Яков Бородулин. Весь какой-то помятый, он выглядел гораздо старше своих тридцати лет, особой ловкостью не отличался, во всяком случае на первых порах. При знакомстве прощупав Малахова настороженным взглядом серых, слегка навыкате глаз, процедил:

— Со свиданьицем, комиссар! Не думал тебя здесь встретить.

И все. Больше не сказал ни слова. Потом Петр старался припомнить, где они раньше встречались, но тщетно.

Работали на строительстве нового лагеря для военнопленных. В не оттаявшем еще грунте долбили ямы, крепили в них столбы, навешивали колючку. На фронтах наступило временное затишье. После поражения под Москвой наступательный пыл немцев остыл, но, видимо, готовились они к чему-то серьезному, верили в успех задуманного, отсюда и это строительство.

— Сами себе тюрьму строим! — ворчали трудовики. На таких опасливо цыкали. Лишняя болтовня не поощрялась. Можно было угодить в спецгруппу, а оттуда возврата нет. Спецгруппа работала в Мерликовой балке, где шли массовые расстрелы. Задача «похоронников», как стали называть людей из группы, заключалась в том, чтоб не дать унести мертвым ценности, столь необходимые рейху. Сортировалась одежда, как правило, снимаемая с обреченных перед расстрелом, потом тщательно проверялся каждый труп, снимались кольца, серьги, зубные коронки — все то, что не было обнаружено ранее. Такую работу трудовики выдерживали неделю-две, от силы — месяц. Затем их расстреливали за непригодность и чтобы не иметь лишних свидетелей. Как исключение, в живых оставляли только тех, кто обладал исключительной выносливостью и изъявлял желание служить в полиции или карательных отрядах СД. Лучшей проверки для таких не требовалось.

Малахов подсыпал в яму, где уже стоял столб, щебень. Даже плотно утрамбовывали ее деревянными вор[illegible]ами. Ровность столба проверяли отвесом. Малейшая оплошность каралась переделкой всей работы. В норму она не засчитывалась, а ее невыполнение лишало трудовиков даже той скудной баланды, которую они получали вечером.

— Перекур! — объявил старшой. Это им разрешалось — десять минут отдыха после трех часов работы.

Петр устало опустился на валяющийся столб в сторонке от других. Хотелось побыть одному. Прошло почти пять месяцев, как он живет в оккупации. А что проку? Польза от него разве только для немцев, которым он, хочет того или нет, служит бессловесной рабочей скотиной. Просвета впереди никакого.

— О чем задумался, комиссар? — Петр не заметил, как к нему подошел старшой, присел рядом. Попыхивал Бородулин самокруткой, смачно сплевывал.

— Да так, ни о чем!

— Ври больше! Уж кого-кого, а тебя наверняка мысли обсыпали, как грязное тело вши. Небось, так и не припомнил, где нам встречаться приходилось?

— Даже голову об этом не ломал.

— И опять врешь. Я за тобой давненько наблюдаю. Ведешь ты себя правильно, на рожон не лезешь. Ну, а что там внутри у тебя, то дело твое и никого не касается. Меня тоже

— Не пора ли перекур заканчивать? — Петру хотелось отвязаться от собеседника.

— Успеется. Норма у нас сегодня будет, пускай отдохнут люди.— Бородулин тщательно загасил тощий окурок.

— Ты где попался?

— На базаре.

— И я там же.— Старшой качнул головой и вдруг без всякого перехода: — Видел я тебя, комиссар, в Петровской. За коммуну ты к нам приезжал агитировать. Это когда Омелько тебя стрельнуть хотел, да ты отбился.

Было такое. Райком его тогда направил в станицу, где накануне убили второго секретаря Авакумова. Ерохин, узнав о его поездке, отдал ему свой маузер:

— Бери, Петя. Лучшего ничего не найдешь. Эта машинка не подведет, не раз на контрах пробованная.

Уже когда возвращались домой после собрания, Малахов вытащил маузер, положил на колени Кузьме Калганкову, позвавшему его в станицу, сказал:

— Сядь пониже, мало ли чего!..

Их обстреляли на подъезде к мосту. Заржав, поднялась на дыбы лошадь, стала неловко заваливаться на бок. Упала, засучила ногами. Две неясные тени расплывчато затемнели в низинке.

— Живой, вошь большевистская? Ничо, счас мы тебя кровью умоем!

— Бросай оружие, хозяин! — Малахов крикнул и откатился в сторону. Вовремя. Пуля ударила в то место, где только что лежал Петр. На голос, но метко стрелял Омелько, станичный заводила. Малахов не стал ждать. Поддержал ладонью левой руки кисть правой, неторопливо нажал спусковой крючок.

Увидел, как зашаталась правая тень, упала. Вторая — зигзагами ушла в низинку.

— Ты с ним тогда был, с Омелько? — спросил Малахов.

— Нет, тогда я тебе поверил. Больно уж складно ты говорил. Костить тебя начал года через два, когда из-за твоей коммуны люди с голоду подыхать начали. Не икалось?

— Не припомню...

— Наверняка икалось, потому как не один я тебя вспоминал!

— Значит, все-таки, к кулакам примкнул?

— И в мыслях не было. В комсомол я вступил, с батей разругался. Умный мужик был, не вступил в колхоз. В тридцать втором, когда голод начался, только у него, да у тех, кто по его тропке пошел, хлебушек-то и оказался. Прижали их, обложили налогом. Они — в бунт. Церемониться с ними не стали. Взяли за холку, как кутят паршивых, и по этапу — в Сибирь. Хлебушек выгребли. Меня, правда, не тронули. Знали, что я с батей не в ладах был. Потом и я взорвался. Назначили меня от комсомола до тех, кто станицу от мертвых очищал. Были такие, по хатам ходили, трупы собирали. Тех, кто от голода помер. Взрослых за руки-ноги — и в телегу. Малых детишек на вилы накалывали и, как, прости господи, дерьмо какое, туда же кидали. Я не смог, отказался. Уполномоченный, из города был, давай орать на меня. Ну, я и послал его. В запарке по шее дал. Мне политику и пришили. Такие вот дела, комиссар!

— Долго сидел?

— Достаточно. Кабы не война эта, до сих пор бы небо в крупную клетку видел.

— Значит, ты сейчас с немцами заодно? — решился на прямой вопрос Петр.

— На кой хрен они мне нужны, немцы! — ощерился Бородулин. — В своих делах мы сами разберемся, здесь третий лишний. А они даже не третьи, а десятые. Им земля наша нужна, так и нам без нее не обойтись. Как же я могу с ними быть? Ладно, работать время, заговорились!

Потом Малахов долго думал об этом разговоре. С неизвестной стороны открылся ему Бородулин. Он наверняка не один. С немцами им, явно, не по пути, но и за Советскую власть вряд ли станут они драться. За кого же?

XIV

По воскресеньям их иногда отпускали домой. С обеда до вечера. Делалось это с разрешения старшого. Малахов долго не решался подойти к Бородулину, сделал это, когда уже невмоготу стало носить кишевшее вшами белье.

— Шагай, комиссар, — сказал старшой. — К поверке чтоб был, как штык. Сам понимаешь...

Над городом уже вовсю буйствовала весна, медовый запах акации заливал улицы. Прохожих было мало, даже военные встречались редко. Все силы немцев были под Харьковом, где началось наше наступление. Песчанск выглядел глубоко тыловым городом. Малахов шел берегом. Далеко на взморье серели паруса рыбачьих

баркасов. Похоже на то, что немцы разрешили промысел. А почему бы и нет? Море в их руках, Керченский пролив тоже. К своим не убежать, потому что нет на побережье своих.

Мысли Малахова были заняты одним: сейчас он растопит печурку, нагреет воды, от души вымоется, переоденется в чистое. Но что это? Дверь в его квартиру открыта, а на крыльце чистит сапоги какой-то человек в полувоенной форме.

— А, Петро Севастьянович!— оглянувшись на шум шагов, сказал незнакомец. Стал лицом к Малахову.— Ну и видок у тебя!.. Кабы не ждал прихода, не узнал бы! Ты меня, конечно, тоже не узнаешь?

— Личность знакомая, а вот где встречались...

— Ну ничего!.. Теперь запомнишь...— сказал собеседник, но без злобы, скорее с насмешкой.— Пойдем в дом, что ли!

— Куда мне! — Петр взял пальцами за отворот старенькое пальто, тряхнул его.

— Понятно. Гостей там у тебя наверняка целый рассадник.

Вынес два стула, потом табурет. Вышедшая за ним дородная женщина прикрыла табурет чистой тряпицей, принялась накрывать стол. Вяленая тарань, весенняя, с икрой. Вареная картошка, присыпанная сверху жареным луком, ломоть настоящего пшеничного хлеба, малосольные огурцы. У Малахова от одного вида еды голова кругом пошла.

— Садись, Петр Севастьянович,— пригласил хозяин, невесть из какого кармана галифе достал бутылку белой, выставил на табурет.— Фрося, стаканы давай!

— Несу!..

— Я, наверное, не буду! — Малахов показал пальцем на бутылку.— Вы уж сами...

— Странно! — удивленно сказал хозяин.

— Что же здесь странного? Я ею и до войны не очень увлекался, а сейчас просто боюсь.

— Да я не о том. Странно другое. Когда-то я тебя на «вы» называл, а ты мне тыкал, теперь все наоборот. Что-то изменилось?

— Разве нет?

— Конечно же, да! Иначе бы всякая вера в справедливость была потеряна.— Словно и не слышал слов Малахова, налил ему, потом себе. Поднял стакан.— Выпьем по первой, потом раззнакомимся!..

Петр сделал несколько глотков, навалился на еду. Тело сразу огрузнело, теплота в нем появилась, а в голове легкость.

— Вот теперь и представиться можно,— пожевав кусочек огурца, сказал хозяин.— Начальник городской полиции Дмитрий Филиппович Щелкунов. Это теперь. А раньше, при Советах, экономист рыбного треста. Там мы с тобой и встречались, секретарь партийный.

Петр постарался ничем не выдать удивления, и, похоже, это ему удалось:

— Как же так сразу — от экономиста до начальника полиции?

— Не совсем сразу. Промежуточный период имелся. Дело начальника треста Петушкова и председателя рыбоколхоза Ховрахина помнишь?

— Это о приписках?

— О них, проклятых. Только ведь вот как вышло. Они дров наломали, а вину на меня свалили. Им — по выговору, мне — десятку. И куда я не бился, ничего доказать не мог. Но в справедливость верил. Вот она и пришла — справедливость. Теперь я сам буду суд творить, всех неправых на чистую воду выведу. Давай за справедливость и выпьем!

— Не могу. Не дойти мне до лагеря.

— Велико дело, транспорт найдем. Но, как знаешь, насиловать не люблю.

Щелкунов выпил, опять закусил кусочком огурца и ничем больше. Внимательно посмотрел на Малахова, взгляд был трезвым:

— Я потому с тобой пью, секретарь, что зла на тебя не имею. Ты не для себя, для дела жил. Другими не заслонялся. Потому и неугодным стал, с должности слетел, с партии поперли. Ну, а насчет квартиры не обессудь. Отец и дед мои в ней жили. И я до тех самых пор, покуда на Север не загремел. Теперь на обжитое вернулся. Ты уж пойми что [illegible]. Вещички твои в целости и сохранности.

В лагерь Малахов вернулся на фаэтоне, которым правил полицейский. Привез с собой узел и два чемодана вещей. Старшой, узнав, как провел он день, сказал:

— Скоро ты опять в начальство выберешься, комиссар. Не загордись!..

— Да, брось ты! — отмахнулся Петр. Подумалось о другом: может, Бородулин и есть та щель, в которую нужно подкладывать взрывчатку для разрушения немецкого монолита? Человек он для них подходящий. Наказан Советской властью, сидел в лагере, причем за политику. Таким они верят. А Бородулину с немцами совсем не по дороге. Сам об этом ненароком обмолвился.

...Баню они все-таки организовали. Прямо во дворе лагеря, благо, дни стали совсем теплыми.

Из вещей Петр оставил себе самое необходимое, остальное раздал. Бородулин к такому расточительству отнесся неодобрительно:

— Зря шмотками разбросался, комиссар.

— Продавать, что ли?

— Зачем? На хлебушек поменять. У нас в станице бабы с руками бы оторвали.

— Чего же сразу не сказал?

— Не привык к руководству, а совета ты не спрашивал. Это, наверное, уже у вас, партийных работников, в крови — никогда ни с кем не советоваться. Дурная привычка!..

— В следующий раз умнее буду! — отшутился Петр.

— Если он еще будет — второй раз! — неопределенно хмыкнул Бородулин.

На ночлег устроились почти по-барски. Грязную солому на нарах прикрыли чистыми простынями. В головы положили самые настоящие подушки.

Петру не спалось. Сегодня после обеда он вновь отпросился у старшого в город.

— Небось, нового знакомого решил проведать? — пытливо взглянул на него Бородулин.

— Нет, просто проветрюсь...

— Это нужно. А знакомых, которые сегодня одним служат, а завтра — другим, остерегайся!

— Тебя тоже? — решил испытать его Петр.

— Я над собой никакой власти признавать не хочу! — уклончиво ответил старшой.— Мне ни Советы, ни немцы не нужны. Один вред от нее — от власти! А ты иди, проветривайся..

Сегодня было не то число, когда он мог встретиться на явке с нужным человеком, но Петра почему-то потянуло хотя бы увидеть то место, где при необходимости он мог найти товарища.

Как и в первый раз, Малахов спустился по узкой тропке с холма к морю, пошел берегом. Дула моряна. По-весеннему теплая, она игриво выбрасывала на песок небольшие волны. В их веселых водоворотах бутылочным блеском вспыхивали солнечные зайчики, резали глаза.

В центре городе Малахова удивило обилие плакатов. Ими были залеплены не только афишные тумбы, но и стены домов, заборы. Он остановился возле одного. Нарисованное было бедное убранство крестьянской избы, сидящие за пустым столом старик со старухой. Хмурые лица, худющая кошка у ног бабки, в красном углу, где обычно висят иконы, портрет Сталина. Короткая надпись «Жить стало лучше, жить стало веселей!»

На большом панно, что висело на фронтоне типографии, Сталин был изображен на фоне Кремлевской стены. В длиннополой кавалерийской шинели, из кармана которой выглядывала свернутая в трубку «Конституция», он, прикрыв глаза ладонью, всматривался вдаль, туда, где в неясной дымке громоздились американские небоскребы. Чуть пониже спины у него был приделан пропеллер.

Мыслилось ли такое в городе еще год назад? Малахов перешел на другую сторону улицы. На углу ее, там, где некогда размещался магазин Торгсина, увидел заставленные книжками полки. Он всегда был неравнодушен к литературе, поэтому, не раздумывая, вошел в помещение. Да, здесь явно торговали книгами. Беглого взгляда было достаточно, чтоб понять — какими. В магазине были две продавщицы. Одна из них спешно направилась к Малахову:

— Завернуть?

Он непонимающе взглянул на нее:

— Что... завернуть?

— Можно все. Мы только сегодня получили новинки...

Продавщица выложила на прилавок несколько брошюрок. Бросился в глаза крупный шрифт названий: «Сталин, как вождь и человек», «В застенках НКВД», «Крестьянский вопрос в Советской России».

— Нет, спасибо. У меня и денег нет...

— У нас литература отпускается бесплатно! — Девчушка умело упаковала стопку книжечек, перевязала шпагатом.— Берите, заходите еще!

С пакетом в руках Петр вышел из магазина. Невольно осмотрелся по сторонам. Пакет жег ладонь, казался не только горячим, но и тяжелым. Выбросить возле магазина не посмел. Вдруг наблюдают. Освободился от книжек уже в парке, сразу почувствовал себя легче. Забыл свое намерение пройти к месту явки, поспешил в лагерь. Сейчас, лежа рядом с Бородулиным, сожалел о сделанном. Все-таки надо было почитать книжки. Врага необходимо знать, иначе, как с ним бороться. Так думал и кривил душой. Просто хотелось хоть одним глазком заглянуть в запретное, туда куда раньше и мыслью проникать страшно было. Поймал себя на этом, невольно вздрогнул: «А почему нельзя? Кто запретил?»

Старшой зашевелился, спросил:

— Приснилось чего, комиссар?

— Да я и не сплю. Так, размышляю.

— И мне не до сна. Карлагерь вспоминаю. Обстановка похожая. Нары такие же, простыни на соломе.

— Это где?

— Не слышал? Значит, и вам, партийным руководителям, не все известно было. Ну и правильно, зачем вам все знать. Вы такие же винтики были, как и все. А Карлагерь — это далеко отсюда, в Караганде. Там только вашего брата, политических, держали. Меня по дури сунули. Правда, недолго, с полгодика, я там побыл. Потом разобрались — и на Север. Но чудес я там насмотрелся.

— Помотало тебя,— негромко отозвался Малахов.

— Не то слово, комиссар. Помотали, так вернее. Но я не в обиде. Жизнь мне показали, такой, какая она есть. Настоящих людей увидел.

— Что же они, настоящие, только в лагерях? — недоверчиво хмыкнул Петр.

— Где же еще им быть? — удивленно сказал старшой.— Кабы на воле они находились, разве довели бы мы страну до голода или немца сюда пустили? Я тебе один только случай расскажу. Это в том же Карлагере было. Привезли нам одного политика. Большую должность человек раньше занимал. Где-то здесь, на Украине. Ну и начал он народ будоражить. Дескать, не мы враги народа, а те, кто нас сюда посадил. И ответ им за это придется держать. В пух и прах разносил всех этих сталиных, кагановичей. В карцер его сажали, на голодный паек, а он, знай, свое тянет. Убрали его. С работы мы возвращались, мороз за сорок, да еще

с ветром. Конвойный с него шапку сорвал и в сторону отбросил. Недалеко так, метров за шесть. Он за шапкой, а ему восемнадцать граммов в спину. Какого человека жизни лишили! Кабы такие у власти стояли, я бы за эту власть голову положил не задумываясь. Но они в лагерях, а уполномоченные, вроде того, которому я по шее дал, командовали нами.

— Фамилию товарища не запомнил?— почему-то насторожился Петр. Даже сердце забилось чаще.

— Тележное какое-то было фамилие... Знаю, тезка мой был, тоже Яковом звали.

— Дышло?— Прохрипел Петр.

— Похоже! Точно — Дышло... Знал, что ли, его?

— Спи, старшой!..

Так вот, как погиб Яков? Яворчик в обкоме говорил, что сердце не выдержало. Откуда он мог знать правду? Как ему сказали, так и он мне.

Невольно припомнились встречи с Дышло. Тогда в Мариуполе, когда он приезжал в окружком с камковским рыбаком Федором Бандурой. Яков пришел к нему в гостиницу поздней ночью, с трудом пробив сопротивление швейцара, не признавшего в нем первого секретаря окружкома. Накануне был у Петра разговор с этим швейцаром. Сидели в небольшой комнатушке старика, чаи гоняли.

— Скажи, мил человек, будет к старому возврат или нет?— спросил старик.

— Не будет, дед! Слишком много крови за новое пролито.

— И я так кумекаю, а жаль!

— Старого?— удивился Малахов.

— Его! Оно и новое, как люди говорят, то же старое, только позабытое.

— Что же тебе при старом режиме лучше жилось?

— Грех жаловаться, милок. Нынче постояльцы только за одним кипятком вниз приходят. Раньше за шампанским спускались. Дюжинами бутылки брали. У меня их ящики стояли, чтоб людям неудобств не было. Приторговывал. Кое-что и на мою долю перепадало. Крохи малые, но хватало. Семью в достатке содержал.

— Холуй ты, дед!

— Ты с выводами не спеши, мил человек. Ты ведь тоже из холуйской породы, только признаться в этом боишься.

Малахов поперхнулся кипятком, уставился на старика:

— Больше ничего не скажешь?

— Скажу. Видать по всему — коммунист ты? Вашего брата чаще всего в этих номерах селят. Так?

— Коммунист!

— Ничего не скажешь, народец вы крепкий. Слово держать умеете. Между прочим, раньше торговые люди тоже словами не разбрасывались. Тут вы друг на дружку смахиваете. Не задумывался, милок, отчего это у вас, таких разных, одинаковая похожесть имеется? Потому, что они своим делом жили, а вы своим

живете. Вот это в жизни и есть основное — каждому при деле хо-луем стоять. Так уж определено, что служим мы ему, как собака хозяину. Какое из этих дел правильное, каждый по-своему и понимает.

Страшен Петру был не дед, а зараза, которая в нем сидела. Наверняка пойдет по наследству. Ему хотелось верить, что в мире, за который он воевал, навсегда пропадут такие приспособленцы. Исчезнут угодливость, прикрытая вежливость. Не будут люди пресмыкаться перед чинами и званиями. Верил: не должно быть такого! И все же страшно было. А вдруг?

Малахов рассказал о своих ощущениях Якову.

— Страшно, говоришь?— задумчиво протянул Дышло.— Конечно. Иногда самого оторопь берет. Сколько тысяч лет мир существует, и все это время люди о его справедливом переустройстве мечтали. А устанавливать справедливость на земле нам досталось. Еще никто не ходил этой дорогой. Оттого и спотыкаемся, в кровь разбиваемся.

Вот и разбился. Но не сдался, собой до конца остался. Он уже тогда, в последнюю их встречу, чувствовал, что неладное происходит в стране. Без обиняков сказал:

— Я был делегатом съезда. Полное единство всех и по всем вопросам партийной политики. Оно и понятно — гору мы свернули превеликую, пятилетку, о которой наши враги кричали, что это очередной большевистский блеф, выполнили на год раньше. Сталин отказался от заключительного слова. Убеждать в правильности нашей политики было некого, да и незачем. И вдруг этот неожиданный тезис, что классовая борьба в стране будет обостряться по мере нашего продвижения вперед, выдвинутый им же. Начинается перетасовка кадров. По сути, идет необъявленная чистка партии. Зачем? И откуда столько врагов народа?

— Может, в верхах знают больше, чем мы?— осторожно спросил Петр.

— О каких верхах и низах может быть речь? Есть единый монолитный союз единомышленников. Он и называется партией. Если мы перестаем верить друг другу, то как можем существовать? Я написал записку в ЦК с просьбой объяснить положение дел, даже собрать внеочередной съезд. Думаю, что это сделали и другие.

— Что тебе ответили?

— Пока ничего.

Это был их последний разговор. Через несколько дней Дышло арестовали.

— Повезло тебе в жизни, комиссар!— чувствуя, что не спит Малахов, сказал старшой.

— В чем?

— С хорошими людьми встречался!

— Думаю, что и тебе такое выпадет...

— Дай-то бог! Я бы тогда всю жизнь свою перевернул!

— Ты ее сейчас начинай переворачивать...

— Как, скажи!..

— Скажу! А сейчас спи. Утро вечера мудренее...

Похоже, что на Бородулина можно положиться. Но присмотреться еще не мешает. Здесь спешка ни к чему. Слишком большая ставка — жизнь.

XV

В помещении бывшего санатория НКВД — немецкое казино. К вечеру Петька с Толиком заявляются сюда, подолгу дежурят у входа. К весне распалась мальчишеская компания. Битан уехал в Германию, за ним увязался Юрка. Петька и Толик остались одни. Сейчас мальчишки работают на Зинку. Обязанности у них несложные: подобрать подходящих немцев, предложить им ночлег и женщин. Если согласятся, свести с Зинкой. Дальше дело ее. Расплачивалась баба не так уж и щедро: по куску черного эрзац-хлеба и пятку сигарет на брата, но это много значило в голодном городе. Умудрялись мальчишки добывать и сами. У немцев можно было кое-что купить. На черном рынке все это шло втридорога. Во-вторых, покуда развлекались немцы, машины оставались без присмотра. Брали не все. Уносили вещи, пропажа которых не сразу бросалась в глаза. Сунутое под сиденье грязное белье, запасная камера, гуталин. В городе все находило сбыт.

Вечер явно складывался неудачно. Две легковушки местной комендатуры у подъезда и ни одной проходящей машины, а уже темнело, наступал комендантский час.

— Пошли домой, пока не прихватили,— предложил Петька.

Шли домой торопливо, потому что уже совсем обезлюдели улицы. Простились возле двора, где раньше жили Малаховы. Сейчас, это уже знал Петька, квартиру занимали другие люди. Куда девался отец, мальчишка не знал.

— Гляди, Петька!— сказал Толик, прильнув глазом к щели в заборе.

— Чего там?— Петька и сам заглянул в щелку. Во дворе, под тополями, что росли у колодца, стояли две грузовые машины с крытым верхом.

— Ну вот, значит, Зинка ругаться не будет. Ей сейчас не до нас!— рассудительно протянул Меченый.— А нам момент упускать нельзя. Здесь есть, где порыться.

— Может, отставим?— Петьке совсем не хотелось лазить по немецким машинам. И не потому, что боялся, это уже вошло в привычку. Просто настроил себя сегодня побыть дома, может быть, почитать на ночь книжку. Натаскал книг сразу же по возвращению в город. Много их валялось без присмотра.

— Такой момент упустить?— Меченый презрительно сплюнул.— Ты здесь подожди, а я на разведку подамся.

Вначале Толик пробрался к окну комнаты, в которой жила Женька Битанша. Осторожно заглянул в него. Видимо, то, что он там увидел, вполне его устроило. Петька понял это по тому, как свободно Меченый прошел к машинам. Отворил дверку одной кабины, заглянул. Осторожно перешел к другой. Здесь он несколь-

ко задержался. Наклонившись, начал что-то делать. Страшный крик отшвырнул Петьку от забора:

— Партизанен!.. И-ие-х!.. Партизанен!..

Кричал не Меченый, кто-то другой, и этот другой мог быть только немцем. Петька стремглав мчался по улице, ожидал услышать выстрелы, но их не было. Одному ему известными лазейками, по задам чужих дворов, пробрался к себе, захлопнув дверь на все крючки и запоры. Коптилку зажигать не стал, притаился в темноте.

Через несколько минут в окно постучали. Стук был тихий, осторожный. Петька прильнул к стеклу, увидел Толика. Пошел открывать дверь. Меченый вошел взбудораженный, дышал тяжело, с каким-то присвистом:

— Чего в потемках сидишь, зажигай, что там у тебя есть!

Закрыли ставни, зажгли каганец.

— Ну, дела!..— Толик присел на табурет, прихлопнул ладонями по коленам.— Во второй машине, в кабине, сапоги я обнаружил. Темно, только подошвы и видно. Я за них потянул, а в те сапоги немец был обутый. Видать, не пошел с другими, решил отдохнуть. Ну, он и заорал. Я от него драпанул, а он — от меня. В другую дверку выскочил. Счастье мое, что приспал он, со сна и в страх впал. Иначе!..— Толик не договорил, махнул рукой.

— У меня заночуешь?

— Нет, пойду домой. Гляди, облава начнется, а меня нет. Мать с ума сойдет.

Проводив Меченого, Петька потушил каганец, зажег лампу. Решил почитать немножко. Чувствовал, что уснуть все равно не сможет. В окно опять постучали.

— Кто там?

— Это я, Валька!

Битанша! Чего ее принесло? Дверь все-таки открыл, впустил незваную гостью.

На Вальке какой-то легкий сарафанчик, плечи прикрыты старым платком. Смотрела на Петьку свысока, и не только потому, что была выше ростом, но и на несколько лет взрослее.

— Удивился моему приходу?

— Ну, пришла и пришла. Чего уж там!..

Чтение пришлось отложить. Чего бы не пришла Битанша, может быть, даже совсем без всякого дела, но гнать-то не будешь.

— Тепло у тебя.— Валька сбросила платок, примостилась на табурете.— А мы от брата письмо получили...

— От Вовки?— Петька радостно заулыбался. Не было еще ни одной весточки от дружка, как уехал, так и пропал.— Ну, и как он там?

— Разве поймешь!— вздохнула Валька.— Почти все краской замазано. Одни приветы пооставались. Тебе тоже есть.

— Принесла письмо?

— Нет, мать его куда-то спрятала. Я хотела найти, а тут немцы заявились, компанию организовали. Как всегда!.. Мать меня спать отправила. Иди, говорит, сестричка, отдыхай. Теперь она

меня при посторонних сестрой называет. Для дочери слишком взрослой я ей кажусь. Потом шум во дворе поднялся. Всполошились чего-то гости...

Вдруг, без всякого перехода, сказала.— Знаешь, я наверное, у тебя заночую. Не хочется домой возвращаться. Может, там до сих пор ругань идет.

— Ложись!

Кровать у Петьки одна, но не впервой ему делить ее с дружками. Валька хоть и не Битан, и не Толик, но что-то похожее.

Отправив спать гостью, Петька принялся листать книжку. Она была без обложки, как называлась — непонятно, начиналась сразу с первой главы. Прочитал: «...Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских». Дальше читать не стал. Книжка показалась неинтересной. Подумаешь, событие — у кого-то в доме все смешалось. Великое дело, что муж побыл в связи с француженкой-гувернанткой, а жена об этом узнала. Зинка или Женька Биташа каждую ночь эти связи меняют, и ничего в их домах не смешивается.

Петька зевнул, отбросил книжку в кучу. Надо выбрать время, рассортировать их. Ненужные спалить. Чего зря им место занимать. Подумалось, что завтра опять нелегкий день будет и не худо бы хорошо отдохнуть.

Петька разделся, нырнул под одеяло к Вальке. Та уже спала, дышала размеренно и спокойно. От нее несло винным перегаром и табаком. Наверняка приложилась за столом, когда гуляла в доме компания. Мать «сестру» малолетнюю в таких случаях к столу допускала. Петьке от густого запаха противно стало. Толкнул Вальку в бок:

— Отвернись, несет от тебя!..

— Дурачок!..— сонно протянула Валька. На ощупь нашла его руку, поклала себе на грудь. Маленькую, еще не окрепшую, но упругую. Потом по животу Петькину ладонь повела и еще ниже. Словно на большую глубину занырнул мальчишка — легким и невесомым стало тело. Голова загудела мелодичным звоном, дышать, словно и впрямь в воде, стало трудно.

— Дурачок!.. Иди же ко мне... Чего ты боишься?

Он проснулся — только сереть начало в окнах, но Битанши уже не было. Когда ушла, не слышал. Долго лежал с открытыми глазами, пытаясь осознать то, что случилось ночью. Повернулся на бок, услышал укол. Пошарил рукой, нашел что-то металлическое. Поднес к глазам, увидел железную приколку для волос. Значит, Валька действительноо была здесь и ему ничего не приснилось. Значит, теперь они с Валькой как муж и жена и ее нужно забирать к себе. Ну и что же? Проживут и еще как! Пусть управляется по хозяйству, а об еде он позаботится. Вдвоем им намного легче будет.

Погруженный в свои мысли, он не заметил прихода Толика. Уходя, Валька дверь оставила открытой.

— Дрыхнешь?— присаживаясь на краешек кровати, сказал Толик.— Ничего, сейчас я тебя разбужу.

— Да я и не сплю вовсе!— неохотно ответил Петька. Приход Меченого был ему сейчас ни к чему. Если бы полчасика побыть одному, разобраться в себе.

— На, читай!—Толик протянул Петьке небольшой листок желтоватой бумаги. На таких печатались приказы коменданта и постановления городской управы. Петька неохотно пробежал глазами заголовок. Понял, что речь идет о похоронах жертв большевистского террора, как сказано было в листке. Такие сообщения ему уже попадались. Дело вот в чем: хоть и изредка, но появлялись над Песчанском советские самолеты, как правило, одиночки. С громадной высоты, откуда весь город наверняка выглядел не больше столовой тарелки, швыряли серию бомб. Просто так, на авось — куда попадет. Доставалось больше всех гражданскому населению. Жертвы бомбежек и хоронили немцы с большой помпезностью, красочно подавая в таких вот листках акты большевистского терроризма. Привычными были такие сообщения, потому и не стал читать Петька, отдал бумажку Меченому.

— Бомбят, значит, есть у нас самолеты. А немцы горло дерут, что кончили нашу авиацию. Чего тут читать? Небось, своих, которых в порту бомбами побило, ночью схоронили, чтоб не видел никто.

— Да ты не про это читай,— отвел Петькину руку с листком Меченый.— Ты подпись посмотри!

Петька неохотно взглянул в конец бумажки, почувствовал, как свело скулы и терпко стало во рту. Буквы, напечатанные жирным шрифтом, осколками впились в мозг, причинили нестерпимую боль: «БУРГОМИСТР ПЕСЧАНСКА ПЕТР МАЛАХОВ».

XVI

Теперь Петька знал, что ему нужно делать. Он убьет его. Собственными руками убьет отца-предателя. Потом пусть будет, что будет. Он почти зримо представил, как это произойдет. Они наверняка выйдут группой, сытые и довольные немецкие офицеры, и среди них — о н. Направятся к машине. Водитель предупредительно откроет дверцу, и в это время под ноги им полетит граната.

Граната у Петьки была. Он нашел их целый ящик в одной из немецких машин, взял одну: с тяжелым набалдашником и длинной деревянной ручкой.

Днем он пошел к управе, тщательно спрятав гранату под рубашку, сунув ручку за поясок брюк. Управа размещалась по улице Красной, переименованной немцами в Зеленую. По соседству с ней находились гестапо и городская полиция. Улица почти всегда была безлюдной. Постоянным обитателем на ней был лишь старик-сапожник, он же чистильщик обуви. Скромная его будоч-

ка стояла между управой и полицией. Немцы любили внешний лоск, подражая им, наводили блеск на обуви и полицаи. Петьке приходилось наблюдать, как ловко орудует щетками старик, угодливо улыбается полицейским. Он возненавидел сапожника, старался реже ходить этой улицей, как, впрочем, и другие. Необходимость заставила мальчишку заявиться сюда.

И вдруг он вспомнил о Вальке. Что будет с ней, если его поймают и расстреляют? Она останется совсем одна. Вовка далеко в Германии, мать не в счет. Пропадет девка. У нее же никого в городе нет. Конечно, ей будет трудно, но она должна понять, что он не мог поступить иначе. Поймет и простит. Будет гордиться им.

Он несколько раз прошелся возле сапожника, возле него и остановился. Из полиции вывели молодого парня. Конвоир, держа карабин наизготовку, вел арестованного в гестапо. Парню нечего было терять. Он круто развернулся, ударом головы в живот сбил полицейского с ног, бросился наутек. Падая, конвоир надавил на спусковой крючок карабина. Выстрел всполошил улицу. Высыпали на тротуар немцы и полицейские. Петька и сообразить ничего не успел, как сапожник затащил его в будку, усадил на место для клиентов, торопливо снял с ноги мальчишки рваный ботинок. Заглянувшие в будку полицейские увидели обычную картину: старик корпел над подметкой, а рядом сидел разутый мальчишка.

— Слышь, Сидор, не видал, куда он побежал? — спросил один из полицейских.

— Когда мне по сторонам смотреть, господин Богатиков!— вздохнул сапожник, кивком головы указал на кучу рванья в углу будки.— Еще внучек работы добавил, чуть подметку не потерял. Подметки сейчас в цене, господин Богатиков, где их взять? Пусть даже резиновая, а на улице не валяется.

Полицейские не стали ждать, покуда выговорится старик, ушли. Сапожник озорно подмигнул Петьке, по-доброму улыбнулся. Мальчишка сидел настороженный.

«Он видел, куда побежал арестованный, а не сказал. Может, и впрямь не видел?»— думал Петька. Раздираемый сомнениями, спросил:— Зачем вы им все наврали?

— Может, и наврал,— спокойно согласился сапожник, а вот то, что тебя Иваном зовут,— это уж точно!

— И опять неправду сказали, Петькой меня кличут.

— Пусть даже Петькой, но ведешь ты себя, как Иван-дурачок! На-ка, одевай,— старик протянул Петьке ботинок. Тот уже не рад был, что проговорился, решил схитрить:

— Никакой я не Петька, обманул вас.

— Нет, мил дружок! Здесь ты как раз правду сказал,— насмешливо посмотрел на него сапожник.

— Откуда вам знать?— Петька торопливо шнуровал ботинок, искоса посматривая на старика.

— Я о каждом человеке все знаю, даже то, о чем он думает.

— Так я вам и поверил!

— Поверишь! — многозначительно сказал старик, уколол маль-

чишку маленькими глазками.— Вот сейчас кликну господина Богатикова, скажу, что никакой ты мне не родственник. Заявился, дескать, ко мне неизвестный с оружием за пазухой и кого-то убить хочет. А кого, сам про то скажешь...

— Ничего я вам не скажу, гады!

Мертвая бледность залила щеки Петьки. Натренированным движением он выхватил из-за отворота пальто гранату, с силой бросил под ноги старику. Закрыв глаза, ждал взрыва. Вместо него услышал спокойный голос:

— Нервишки у тебя, внучек, никуда не годятся! Оголодал, небось?

XVII

Старик-сапожник был не кто иной, как Афанасий Силыч Узлов. Еще в начале сороковых годов, избранный депутатом Верховного Совета, он уехал в Москву на одну из сессий и задержался там на неопределенный срок. Вначале ему поручили работу в постоянной комиссии по делам несовершеннолетних, потом нашли другую. Афанасий Силыч сразу нашел общий язык со всероссийским старостой, как называли в стране Михаила Ивановича Калинина. Сверстники, прожившие очень похожие жизни, они не могли не понравиться друг другу. Калинин всячески оттягивал отъезд Узлова в Песчанск. Потом предложил и вовсе перебраться в Москву.

— Видно, так и придется сделать, потому, что жить на два дома да еще в наши годы — это самое распаршивое дело,— согласился Афанасий Силыч, которому полюбилась его новая работа. Она давала возможность не только встречаться с разными людьми, без чего он уже жить не мог, но и позволяла быть в курсе насущных вопросов советской политики. Узлову предоставили небольшую квартиру на Плющихе, куда он забрал жену. Там они и прожили до начала войны.

Когда угроза оккупации нависла над Песчанском, Узлов начал собираться домой. Никакие уговоры не помогали. Напрасно убеждал Михаил Иванович, что свое они уже отвоевали, теперь дело за молодыми. У них и силенок больше, и выносливости. Узлов стоял на своем:

— У них сила и выносливость, а у нас — опыт. Годы подполья что-нибудь значат. Горячие головы порой и остудить не мешает. Немец, он не дурак! С ним ухо востро держать нужно!

Калинин понял, что Узлова не удержишь, но отпускать в Песчанск, где его знал каждый пятый житель города, было рискованно. Об этом он и сказал Афанасию Силычу. Тот вновь не согласился:

— Знают не только меня, а людей — тоже. Это для работы штука немаловажная. Да и лет сколько прошло, а время нас с тобой уже не красит.

Перед отъездом он зашел проститься с Михаилом Ивановичем, и тот не узнал в бородатом мужике своего приятеля.

В обкоме партии Афанасию Силычу дали нужные явки. Яворчик вывел его на Малахова, о настоящей роли которого не знали даже люди, оставленные для подпольной работы в Песчанске.

— Это не тот ли Малахов, который на Камковской косе первую коммуну организовал? — спросил Узлов.

— Он самый,— подтвердил Владимир Александрович.

— Упрямый мужик! — прищелкнул языком Афанасий Силыч. — Как же он решился?

— Легенда у него хорошо сделана.

— Я не о том,— нахмурился Узлов.— Легенду придумать можно. Вот здоровье?.. Он и тогда не очень крепким был.

— Впервые слышу,— откровенно признался Яворчик.— Жалоб от него не поступало, а мы... Сам знаешь, как у нас: молчит, тянет воз — значит, есть силенки.

Узлов снял комнату на Песках, выдал себя за эвакуированного. Сразу же принялся сапожничать. В городе появляться не любил. Эвакуация еще не началась, актив оставался на месте. Старые дружки могли опознать его. Хозяйка, порядочная домоседка, удивлялась:

— Закопали вы себя, Сидор Андреевич. За работой света белого не видите. Прогулялись бы когда.

— Не те у меня годы, Марфа Семеновна,— отшучивался Узлов, живший под именем Сидора Андреевича Плошенко.— Оттанцевал я свое и отпел, потому и не тянет никуда.

На третий или четвертый день после прихода немцев Афанасий Силыч выбрался в город. Неизвестно, где пропадал до самого вечера. Вернулся освеженный прогулкой и вроде бы даже навеселе. Запаха, правда, не было слышно, но глаза поблескивали неестественно весело.

— Вас не узнать, Сидор Андреевич, вроде бы даже помолодели,— удивленно сказала хозяйка и сама заулыбалась. В последнее время, убедившись, что квартирант не собирается покидать город, особенно приветливой стала. Мало ли что бывает в жизни? Всего на пять лет она старше своего постояльца, разница не столь уж и заметная в их возрасте.

— Воздуха свежего вздохнул, на людей приезжих насмотрелся. Интересно же, Марфа Семеновна, с кем теперь бок о бок жить придется.

— И как они вам показались, приезжие?

— Силища, ничего не скажешь. Танки, орудия, машины всякие. Только вся эта техника для меня темный лес. Не понимаю я в ней. О людях по-своему сужу: в порядке у человека обувь — можно с ним дело иметь. Если на скошенных каблуках ходит или подметками хлюпает, я с таким и разговаривать не стану. Не вызывают у меня такие уважения.

— Ну, а эти... В какой обувке ходят?

— Этих пока не пойму. Металлом у них сапоги подкованы. Как вроде подметок на всех не хватает. А как же воевать без подметок?

— Шутник вы, Сидор Андреевич,— заулыбалась хозяйка. Оттопыренным мизинцем кокетливо пригрозила.— Ой и шутник! Чай в наше время не подметками воюют? Да и что нам за дело до этих войн. Пусть дерутся, кто хочет, а нам надо думать, как в покое и мире остаток дней протянуть.

Тут уж разговор начинал принимать нежелательный для Узлова оборот, и он дипломатично отвел его в сторону, намекнул на аппетит после прогулки. Знал, первой обязанностью считала Марфа Семеновна держать мужчину в сытости. Иначе, какая же ты женщина?

Узлову достаточно просто было заполучить патент на открытие сапожной мастерской. Немцы поощряли частное предпринимательство. Афанасий Силыч с расчетом выбрал место возле управы. На первый взгляд соседство полиции и гестапо ничего хорошего не сулило, даже могло отпугнуть будущих клиентов, но для него это было не столь уж и важно. Ему нужно было хорошо примелькаться врагам, стать как бы своим среди всех этих новоявленных шуцманов. Уверовав в свои силы и сыскные способности, вряд ли они смогут подумать, что убого одетый селянин с драными [illegible] ожидающий, покуда господину [illegible] обувь, и есть тот неуловимый подпольщик, [illegible] по всему району. Явка под носом у гестапо и [illegible], кто [illegible] подумает? Была еще одна, о которой знали только [illegible] и Малахов. В обусловленное время Афанасий Силыч [illegible] на ней, но вот уже пять месяцев Малахов сюда не [illegible]. Сегодня был как раз такой день, и он хотел закрыть свою будку пораньше, когда увидел фланирующего по улице Петьку. Мальчишка явно кого-то выслеживал. В своей непосредственности он то и дело прощупывал что-то под рубашкой, из чего старый подпольщик без труда заключил, что хранит он там запретное.

Когда Петька выхватил гранату, Афанасий Силыч не на шутку испугался. Он был знаком с немецким оружием, знал, как нужно приводить его в действие. Мысленно, опережая события, увидел, как дергает мальчишка за пуговку внизу рукоятки, взрывает запал. У него оставались считанные секунды на то, чтоб успеть выбросить гранату из будки, к чему он и приготовился. Потом понял, что у гранаты нет запала и это превращает страшное оружие в обыкновенную болванку. Пока мальчишка сидел с закрытыми глазами и ждал взрыва, Афанасий Силыч сунул гранату в чей-то сапог. Дав поуспокоиться сердцу, сказал поразившие мальчишку слова о слабых нервах и голоде

— Ну, и какой ты еще фокус-мокус выкинешь? — спросил он у изумленно смотревшего на него Петьку.— Ножичком пырнешь или другое оружие применишь? Иванушка-дурачок ты и есть, самый настоящий!

— Можете звать своих полицейских! — зло сказал Петька. Два чувства боролись в нем: он был раздосадован тем, что из его затеи ничего не вышло, и бесконечно рад тому,что остался жив.

— При твоей глупости ты и сам в полицию, а то и в гестапо угодишь,— невесело усмехнулся старик.— Воевать уметь надо, а ты!.. Высечь тебя самое время!

Обидные для Петьки слова говорил старик, а голос звучал мягко и ласково. Петька хотя и считал себя взрослым, но вино, табак, близость с Валькой — все это были внешние атрибуты, а в душе он оставался ребенком. Участие, что крылось в поведении сапожника и от которого уже отвык мальчишка, стало тем тараном, что пробил стену в душе, выпустил наружу запруду множества чувств. Они поспешили вылиться слезами. Стыдясь, как всякий ищущий утешения, Петька припал головой к плечу старика.

— Вот это уже лучше, внучек! — сам чувствуя щемящие спазмы в горле, говорил Афанасий Силыч, прижимая худенькое тело мальчишки.— Это уже совсем хорошо. Слезы, они человека очищают, горе из сердца выносят.

И радостно было Узлову, и тревожно. Даже в такую минуту он не имел права расслабляться, поэтому тщательно перебирал в уме весь их разговор с мальчишкой, свое поведение. Старался трезво оценить, не слишком ли раскрылся? Выходило, что в меру.

— Ты сейчас шагай, да дома помалкивай о случившемся,— говорил Афанасий Силыч, вытирая лицо Петьки чистой тряпицей.— А то и впрямь высекут.

— Некому меня сечь! — поднялся Петька.

— Один живешь, что ли?

— Один.

— Где, если не секрет?

Петька назвал адрес. Узлов тут же запомнил его. Все может случиться, а пацан хоть и глупенький, но наверняка свой

— Все равно шагай, у меня еще дел по горло. Да и не надо, чтоб тебя здесь видели.

— Так заглядывали уже полицаи. .— Петьке не хотелось уходить, опять оставаться одному.

— Тогда им, внучек, не до нас было. Теперь, если вернутся, наверняка расспросы начнут. А на кой это надо! .

Проводив Петьку, Узлов выждал несколько минут, начал закрывать будку. Вскоре он сидел на скамейке в конце Азовского бульвара. У ног его стоял небольшой чемоданчик с нехитрыми пожитками сапожника. Ничего удивительного в этом не было. Устал старый человек, присел отдохнуть.

Он еще издали узнал Малахова, хотя тот и очень изменился за годы, которые они не виделись. Узнал потому, что ждал его уже много месяцев.

— Я вам не помешаю? — спросил Малахов, присаживаясь рядом со стариком.

— Отчего же, места не закупленные.

— Интересной работы у вас вещица! — Малахов потянулся рукой к чемоданчику.

«Старые мастера были умельцами»,— должен был ответить Узлов, но вместо этого сказал: — Не нужно, Петя, все в порядке!

— Силыч!..— всматриваясь в сапожника, ахнул Малахов.

— Он самый... Только ты улыбку с лица убери-ка. Не время сейчас улыбаться!..

Голос Узлова прозвучал строго, но в этой строгости слышалась Петру очень радостная музыка. Он опять был в строю, и не один.

XVIII

То, что случилось, было полной неожиданностью для Малахова. Такой же листок, какой принес Меченый Петьке, показал Петру старшой. Смотрел на Малахова как-то по-новому — с подозрительностью и даже брезгливостью.

— Это как понимать, комиссар? Не сдюжил лагерной жизни, решил на легкие хлеба податься? Не думал, что ты в проститутках ходишь!

Напрасно уверял его Петр, что сделано это без его ведома, и он понятия не имеет, как могло произойти такое. Бородулин ему не поверил, а если и поверил, то не до конца. Потом день прошел, и второй, и третий. Никто Малаховым не интересовался, все шло, как обычно: днем — тяжелая работа, ночью — тревожный сон на гнилой соломе, утренняя и вечерняя бурда из очисток.

— Слушай, старшой, отпусти меня в город,— взмолился Малахов.— Должен же я узнать, в чем дело? Завтра еще какую-нибудь гадость немцы придумают и за мою фамилию спрячутся.

— Хрен тебя поймет! — тяжело выдохнул Бородулин.— Вроде и впрямь ты чистый, а только все равно опаска берет. Что, как сексотом ты здесь все это время находился? Я, браток, давно уже словам не верю, отучили от веры.

В город он его все-таки отпустил.

Вальзер встретил Петра без всякого удивления. Во всяком случае, если оно и было, то ни в чем не сказалось:

— Я ждал вашего прихода, господин Малахов. Конечно, вы удивлены, может быть, даже возмущены, но мы взрослые люди и не будем играть в прятки. Вы нам не очень нужны, нужна ваша фамилия. В городе вас знают, сотрудничество ваше с нами наверняка сыграет утихомиривающую роль на некоторые умы, что несколько смутились из-за наших временных неудач под Москвой. Почему бы нам этим не воспользоваться? Ну, и еще одно. Гестапо внимательно наблюдало за вашим поведением все это время и нашло, что оно очень лояльно по отношению к великой Германии. Мы не могли не оценить этого. Поэтому я и предлагаю вам пост, который, по мнению ваших земляков, вы уже занимаете. Что вы мне на это скажете?

— Откровенно?

— Как же иначе!..

— Страшно, господин штурмбанфюрер. У нас может появиться разница взглядов на одни и те же вопросы.

— У вас не будет никаких взглядов, господин Малахов,— рассмеялся гестаповец.— Вы будете просто исполнителем. Как

были исполнителем и при Советах. И не пытайтесь меня убедить, что кто-то интересовался вашими взглядами в то время. Не обманывайте сами себя. Будь по-другому, вы сейчас бы находились далеко от фронта, где-то в сибирских лесах. Так как?

— Я должен подумать, все это так неожиданно...

— Разумеется, герр Питер. Разрешите мне вас называть именно так. Почему-то мне думается, что мы сработаемся. Только, прошу, не совершайте больше неосторожных поступков...

Вальзер наклонился, открыл тумбу стола, достал оттуда какой-то пакет, протянул его Малахову:

— Возьмите, герр Питер! Каждая вещь имеет ценность, и этим нельзя разбрасываться.

Малахов узнал упаковку книжек, которые ему дали в магазине. Он их выбросил в парке Шмидта, а они очутились в столе гестаповца. Значит, они все-таки следили за ним, и Вальзер дал ему это понять. А может, это просто предупреждение, что каждый его шаг будет известен немцам? Во всяком случае, им не откажешь в умении работать. Он ведь не обнаруживал никакой слежки.

— Я вас понял, господин штурмбанфюрер!

— Вот и прекрасно. Это еще раз убеждает меня, что мы с вами найдем общий язык. Жду вас завтра. Пока остановитесь в гостинице. Номер вам заказан.

На следующий день Малахов дал свое согласие работать в бургомистрате. Через неделю он вышел на явку, где встретил Узлова. До этого Петр сумел обнаружить тех, кто незримо водил его по городу. Мальчишки лет десяти. Такие вертятся под ногами, бьют воробьев из рогаток, вступают в ссоры между собой, на них просто не обращаешь внимания. Зато они прекрасно видят каждый твой шаг. Потом он становится известен гестапо.

Первая их встреча была очень короткой. Договорились, что при надобности Малахов заглянет в будку для чистки сапог. Это не должно вызвать подозрений. К сапожнику заходят многие, а том числе и сам шеф гестапо. Почему бы не сделать это бургомистру? Петр так и поступил. Получил от Узлова адрес новой явки и время встречи. В условленный час был на месте.

Явочная квартира находилась в молитвенном доме евангельских христиан-баптистов. Приход сюда бургомистра не мог вызвать подозрений. Должен же знать хозяин города, чем занимаются верующие: славят Христа или порицают «новый порядок».

Новости, которые принес Узлов, были неутешительными. Немцы вышли к Волге, штурмуют Кавказ. Все это было известно и из немецких источников, но им не всегда верили. Сводки советского информбюро, которые регулярно принимались подпольщиками, врать не могли.

— В этом году многое решится,— задумчиво протянул Малахов.— Или — или!..

— Двух «или» не может быть. Будет только одно! — твердо сказал Узлов.— Год мы все-таки выиграли. И время наши люди

зря не теряли. Скоро немцы на своей шкуре это почувствуют. Здесь, в тылу, им тоже не сладко приходится. Даже мальчишки бунтуют, покоряться не желают.

Рассказал о случае с Петькой. Чистосердечно признался:

— Напугал он меня, постреленок. Как швырнул гранату, так сердце и прыгнуло, чуть не выскочило. Вот какие оторви-головы растут. Ребенок еще совсем, а будь граната с запалом — шума наделала бы. Горячий, о себе не подумал.

— За кем же он охотился? — Малахов перестал прислушиваться к голосам в соседней комнате, тянувшим какой-то псалом.

— Не стал я расспрашивать, не хотел мальца настораживать.

— Петька, говоришь, зовут?

— Тезка твой.

Малахов задумался. Знакомое имя заставило вспомнить семью. Где они сейчас, как им приходится? Конечно, не легко, всем тяжело. Но каково было бы им, окажись они здесь под властью фашистов? Вздрогнул от такой мысли. Задумчиво сказал:

— Страшно мне за наших детей. Больше всех им от войны достается. Это хорошо, что они лезут в драку, но надолго ли их хватит? Души неокрепшие, а их в связь по самую макушку сунули. Не каждый взрослый выдержит.

— У тебя как со здоровьем? — неожиданно спросил Афанасий Силыч.— Да ты не таись, только слепой не увидит, как на глазах сохнешь!

Узлова действительно беспокоило состояние Малахова, но и он понятия не имел, в каком нервном напряжении держался Петр. Теперь он сам понимал, что, давая согласие на работу в тылу фашистов, не столько переоценил свои силы, сколько недооценил противника. Пытки и казни были не самым страшным, потому что боль и даже смерть уготованы человеку с первого дня рождения. Непреходящи стремления людей к совершенству, желание впитать в себя все прекрасное и разумное, что их окружает. Подавить в себе звериные инстинкты, вложенные в сознание матушкой-природой в дни эволюции, когда нужны они были для того чтоб выжить, а потом, когда человечество поднялось на высшую ступень развития, ставшие тормозом для совершенства, — вот, что было главным в мире, в котором всегда жил и боролся Малахов. Он понимал, что в этой борьбе будут жертвы, готов был стать одной из них, но действительность оглушила его. Сущность фашизма была не в том, чтобы отнять привилегии у одних и дать их другим, а в том, чтобы низвести все человечество, в том числе и свою арийскую расу, до первобытного уровня, где единственным мерилом права была грубая сила. Сильному положено все, но чтобы стать сильным, нужно отрешиться от совести, сострадания к ближнему, от всех чувств и эмоций, которые и сделали человека человеком. Убей того, кто стоит на дороге, и ты будешь на шаг ближе к цели — таковой была формула взаимоотношений в среде, куда в силу обстоятельств попал Петр. Этого как раз

и не принимала цельная натура Малахова. Ощущая за собой силу большевистской правды, он привык драться с врагом открыто. Так было в период Севастопольского восстания, в гражданскую войну, в период коллективизации. Сейчас приходилось изворачиваться и хитрить. Все, что они делали с Узловым и другими товарищами, казалось мизерно малым, не приносило удовлетворения. Отсюда постоянно терзающие душу сомнения и, как результат, громадная трата сил на то, чтобы держаться в определенных его ролью рамках. Тех самых сил, которых у него было не так уж и много. Но, как всегда, он терпеть не мог разговоров о себе, поэтому поспешил перевести разговор на другое:

— Из центра что-нибудь есть?

— Есть,— вздохнул Узлов. Он понял уловку Малахова, понял и то, что сейчас не имеет смысла вести речь о чьем-либо здоровье, потому что все равно ничего нельзя поделать.— Был человек от Прямого. Велено самое серьезное внимание обратить на побережье. В каждом береговом поселке должны быть наши люди.

— Новая Феодосия или Керчь?

— Похоже. Из Камкова нужно убрать Калганкова. Ребята этим займутся. Задача — поставить нашего человека во главе управы. Есть кто на примете?

— Кружилин!— не задумываясь, сказал Малахов.— Вот только согласится ли?

— Нужно, чтоб согласился. Ты с ним как?

— Нормально!

— Сам к нему и поедешь. С Петровской как?

— Есть подходящий человек.— Петр сразу вспомнил о Бородулине. Вкратце рассказал о нем Узлову.

— Заманчивая кандидатура, да не совсем понятная. А вдруг?.. Нам ошибаться нельзя, Севастьянович.

— Верю я ему, Силыч, понимаешь, верю! Он отказаться может, но не предаст. Это уж точно.

— На том и порешим!

XIX

Ни Малахов, ни Узлов не знали, что Калганкова уже не было в поселке. Беда пришла к нему с той стороны, откуда он ее не ждал, заставила податься в бега. Из списка, который в свое время подал Кузьма шефу гестапо Вальзеру, в живых оставалась одна Дуська. Много дней ходила Калганиха, обреченная на смерть мужем, не зная о том. Управлялась с привычными заботами, кормила и обстирывала мужика, вот только малословной сделалась и медлительной. Порой подолгу засиживалась на одном месте, упиралась в Кузьму невидящим взглядом, смотрела, не моргая, долго и напористо.

— Ты чего таращишься, ведьмачка! — орал Калганков, заведомо зная, что ответа не будет. Молча поднималась баба, уходила к себе в комнатушку, которая некогда принадлежала Насте, а потом Аграфене Яковлевне.

Прозревать стала женщина. Впервые за много лет супружеской жизни начала понимать человека, которому беспрекословно во всем повиновалась. Два начала боролись в Евдокии — присущая трудовому человеку справедливость и годами выработанная покорность. Что победит, еще сама не знала, но уже не могла оставаться прежней, и это стал замечать Калганков.

Давно уже отдал бы приказ своим молодцам убрать бабу, да не хотелось оставаться без привычных удобств. Кто присматривать и ухаживать за ним будет? Взять со стороны — неизвестно, какая попадется. В душу человеку не заглянешь. Приспит, прибаюкает, а потом испарится, заберет то немногое, что успел прикопить за короткое время Кузьма. Ищи ветра в поле.

Случай, как всегда, неожиданно выпал. Задержал Сизый двух спекулянток в поселке. За рыбой на косу заявлялись. У полицейского строгий наказ Калганкова всех чужих немедленно в управу вести.

Задержанные родственниками оказались: мать и дочь. На старуху Кузьма внимания не обратил, с молодой разговор повел. По душе пришлась баба. Ростом [illegible], а в теле сила угадывается. Такой износа не будет. Держалась [illegible], и это Кузьме понравилось. Исподволь, не [illegible], Калганков у молодухи, что она и как. Только бабы торговлей промышляют, дело хорошее. При [illegible] не [illegible]. Неожиданно проговорилась молодуха, что перед самой [illegible] разошлась с угодившим в [illegible] мужем. Насторожился Калганков:

— Что же не поделили [illegible] не [illegible]?

— Жили они, что голуби, да ее работы без мужика никак нельзя было обходиться,— подала голос старуха. Кузьма пригрозил ей пальцем, велел молчать. Вновь обратился к молодой:

— Чем же ты при старой власти, которой никакого возврата не будет, занималась?

— Разным и всяким,— уклончиво ответила та. Пряча лицо в колени, успела приласкать Калганкова обещающей теплотой глаз.

— Ты не кройся, Сонечка, правду скажи начальнику. Человек он понятливый, осуждать не будет,— опять вмешалась старуха. Тертым калачом была, сразу разгадала суть Кузьмы.

— Заманухой я была,— сказала Соня. Без робости взглянула на спрашивающего.

— Что за работа такая? — удивился Кузьма.— Сроду не слышал.

И вновь на помощь дочери мать пришла:

— Я, касатик, больше твоего на свете прожила и то не про все знаю. Простая работа у Сони была, мужиков она к себе приманывала. Вроде бы уже на все соглашалась, а когда до дела доходило, тут ее благоверный и заявлялся. Да не просто так, а с ружьем. Али выкуп давай, али вот тебе поганая оглаека, а то сама смерть. Откупались мужики..

— Дельно! — захихикал Кузьма. От удовольствия ладошки друг о дружку потер. Сразу сообразил, что не баба перед ним

сидит, а сущий клад. С такой при любой власти прожить можно. А если еще власть в твоих руках, за месяц такие капиталы наберешь, какие и не снились.

— Мужика она сама в тюрьму сунула? — теперь уже у старухи спросил Калганков. Понял, от той больше узнаешь.

— По дури сел! — зевнула баба. Мелкими стежками крест на рот положила.— Переусердствовал и придавил одного. По ревности не так и много получил, но и четыре года как-то прожить нужно было. Вот и развелась Соня. А тут, как на грех, война. Остались мы без работы.

Калганков не только с миром отпустил женщин, но на своем экипаже отвез их в город. В Нагорном поселке, где те жили, понял, что не наврали ему. Дом стоял добротный, а в доме всякого-разного, пожалуй, побольше, чем у него самого.

— Загляну до вас когда-нибудь,— сказал на прощание Кузьма. Галантно раскланялся со старухой. Понял, что главная она в доме.

— Заезжай, касатик, желанным гостем всегда будешь!

Бывая по делам в городе, несколько раз навещал Нагорный поселок Калганков. Отбывал обласканный и довольный.

Через месяц после знакомства наказал Евдокии:

— Ты, мать, стол сегодня хороший накрой. Душ на пять. Гости из города будут.

— На когда соберутся?

— Где-то к вечеру. Покуда заготовками займися, ежели надо, кликни кого на помощь.

— Сама управлюсь.

Готовя на стол, отошла немножко Евдокия. Даже лицом посветлела. Сколько помнит, никогда в их доме гостей не было. У себя не принимали и к другим не ходили. Евдокия вскоре смирилась с этим. Даже превосходство перед бабами чувствовала. Иные мужики соберутся, вина нахлещутся, а ее дома сидит трезвый, как стеклышко.

В обед Калганков вызвал Сизого, велел запрягать пролетку и ехать в Песчанск за Соней.

— Обоих везти? — лениво спросил полицейский.

— Сказано, молодуху и край! — рассердился непонятливости подчиненного Кузьма. Старуха ему не нужна была.

— А ежели и та карга привяжется?

— Дурошлеп! — презрительно сплюнул Калганков.— Какие у нее права есть у наши дела встревать? Будет артачиться, пригрози. Можешь прикладом бока пощупать. Не знаешь, как это делается?

— Управлюсь! — Сизый с ленцой бросил ремень карабина на плечо, вышел.

Особенно ласковым был в тот день с женой Калганков. Старалась и Евдокия. Стол на славу удался. Янтарной желтизной отсвечивали скибки малосольного балыка, маслянисто чернела икра, на поджаренных боках фаршированного чебака золотисты-

ми блестками застыли капельки жира. Красовались на столе разные и всякие разносолы: грибы, огурцы, помидоры.

— Молодцом ты у меня, мать! — похвалил Кузьма. Евдокия млела от удовольствия, говорила:

— Ишо винца, Кузя, на стол поставим. «Березка» будет пополам с «Изабеллой». Вымороэков сготовлю. Выставила уже ведро на холод.

— Выморозки — это совсем хорошо, это ты правильно порешила!

Выморозки камковчане в исключительных случаях готовили. Чтоб получить их, выставляли на мороз посуду с вином. Через несколько часов вода в вине превращалась в лед. Его выбрасывали, оставшуюся густую жидкость подавали на стол. Была она тягучей и крепкой, ароматом напоминала вино многолетней выдержки.

Вечером Сизый вызвал Калганкова из дому:

— Привез, в управе дожидается. Вырядилась, чисто тебе на свадьбу! — не удержался полицейский, пустил едкий смешок.

— Ладно хаханьки строить! — прикрикнул Кузьма. — Подгоняй пролетку сюда, отвезешь Дуську в город!

— Фью-и-ить!..— присвистнул Сизый.— Вона, куда дышло повернуло!

— Управишься — прямо ко мне заходи. Свадьбу не свадьбу, а вечеринку организуем.— Кузьма, что редко случалось, ласково потрепал рукой по плечу подчиненного.

— Тогда я мигом!

В доме Калганков подошел к жене, выдавил на лицо виноватость:

— Некрасивое дело получается, Дуся. Гонец из Песчанска прибыл. Требуют тебя в город.

— Это на ночь глядя?

— Усех по ночам вызывают, сама про то знаешь! — строго сказал Калганков.— У властей свои порядки, не нам с ними спорить!

— Так ить страшно, Кузя!

— Не одна поедешь, провожатого дам. Чтоб поскоренча обернулась. Сам бы поехал, да, вишь, гости будут. Нехорошо людей в ожидании держать.

— Господи, что за времена настали!

Евдокия начала собираться. Кузьма довольный, что без причитания и слез обошлось, помог жене пальто натянуть, платок на голове поправил. Ухаживая, говорил:

— Небось, долго держать тебя тама не будут. Знают, чья ты есть. Про чего спрашивать зачнут, усю правду выкладывай. Брехни они не любят.

Помог Калганков сесть жене в телегу, проследил, как неохотно тронула с места приморенная лошадь. Пошел к бывшему зданию правления колхоза, где сейчас размещалась управа. Там ждала его Соня.

Сизому не хотелось забираться далеко от поселка. Без того намерзся в пути до города и обратно. Отъехал километр, остановился.

— Ты чего? — насторожилась Евдокия.

— Оно, мать, конечно, неудобно, но дело житейское,— со смешком протянул полицейский.— По малой нужде приспичило. Отойди чуток в сторонку.

— Тьфу, охальник! — Калганиха поочередно опустила ноги на песок, пошла к морю.

Навскидку, почти не целясь, Сизый дважды выстрелил в темное пятно спины. Без крика упала женщина. Сизый скрутил самокрутку, чиркнул спичкой. Несколько раз глубоко затянулся. Медленно направился к телу.

Евдокия была еще жива. Хрипела, широко раззевая рот. Сильное тело передергивалось в конвульсиях.

«Добить бы?— лениво подумал Сизый. Потянулся рукой к ремню висевшего за спиной карабина, передумал.— Сама дойдет.»

Прихваченной лопатой наскоро присыпал женщину песком, поспешил к подводе.

...Евдокия пришла в себя часа через три. Попыталась встать, не смогла. На четвереньках, оставляя за собой кровавый след, поползла к поселку. Хотелось добраться до мужа, показать на Сизого, предательски выстрелившего ей в спину. Пусть знает Кузьма, какой бандит под его началом служит. Сегодня на нее руку поднял, завтра другого не помилует.

Вечеринка затянулась. Кроме Гришки Махрового и Сизого, других приглашенных не было. Полицейские изрядно нагрузились, но на столе оставалось еще много вина, и они не спешили прощаться, не гнал их и Калганков. Чувствовал себя щедрым хозяином. Почти совсем не пьющий, сегодня и он опорожнил несколько стаканов. Крепкие выморозки сделали свое. Казался Кузьма сам себе сильным и могущественным. Когда Соня робко пожаловалась, что могут не принять ее в поселке, Калганков показал сжатые в кулак пальцы, покачиваясь на стуле, сказал:

— Вота иде весь поселок у меня сидит! Хай кто пискнет или глаз на тебя криво покладет, вмиг у город отправленный будет. Пра-а-льно?

— За милу душу! — громко расхохотался Сизый.— Покуда я здесь, можете спокойно существовать, Соня!

— Болтай, да не заговаривайся! — одернул его сразу протрезвевший Калганков.— Для тебя она Соня Архиповна и ишо хозяйка. Прикажет, у ножки кланяться будешь!

— Здоровье хозяюшки Сони Архиповны! — рявкнул Сизый. Хотел подняться и не смог. Махнул рукой.— Горько!..

— Во, горько! — очнулся кунявший Гришка, пьяненькие пустил слезы.— Дюже горькая наша жизня!

Калганков сунул ему кулаком под ребра, чтоб не болтал лишнего, второй рукой притянул к себе захмелевшую Соню, жадно всосался в губы.

Эту картину и увидела вставшая в дверях Евдокия. Уже у самого крыльца, понимая, что негоже заявляться перед гостями на четвереньках, заставила себя встать. На непослушных ногах преодолела порог. Как ни мутила сознание боль, догадалась, что происходит в комнате.

— Сволочи!..— ей показалось, что она крикнула это громко, на самом деле едва слышный стон слетел с губ. Продолжая хрипеть проклятия, которые никто не слышал, Евдокия шатаясь, как только что научившийся ходить ребенок, пошла к столу, вытянув вперед руки. Как слепая, шевелила пальцами Единственное было желание найти горло Калганкова.

— А-а-а-а-а!..— взвыл Сизый, первый увидевший Калганиху. Выскользнул из рук полицейского стакан, упал на стол. По накрахмаленной скатерти расплылось кровавое пятно. Сполз со стула Сизый, попятился к стене. Гришка Махровой полез под стол Евдокия не видела полицейских С трудом переставляя ноги, шла к Калганкову. Как трусливый зайчонок под взглядом удава, недвижимо сидел Кузьма. Словно в кошмарном сне видел приближающиеся к лицу большие руки женщины, на пальцах которой черной коркой застыла перемешанная с песком кровь. Последним усилием воли стряхнул Кузьма оцепенение, разжал объятия бесчувственной невесты, бросил ее послушное тело к Евдокии. Уже ничего не соображая, Калганиха крепко вцепилась в нечаянную обидчицу, вместе рухнули на пол.

Так их и нашли: мертвую рыбачку, а под ней задушенную Соню. Калганкова и след простыл.

XX

В первые дни оккупации в разбитые магазины и ларьки Петька был не ходок, зато книг натаскал предостаточно. Все библиотеки стояли открытыми, бери на полках какие хочешь издания. Мешками таскал в свое убежище книжки, накопилось их предостаточное количество. Брал, что под руку попадалось, о подборе не заботился. Случалось, останавливали его полицейские, интересовались содержанием мешка. Увидев книги, приходили в неистовство, но у Петьки была про запас безотказно действующая отговорка: набрал для топки, потому что в доме холодно, а топить нечем — дров нет. Услышав такое, стражи порядка поощрительно похлопывали по туго набитому мешку. Очень правильно делаешь, малец! Лучшее применение для книжных страниц — огонь. Потом, не очень доверяя кустарям-одиночкам, они сами соберут все то, что осталось в библиотеках, обольют бензином и сожгут. Но к тому времени Петька в книжках уже не нуждался.

Книги очень нужны были мальчишке в его голодной и неустойчивой жизни. Из-за бумажных и картонных переплетов при первом желании появлялись давние и верные друзья. Пепел казненного Клааса стучал в гордое сердце Уленшпигеля, требовал отмщения. Вместе с Тимуром Петька писал ультиматум Мишке Квакину. Потом он шагал в рядах железного потока верных революцион-

ному долгу кубанцев, помогал дальневосточному партизану Левинсону пережить горечь разгрома. Из тайги Петька перебирался на Урал, вослед за легендарным Чапаевым мчался в конной лаве навстречу белоказакам.

В один из вечеров Петька Малахов и индеец Ситка Чарли, сопровождая молодую белую женщину, выбрались на тропу ложных солнц. Они пошли вниз по замерзающему Юкону, пытаясь до ледостава попасть в Доусон — столицу золотоносного Клондайка. Именно туда спешила белая женщина, заплатив за место в каноэ баснословную сумму в тысячу долларов.

Это не Ситка Чарли, а он — Петька Малахов — первым спросил у незнакомки, как ее зовут.

— Мэри Джонс, вот как,— со смехом ответила женщина, и они сразу поняли, что зовут ее совсем не Мэри Джонс, а как-то иначе.

— Что нам до ее имени? — шепнул Петьке индеец.— Она платит тысячу долларов, чтоб мы доставили ее в Доусон. Остальное — не наше дело. Если даст больше, мы поднимемся с ней по Клондайку, Бонанзо и Эльдорадо, по Индейской реке и Северному ключу доберемся до самой Канады.

Словно заглянул в душу женщины Ситка Чарли. Она пожелала пройти именно этим маршрутом. Как не противился Петька, но был вынужден на время прервать увлекательное путешествие. Случилось это, когда до хижины Мак-Киона, что стояла около Черного утеса, оставалось не больше двух дневных переходов.

Подслеповато заморгала лампа, и на кончике фитиля вместо веселого язычка пламени начал медленно умирать розоватый жарок, подернутый густой сажицей копоти. Кончился бензин, которым Петька заправлял лампу. Это было очень опасное горючее, но он научился усмирять его, подсыпал в бензин соль, ею же густо обкладывал горелку. Растворяясь, соль впитывалась в фитиль, засоряла его. Чаще обычного приходилось снимать нагар, но это уже были мелочи.

Петька хорошо помнил, что в литровой бутылке оставалось больше, чем на два пальца бензина. Очень мало, чтобы хватило на все путешествие, но вполне достаточно, чтоб дотянуть до Черного утеса. Для заправки лампы нужно было прежде всего зажечь стоявший всегда под рукой каганец, заправленный дельфиньим жиром. Но, увлеченный разговором с белой женщиной, мальчишка просмотрел, как умерло пламя на кончике фитиля. Нужно было добывать огонь.

Спички в оккупированном городе ценились на вес золота. Люди научились обходиться без них, делились огнем. Кому нужно было разжечь топку, попросту выходил во двор и выискивал на крышах дымящуюся трубу. Лопатку раскаленных углей давали всякому, кто просил.

Петька по соседям не бегал. У него было средство для добывания огня. Кресало из куска старого напильника и кремень, найденный на берегу, всегда лежали рядышком в кармане брюк.

Во втором кармане он прятал трут — подпаленный кусочек ваты в коробочке из-под ваксы. Вскрыв коробку, Петька начал с силой бить кресалом о камень, направляя снопик веселых искорок на пепельную бугристость ваты. Одна из бледных звездочек упала на полусгоревшую ткань, та начала тлеть. Петька осторожно раздул красноту. Потом сунул в середину скрученную в жгут бумажку, дунул на жарок сильнее. Бумага вспыхнула, Петька добыл огонь.

И все же он не смог продолжить путешествия. Бутылка оказалась пустой. В последний раз доливая лампу, он забыл заткнуть горлышко, и бензин улетучился, не оставив после себя даже запаха. Мальчишка попробовал читать при каганце, но строчки сливались в густую черноту, под ней пропадали слова, прятали таившийся в них смысл.

Петька подошел к окну, приоткрыл ставни. За стеклами лежала ночь, по-весеннему звездная. В ней неясно угадывались очертания стоявшей во дворе машины.

Ему уже не раз приходилось проделывать это — подлезать под машину, отворачивать краник отстойника и цедить в бутылку бензин. Только у немцев можно было достать горючее. На базаре его продавали маленькими аптечными пузырьками, и стоил такой не меньше сотни украинских рублей.

Петька долго прислушивался к тишине во дворе. Было прохладно, но это не шло ни в какой счет с теми морозами, что сейчас стояли на Юконе. Там ртутный столбик опускается до семидесяти градусов. От мороза темнеет кожа и легкие рвет сухой кашель. В этом морозном безмолвии Петьку ждали индеец Ситка Чарли и белая женщина, называвшаяся Мэри Джонс.

Краник он нашел быстро. Потревоженный бензин вначале медленно и недовольно хлюпнулся о донышко бутылки, потом успокоенно покатился вниз ровной бесшумной струйкой. Петька не думал о том, что застань его под машиной немцы — никакого суда не будет. Разорвет настороженную тишину выстрел, один из многих, что будоражат затаившийся в ночи город, и навсегда расстанется он с Ситкой Чарли, легендарным Чапаевым и его комиссаром Фурмановым. Других будет смешить своими похождениями бравый солдат Швейк. Не думал потому, что угроза наказания преследовала всех, кто жил в оккупированном городе. Как тень в солнечную погоду, она преследовала человека и настолько примелькалась, что на нее просто перестали обращать внимание. Мальчишку могли убить за то, что вчера было привычно-обыденным: за красный галстук, найденную в развалинах гнилую доску, родную песню и просто так, от нечего делать, из-за дурного настроения человека, имеющего право носить оружие.

Так же осторожно Петька проскользнул домой. В коридоре закрыл на все крючки и засовы дверь. Привычно ориентируясь в темноте, вышел на кухню и раздосадованный замер на пороге. Каганец не горел. Видимо, уходя, он сильнее нужного хлопнул дверью, что и погасило светильник. Огонь нужно было добывать заново.

Петька осторожно поставил бутылку с бензином в угол, чтобы не перекинуть в темноте, направился к окну. Нужно было открыть ставни, чтобы стало хоть чуточку светлее. Уже нащупал руками филенчатые половинки, как услышал рядом с собой чье-то дыхание.

— Кто здесь? — еще не успев испугаться, спросил мальчишка и только после этого почувствовал, как задрожали руки.

— Я, внучек, не бойся!— тихо ответил знакомый голос.— Ставеньки ты не трогай, пускай прикрытыми будут.

XXI

Черкнуло о кремень колесико зажигалки, вспыхнул фитилек. Петька и без света узнал чистильщика сапог. Вот только непонятно было, как он попал в комнату и что ему нужно?

— Удивляешься?— разгадал состояние мальчишки старик, зажег стоявшую на столе коптилку. Заскорузлые пальцы ловко закрутили колпачок зажигалки. Сунув ее в карман, старик повернулся к Петьке:— Здравствуй, что ли!

— Здравствуйте! — Петька замялся, не знал, как назвать сапожника. Тот подсказал:

— Дедом Сидором меня зовут. Можно и Сидором Андреевичем. Как хочешь. Если не ко времени попал, так ты скажи, не стесняйся.

— Чего уж там!— буркнул мальчишка, которому никак не улыбалось общество почти незнакомого человека.— Теперь в гости никого не зовут. Сами заявляются всякие и разные. Вчера полицейские были с проверкой. Интересовались, нет ли в доме посторонних.

— Такая у них служба,— вздохнул старик.— Много люда разного бродит, поди знай, что у кого на уме? А с них спрос. Вот и проверяют. Ты, никак, лампу хочешь зажечь?

— Чего же в потемках сидеть?

— Лампа нам ни к чему, внучек,— сказал сапожник.— Друг дружку мы и при коптилке разглядим. Давай руки мой. Вона, как они у тебя бензином провонялись. Потом какой ни есть ужин сообразим.

— Ага, сообразим,— насмешливо ухмыльнулся Петька.—В магазин за продуктами сбегаем — и все дела. У меня все вышли.

Гость на иронию мальчишки внимания не обратил, шутку принял:

— В магазин я по дороге зашел. Как раз к закрытию успел. Выбора большого не было, но кое-чем разжился.

Говоря, Афанасий Силыч, достал из-под стола плетеную корзину, неторопливо начал выкладывать на стол продукты. У Петьки дух перехватило от невиданного богатства. Отварная картошка в небольшой кастрюльке. Горячая, с парком, словно ее только что сняли с плиты. Малосольные огурчики, низка вяленых бычков, кусок розовато отсвечивающего сала и, что совсем добило мальчишку, краюха не кукурузно-жмыхового, а настоящего пшеничного хлеба с поджаристой коркой.

— Вы, и правда, как волшебник!— восхитился Петька.

— Такое за мной наблюдается,— согласился сапожник.— Не все, но кое-что делать могу. Руки мыть будешь?

Давно не ощущал такого блаженства Петька. От сытной еды тепло по телу пробежало, на сон потянуло.

— Ну вот, теперь совсем другое дело,— сказал Афанасий Силыч. Помог Петьке убрать со стола.— Теперь на все твои вопросы ответить можно.

— Не спрашивал я ничего.

— Молчал — это точно. Но вопросы-то были? Ты от меня не кройся, я, и правда, волшебник, всего тебя вижу.

— Пусть были, теперь нет.

— И на том спасибо. Тебя спросить можно?

— Сколько угодно

— Если я у тебя заночую, не прогонишь?

— Пожалуйста, места хватит

— А если наведается кто, с проверкой?

— Так у меня окно на пустырь выходит.

— Соображаешь. Взглянуть можно?

Окно и впрямь на пустырь выходило. За поросшим кустарником участком темнели развалины строений. Афанасий Силыч, хорошо знавший город, сориентировался. Он узнал остатки недостроенной трикотажной фабрики. Еще в самом начале войны в здание угодила бомба, разметала недавно сложенные стены. От развалин, наискосок через дорогу, стояли корпуса городской больницы. За ними начинался холм с редкими рядами виноградных плантаций. Место и впрямь удобное. Если придется уходить, не нужно петлять по задворкам чужих дворов, будоражить собак.

— Допустим, уйду я, а тебя расспрашивать начнут: кто был да зачем приходил? — продолжал любопытствовать сапожник.

— Чего же говорить, если у меня никого не было? — хитровато блеснул глазами Петька.— Один я, и все тут! Не верите, ищите! Все мои хоромы перед вами.— Он широко развел руками, обиженно шмыгнул носом, словно перед ним стоял не чистильщик обуви, а самый настоящий полицай.

— Получается,— серьезно сказал Афанасий Силыч.— Тебе, внучек, в театре играть. Пошел бы в артисты?

— Ни в жизнь! — отрицательно качнул головой Петька.— Я, Сидор Андреевич, моряком буду. Закончу школу и в мореходку пойду. На штурмана выучусь.

— Ишь ты, на штурмана! . Школа-то тю-тю! Нечего заканчивать!

— Будет! — убежденно сказал Петька.— Прогонят наши немца — и все школы сразу откроются. Вот увидите!

— Ты бы язычок попридержал! — нахмурился Узлов.— Не то тебя быстро обучат.

— Так я же не кому попало, я вам говорю!

— А я для тебя кто? Совсем даже посторонний человек. Второй раз всего и видимся.

— Я вас с первого раза угадал, когда вы полицейскому не сказали, куда наш побежал. Потом меня испытывали, вроде бы я какой-то... Да вот хоть и сегодня! — Петька не договорил, опасливо покосился на Узлова. Подумалось, что и впрямь разоткровенничался не в меру. Еще за болтуна примет его Сидор Андреевич.

— Чего же замолчал? Какую я сегодня промашку допустил? — радуясь за мальчишку и за то, что возник между ними доверительный разговор, спросил Афанасий Силыч.

— Про окно забыли? Зачем человеку, который немцам служит, про окно спрашивать? Такому проверка не страшна, никаких полицаев он не забоится.

— Глазастый, — с насмешкой сказал старик. — Все соображаешь, а того не уразумел, что этим окном я проверку тебе мог сделать. Выяснить, как ты к новой власти относишься? Смекнул? Так что лучше придерживай язык. Не очень просто сейчас разобраться, кто свой, а кто чужой. Мне и то не всегда это под силу, а людей получше тебя знаю. Ладно, спать будем. Завтра вставать рано.

Петька постелил гостю на кушетке. Афанасий Силыч лег не раздеваясь. Лишь пиджак снял, аккуратно повесил на спинку стула. В комнате прохладно. Не топил мальчишка, экономил дрова. Конечно, знать бы, что выпадет такой случай, не пожалел бы доску.

Сон не шел к Петьке. Понимал, не зря заявился к нему ночью Сидор Андреевич. А вот ничего не сказал. Может, неправильно вел себя Петька, впрямь наговорил лишнего, тем и отпугнул сапожника.

— Что же вы меня ни о чем не расспрашиваете, никаких вопросов не задаете?

— А что я должен спрашивать? — поинтересовался Узлов.

— Ну хотя бы, на кого я гранату готовил, которую вы у меня отобрали?

— Тут и так все понятно: на врага готовил. К друзьям с оружием не ходят.

Вот он и начался, тот разговор, ради которого заявился к мальчишке Афанасий Силыч. Сам начался, без понуждений. Это и было главным для Узлова.

— На врага — это точно! — зло сказал мальчишка. — Хоть он и отец мне, а все равно — враг. Самый первый на свете!

— Это ты про кого?

— Про него! Про того, кто сейчас в бургомистрах ходит!

Рывком поднялся Узлов, заставив пискнуть под собой старенькие пружины кушетки:

— Повтори, что ты сказал?

Петьку испугал не вопрос, а голос Сидора Андреевича. Так кричит человек, когда у него на глазах происходит что-то страшное.

XXII

Грунтовая дорога разбита колесами машин и гусеницами танков. В глубокой колее рыжевато блестит глинистая вода. Ступи сюда — и не вытянешь ноги. Валька с матерью вышагивают по нераспаханной целине, густо поросшей пыреем, молочаем, зелеными кустиками курая. За плечами у идущих — котомки с зерном. Пуд пшеницы поделили пополам. Хотели взять больше, но не рискнули. Как еще с этим получится?

Зерно было Зинкино. Зимой пуда три наменяла баба у мальчишек на вино и табак, кое-что прикупила на базаре. В первые дни вывозили хлеб на привоз крестьяне. Потом кинулся по селам оголодавший городской люд, понес в обмен на продукты все ценное из вещей. К зиме успел показать себя «новый порядок». Взяли оккупанты на строгий учет каждый килограмм хлеба, скотину, птицу. Окончательно разорили села непрестанно идущие к фронту войска. Выметали сусеки, погреба, хлева. По весне начался обратный процесс: в обмен на зерно и картофель отдавали селяне в город приобретенные вещи. Жаль было расставаться с добротными полушалками, выходными платьями и костюмами, да чем-то нужно было засевать огороды.

У Зинки пудов пять хлеба набралось. Хранила его, как зеницу ока. Каждый день рос в цене хлебушек, к посевной потянул на вес золота

Когда начались массовые облавы на молодежь, уклоняющуюся от поездки в Германию, частыми гостями в домах стали полицаи. Рыскали по всем углам, прибирали, что под руку попадало. Трудно стало прятать зерно, потому и решилась Зинка на крайний шаг, раздала пшеницу на хранение подружкам. Каждой понемногу, по строгому весу. Раздала, а собрать не смогла. Как сговорились бабы, не краснея, смотрели в глаза, отказывались вспоминать, что брали у Зинки хлеб. Женька Битанша крест на подружку поклала:

— Окстись, милая! Не иначе, как приснилось тебе!

Рвала и метала разъяренная бандурша, понимала, что сама себя одурачила, но сделать ничего не могла. Жаловаться пойдешь — с тебя же и спросится. У немцев за все провинности наказание одно — расстрел.

Битанша, уверовавшая, что ничего с ней Зинка не сделает, решила снести зерно в село, сменять на одежду. Порядком обносились с дочкой, а тут случай сам в руки дался. За пуд пшеницы наверняка дадут пару платьев и что-нибудь из белья. Важно, не продешевить.

Ближайшее по пути село было болгарским. В нем останавливаться не имело смысла. С болгарами немцы заигрывали, налогами облагали посильными. Не хотели отношения портить с царем Борисом, пока что державшим условный нейтралитет.

За Куцавкой, как называлось село, Димовка стояла. Здесь украинцы жили. Расположилась Димовка на самом тракте, по-

…мы и досталось селу больше, чем тем, что прятались в глубине. Тут и намеривалась попытать счастья Битанша. Слухи ходили, что осели в Димовке вынесенные из города вещицы. Первым начало оно обменный торг с Песчанском, до разорения успели кое-что приобрести крестьяне.

Отдых сделали в Куцавке. Сели на берегу небольшой речушки, перекусили. По-летнему теплым был день, парила пригретая солнцем земля, пахла остатками прошлогодней травы, едким дымком сжигаемого в огородах мусора. Вот-вот посевная начнется. Битанихе подумалось, что в самое время попадут они в Димовку.

— Не устала?— спросила мать. Ответа не дождалась. Скорее для себя, чем для Вальки, добавила:— Еще пару часов, и на месте будем.

И опять не отозвалась на сказанное Валька. Лежала на земле, подложив под голову торбу с зерном. Из-под старенькой юбки, явно для нее маленькой, торчали острые колени, прикрытые много раз латанными чулками. Туфли на девчушке материнские, чиненые-перечиненые. На чем только и держатся. Вроде и разношенные, а жмут в пальцах. Пользуясь передышкой, стащила обувку Валька.

На глазах силой наливается девка. Пятнадцатый годок пошел, а ростом мать перегнала, оттого лишние неудобства для Битанши. Зимой рассмотрела, что вровень с ней стала девка, такую за дочь выдавать — себя в старухи зачислить. Стала представлять Вальку, как сестру. Той все равно было. Какой-то безразличной ко всему росла дочка. Ничем не упрекала мать за часто меняющихся в доме ночных гостей, пьяные загулы. Хуже с сыном было. Почти не жил дома Вовка, чаще ночевал с дружком. Если и заявлялся, радости не приносил. Грубил, сестры не стесняясь, всяко обзывал. Детина здоровый вымахал, в злости мог и руку на мать поднять. Спокойно вздохнула, когда забрали сына в Германию.

Передохнув, вышли на дорогу. Вновь шли полем, избегая трассы, по которой катила к востоку несметная сила. Ревели моторами полные солдатни машины, лязгали гусеницами танки, задрав в небо стволы, тащились за тягачами орудия и опять машины с солдатами. Чем остановишь такое?

С километр отошли от Куцавки, когда догнала их легковая машина, скрипнув тормозами, остановилась. Выскочил моложавый сержант в желтой румынской форме, махнув рукой, пригласил садиться. Битанша не заставила себя ждать, подтолкнула Вальку:

— Шевелись, вишь, как повезло!

Умостились на заднем сиденье, бросили сумки с зерном под ноги. На переднем, рядом с водителем, развалился тучный полковник. Битанша в воинских чинах не особенно разбиралась, но тут сразу поняла, что высокого полета птица сидит. Руки, несмотря на тепло, лайковыми перчатками прикрыты. На коленях —

стэк. Крупное тело едва втиснулось в мундир. Над стоячим воротником нависла мясистая складка чисто выбритой шеи.

Водитель обернулся к пассажирам, ожег Битаншу хамовитыми цыганскими глазами:

— Далеко, матка?

— Ла Димовка!— во весь рот улыбнулась Битанша. Расхожие слова румынского языка немного понимала.

Полковник на вопросительный взгляд шофера ответил едва заметным утвердительным кивком. У Битанши от души отлегло. Не придется мерять ногами опостылевшую дорогу.

До самой Димовки их не довезли, высадили в километре от села, но и за это спасибо.

— Ла реведере!* — прощально махнул рукой водитель, чему-то расхохотался. На неподвижном лице полковника нечто похожее на улыбку обозначилось. Битанша послала двоим воздушный поцелуй, прикрикнула на дочку:

— Что стоишь дурой? Поклонись людям. Вишь, как выручили.

Валька и тут ничего не сказала. Молча бросила торбу на плечо, пошагала к селу. Мать рукой махнула. В кого такая уродилась? Никакого понятия о культуре.

На мосту перед самым входом в село их остановил румынский патруль. Рослый сержант пощупал сумки, удовлетворенно прищелкнул языком. Пальцем дал знак следовать за ним.

— Ты чего это?— возмутилась Битанша.— Мы не приблудные. Свое несем — не ворованное. Нас сам полковник, который сюда подвозил, знает. Он на тебя управу найдет!

Сержант оглянулся, пригрозил шумевшей бабе. Чтоб совсем был понятен жест, похлопал ладонью по прикладу висевшей на плече винтовки. Битаниха сразу притихла. С оккупантами, в какой бы форме они ни были, шутки плохи. Пристрелят и в ответе не будут. Неохотно пошагала за сержантом, зачем-то взяв за руку Вальку.

Вели их недолго. Сразу за мостом стоял добротный дом, занятый под солдатский постой. Хозяев наверняка выселили. Во дворе полно телег, лошадей, шмыгают солдаты. Все бегом, вразвалочку никто не ходит. Битанихе показалось, что видела в окне водителя, который вез их, ткнула в стекло пальцем:

— Вона, ты его позови! Он те расскажет, кто мы есть. А не то к главному веди!

Румын кулак бабе показал. Чуть посторонился на ступеньках входа, дал пройти задержанным. Подталкивая Битаниху, подвел к одной из дверей, что выходила в коридор, открыл. Женька, придерживая Вальку за руку, переступила порог. Дверь захлопнулась, и сразу стало темно.

— Да что же это он, ирод!— Битаниха всхлипнула, шагнула к двери.— Открой!

---

* Ла реведере (рум.) — до свидания.

— Помолчите!— впервые за весь день подала голос Валька. В полутьме увидела что-то похожее на кушетку, присела:— Ехали и приехали.

Мать не нашлась, что сказать. Случившееся стало пугать. Если бы за зерно задержали, то мешки отобрали бы. Значит, не в пшенице дело. Поняла, что шуметь бесполезно. Как бы хуже не получилось. Нужно терпения набраться и ждать.

Прилегли на лежанку, утомленные дорогой, сразу уснули. Проснулись от внезапно вспыхнувшего света. Под самым потолком ярко зажглась электрическая лампочка, от которой они давно отвыкли. Значит, вечер на дворе, а может, и ночь.

— Перекусить бы,— сонно зевая, сказала Валька.

— Сейчас сообразим.

При свете не такой уж и страшной казалась комната. У противоположной стены еще одна лежанка, которой они в темноте не заметили. Посредине стол, два стула.

Битаниха развязала сумку, начала отбирать, что есть сейчас, а что оставить на завтра. С продуктами неважно было. Рассчитывали утром быть дома, а оно вон как получилось. Отобрала пару картошек, половину пригоршни соленой тюльки, на две части разделила оставшийся хлеб. Вздохнула: такой едой не насытишься, разве червячка приморишь

Поужинать им не дали. С противным скрежетом лязгнул засов, вошел все тот же сержант, с веселым любопытством оглядел пленниц. Улыбчиво спросил:

— Как отдыхали?

— Ты и по-нашему разумеешь?— вновь перешла в наступление Битаниха.— Чего же молчал, идолище?

— У меня приказ, матка. Не велели говорить, я и молчал. Теперь разрешили. Полковник к себе зовет...

— Это чего же ему на ночь глядя разговоры вести надумалось?— приободрилась Битаниха. Вот все и разъяснилось.

Невесть из каких тайников достала баба осколок зеркала, расческу. Привычно поправила волосы. Подумалось, что неплохо бы и губы подвести, да не захватила с собой помаду. Кто знал, что понадобится? Напоследок повернулась к Вальке:

— Не скучай, доченька, я скоро. Перехвати, что есть. Мне оставлять не нужно.

— Напутала, мамка!— ухмыльнулся сержант. Показал на Вальку.— Ее зовут.

— Рехнулся?— с трудом выдавила Битаниха.— Как же я дитя одно пущу? Нет уж, меня веди!

— Ей приказано, тебе нет!— начал злиться румын.— Ты здесь сиди, матка!

— Вот это ты видел?— Битаниха сунула под самый нос сержанта кукиш.— И тебе, и твоему полковнику!

Румын словно и не понял непристойного жеста бабы. Показал растопыренную пятерню, спокойно сказал:

— Я вот сколько минут буду ждать. Потом — пиф-паф!— Для

убедительности показал, как вскидывает винтовку, нажимает на спусковой крючок. Больше ничего говорить не стал, ушел.

Битаниха на ощупь, словно слепая, нашла спинку стула, тяжело села. Обхватила голову руками, глухо сказала:

— Что же нам делать, доченька?

— Придется идти,— спокойно отозвалась Валька.

— Куда?— дико взглянула на нее мать.— Ты соображаешь, зачем он тебя зовет?

— Чего соображать, не маленькая!— Валька принялась натягивать туфли, морщилась от тесноты обуви.

— Не смей!— разъяренно крикнула мать. С силой ударила кулаком по столу.— Ишь, чего захотелось жирному борову. Я и его, и тебя придушу!..

— Ладно орать!— отмахнулась Валька.— Поздно спохватились, маменька. Рыжего Руди помните, который неделю у нас отирался? Все еще нахвалиться им не могли. Мол, не жадный, не в пример другим в дом несет. Сигареты, шнапс, хлебушек. Две пайки вы от него получали: за себя и за меня, маменька. Пьяненькая вы как-то были, женулю. Видно, побрезговал он с вами лечь, ко мне пришел. А чтоб не кричала, голову подушкой накрыл. Вот тогда мне страшно было. А сейчас нет. Так что не скучайте, ужинайте!..

Сидела одна в освещенной комнате Битаниха, не чувствуя боли, рвала волосы. Удивленно смотрела на них, никак не могла понять, что держит в руках.

Поутру с блаженной улыбкой на веселом лице выйдет она отсюда, не вспомнив о зерне и о дочери. Напевая детскую песенку о глупом мышонке, зашлепает босыми ногами по раскисшей весенней степи. Недолго бродить ей военными дорогами в состоянии радостной успокоенности. Великой Германии не нужны неполноценные особи. Как поступать с ними, знает каждый немецкий солдат.

XXIII

Далекой, уходящей на запад канонадой, громыхал гром. Сполохи молний рвали темноту ночного неба, сквозь щели неплотно притворенных ставень врывались в комнату веселыми голубыми змейками. По-весеннему бодрый и задиристый, барабанил в стекла дождь.

Петька лежал в постели, никак не мог заснуть. Вслушивался, как монотонно, через равные промежутки времени падают с крыши тяжелые капли, приглушенным плеском плачутся о своей кончине.

Вот уже неделю не показывается Сидор Андреевич. Почти каждый день ждал его мальчишка, но тот запропал. Будка стоит закрытой. Вчера битых два часа вертелся возле будки Петька, но не пришел на работу сапожник, который очень нужен мальчишке. После ухода старика Петька додумался, что не иначе, как связан Сидор Андреевич с теми, кто не дает покоя оккупантам.

Вот они и помогут ему расправиться с отцом-предателем. Наверняка подпольщики не меньше Петьки ненавидят бургомистра. Думал об этом мальчишка, и холодным ужом вползала в сердце тревога. Может, зря рассказал он сапожнику о своем родстве с перебежчиком? Что, если перестал ему верить Сидор Андреевич и поэтому не приходит?

Не знал молодой Малахов, что уже не суждено ему увидеть старика и в том, что случилось, есть какая-то доля и его вины. Вины косвенной, одной из тех, что складываются из многих обстоятельств, далеких друг от друга. Связь между ними уловить почти невозможно, но она существует и заявляет о себе в самое неподходящее время.

Афанасий Силыч непрестанно напоминал товарищам, что в их деле нет мелочей. Каждая может обернуться неожиданным провалом. Был предельно строг к себе. Уйдя утром от мальчишки, спешил Узлов на встречу с Малаховым. Нужно было предупредить Петра о появлении в городе сына. Неожиданная встреча с ним на улице или в другом месте могла выбить подпольщика из колеи, грозила бедой. У них была договоренность, что в особенных случаях, когда необходимо срочно передать Малахову новости, он открывает будку на час раньше.

Мысленно он подбирал слова, которые скажет Петру, готовился дать нужный совет, а сам неотступно думал: «Эх, Петька, Петька!.. Ты и представить не можешь, какую задачку преподнес нам с отцом. Хоть ты и до последней кровиночки наш, и сердце у тебя самое настоящее советское, но открываться перед тобой мы не имеем никакого права. Поэтому и отправим тебя подальше из города, чтоб не путался ты под ногами, не мешал делу. Пусть это тебе покажется жестоким, но время сейчас такое, что не до церемоний. Один неверный шаг сделаешь — и полетит твоя молодая головушка, а с ней и наши...»

Кто-то окликнул Узлова. Не сегодняшним именем назвал, а довоенным. Он понял, что нельзя останавливаться и оборачиваться, когда уже обернулся. На какую-то долю секунды, приглушенная тревогой за судьбу молодого Малахова, запоздала сработать защитная реакция, и это стоило ему жизни.

Нет, вначале он и сам не соразмерил величину опасности. Мгновенно входя в роль, недовольно буркнул окликнувшему его человеку, что неприлично останавливать на улице незнакомых людей. Повернулся и зашагал дальше. Он успел заметить растерянность и замешательство на лице мужчины, которого помнил по Красномайке. Услышал брошенные в спину извинения, и это его удовлетворило. Но он не знал, что произошло дальше.

На его беду, инцидент на улице привлек внимание старшего полицейского Богатикова, как раз выходившего из подъезда дома. Вначале полицейский спрятался за дверь, а когда ушел сапожник, поманил к себе того, кто окликнул Узлова:

— Силыч, говоришь, а он отказывается? А-я-я-й, какой народ нехороший пошел, от собственного имени люди отрекаются!

— Пох...
гался про...
обозвался...
которого я...
все равно...
— Ну, ...
сованно с...
кое бывает...
— Нет, ...
— Все ...
тиков.— Д...
здесь, а в ...
забудь!
Уже по...
ный спутн...
всему горо...
Полицейск...
к будке чи...
— Ника...
ший полиц...
час сообра...
— С с...
пиявка в ...
Афанасий ...
член прав...
докатился, ...
— Шут...
ся рукой ...
сапога в ...
рика.
Избитог...
шему его ...
воротил гла...
— Нет, ...
качавший ...
— Воля...
это!— прод...
старше, и р...
— Не т...
тый обдум...
дохни!
Он кив...
грузно рас...
рядился по...
полицейски...
знали на К...
Если он не...
Главное, вс...
та на завод...

— Похоже, что обознался я, господин полицейский,— испугался прохожий, зная, как иметь дело с полицией.— Конечно, обознался. Как такое в голову могло прийти. Разве человек, за которого я его принял, рискнул бы в городе показаться? Да это все равно, что собственными руками петлю на шею надеть.

— Ну, а если не обознался, если это тот самый?— заинтересованно спросил полицейский, чувствуя тревожное волнение, какое бывает у скрадывающего дичь охотника.

— Нет, не может быть!

— Все может быть, молодой человек!— не согласился Богатиков.— Давай-ка мы во всем подробненько разберемся. Да не здесь, а в полиции. Так что следуй со мной и о всяких глупостях забудь!

Уже по дороге полицейский узнал, с кем спутал его невольный спутник старика-сапожника. Тот без утайки выдал известную всему городу биографию Узлова вплоть до его отъезда в Москву. Полицейский сдал задержанного дежурному и тут же поспешил к будке чистильщика.

— Никак сапоги желаете привести в порядок, господин старший полицейский?— улыбнулся Богатикову Узлов.— Это мы сейчас сообразим.

— С сапогами погодим, не к спеху,— сказал Богатиков, как пиявка в живое тело, впился глазами в сапожника.— Ты мне, Афанасий Силыч, на вопросик поначалу ответь. Как же это ты, член правительства, так сказать, слуга народа, до такой жизни докатился, что нам, немецким холуям, сапоги стал чистить?

— Шутить изволите?— ничем не выдал себя Узлов. Потянулся рукой к ящичку, где у него лежали щетки. Удар тяжелого сапога в лицо опрокинул сидящего на низенькой скамеечке старика.

Избитого Узлова привели на очную ставку к мужику, опознавшему его на улице. Тот, испуганно крестясь, уверял об ошибке, воротил глаза от распухшего лица арестованного.

— Нет, ты смотри, не прячь гляделки!— грозил Богатиков, уже начавший верить, что ему попался не тот, на кого он подумал.

— Воля ваша, господин полицейский, но только не Узлов это!— продолжал стоять на своем мужик...— Тот и годами постарше, и ростом чуток пониже.

— Не тот так не тот!— равнодушно сказал Богатиков, занятый обдумыванием неожиданно пришедшей мысли.— Ступай отдохни!

Он кивнул дежурному, чтоб тот увел задержанного, начал грузно расхаживать по кабинету. Через несколько минут распорядился подать пролетку и выделить в его распоряжение двух полицейских. План Богатикова был прост: лучше всего Узлова знали на Красномайке. Нужно провести арестованного по цехам. Если он не тот, за кого себя выдает, его непременно опознают. Главное, все сделать без подготовки. Появление бывшего депутата на заводе должно быть полной неожиданностью.

Кузнечный, литейный, механосборочный... Все их можно было назвать лишь бывшими цехами. В последнем не было и десяти станков, и те восстановлены из старья. Редкие фигуры в пустых помещениях, где свободно разгуливает сквозной ветер. Теплая радость наполнила сердце Афанасия Силыча. Молодцы красномайцы, хорошо потрудились. Ничего не оставили врагу. Значит, жив завод. Где-то в тылу готовит грозное оружие для врага. Голодный, обессиленный народ не сломить. Он все сделает для грядущей победы, и она, несомненно, придет, сметет с земли всю эту нечисть, что посягнула на свободу Родины. Это не люди вышагивают рядом с ним, а лишь призраки, взращенные на смраде и гнили фашистского трупа. Как призраки, они и канут в безвестность, проклятые землей, которая их породила и которую они предали.

Узлов почувствовал себя легко и просто. Что смерть, когда за плечами у тебя жизнь, без остатка отданная народу. Сам того не замечая, он шире расправил плечи, высоко поднял голову. Внутренняя сила, что таилась в старом рабочем, придала благородство внешнему виду.

— Господи, что же они тебе сделали, Афанасий Силыч?

Какая-то сердобольная женщина, вынырнувшая невесть откуда, послюнявив концы платка, начала обтирать запекшуюся кровь на лице Узлова.

— Зря ты это!— тяжело вздохнул арестованный, понимая, что женщина не только выдала его, но и себя обрекла на страшные муки, и теперь спасти ее может только его признание.

— Значит, все-таки, Силыч, а не Андреевич?— торжествующе ухмыльнулся Богатиков.

— Угадал!

— Так-то лучше. А то темнить вздумал. Ты катись отсюда!— оттолкнул полицейский начавшую прозревать женщину.

— Прости, родимый! Не хотела я дурного!— в пояс поклонилась женщина.

— Нет за тобой вины,— сказал Афанасий Силыч. Он вспомнил рабочую. Она работала шишельницей в литейном. Почему не эвакуировалась? Впрочем, теперь это уже неважно. Нужно, чтоб она ушла и немедленно. Он повернулся к Богатикову, сказал:— А ты шустряк, господин начальник. Умеешь работать. Как думаешь, зачтется тебе это или нет?

— Шагай!— не мог скрыть довольной улыбки полицейский.— Кончилась комедия!

— Что же, пошагали!— Узлов круто повернулся, направился к выходу из цеха. Одна мысль в голове: как предупредить о случившемся товарищей, в первую очередь Малахова.

Ночь...

В кабинете Вальзера полумрак, но Петру кажется, что помещение залито ярким светом. Он ослепляет, вызывает слезу.

— Не чаяли встретиться, господин бургомистр?

Вальзер стоит в двух шагах от Малахова, но голос доносится глухо, как из глубокого подвала.

Нужно что-то отвечать штурмбанфюреру, но где взять слова? Так вот куда запропастился Узлов. Что это — собственная неосторожность или в их ряды затесался провокатор. Как скажется арест Афанасия Силыча на подполье? А может, его уже и нет — подполья?

Непростительно долго затягивается молчание. Петр чувствует, как кошачья лапка уже не мягкой подушечкой, а полувыпущенными коготками трогает сердце.

— Так что же, Петр?

— Оставьте его в покое, господин хороший!— подает голос Узлов.— Разве не видите, он же одурел от радости. Небось, вспомнил, гад, как я его из партии гнал, в тюрьму посылал, расстрела требовал. На время ты верх взял, прикормыш фашистский! Недолго тебе радоваться!

Отвлек-таки внимание гестаповца Афанасий Силыч, дал прийти в себя Малахову. Теперь можно и самому сказать, так, чтоб ничего не понял штурмбанфюрер:

— Рано радуешься, сволочь. Дело наше крепко стоит. Крепко, понимаешь, душа продажная!

— Увести!— распорядился Вальзер.

Подталкиваемый прикладами солдат, не спешил покидать кабинет Афанасий Силыч. Пересиливая боль, продолжал бросать обличительные слова:

— От собственного сына, поганец, смерть примешь! Выследит он тебя, швырнет под ноги гранату. Ихнюю же гранату с длинной ручкой!

Ночь..

В кабинете все тот же полумрак, но теперь он воспринимается Малаховым, как нечто обычное. Все стало на свои места. Подполье не провалено, об этом ясно сказал Афанасий Силыч. Какую же допустил Узлов промашку?

— Где вы его взяли, Вилли?

— Тайна фирмы, Петр. Он тебе действительно, как это у вас, насолил?

— Откуда мне знать?— пожал плечами Малахов.— Может, со злости сболтнул. Вы ведь тоже не сообщаете арестованным, по чьему доносу они к вам попадают.

— Этот не по доносу. Впрочем, оставим старика. Есть сюрприз, и, кажется, для тебя приятный.— Вальзер взял трубку телефона, вызвал машину.

Не по доносу. Значит, случайность. Разве мыслимо все учесть в их работе? Что еще за сюрприз приготовил гестаповец? Хочется тронуть ладонью грудь, где нестерпимой болью дает знать о себе сердце. Нельзя. Для бургомистра Малахова не произошло ничего особенного. Гестапо взяло еще одного врага рейха, кстати, его личного врага. Никаких чувств, кроме радости, не должен сей-

час испытывать бургомистр. Да где взять радость? Эх, Силыч, как тебя угораздило?

В машине, которая везла его невесть куда, Малахов думал о том, какие муки ждут Узлова. И он ничем не сможет помочь товарищу. Конечно, Афанасий Силыч будет молчать, но он, Малахов, должен действовать. Нужно менять пароли, явки, часть товарищей отправить из города. Пока не станет известно, что случилось с Узловым и как глубоко удалось гестаповцам прощупать их организацию. Все это необходимо делать немедленно.

— Приехали,— негромко сказал Вальзер. Первым вышел из машины.

Небольшой домик, в котором ни разу не был Малахов. Вальзер ногой толкнул дверь. Полутемный коридор, за ним — освещенная лампой комната. При виде штурмбанфюрера вскочил и вытянулся сидящий на стуле солдат. Небрежным кивком головы Вальзер приказал ему удалиться. Малахов ничего этого не видел. Смотрел на замершего у стены мальчишку.

Петька!..

Так вот о чем хотел сказать ему Узлов, когда говорил о немецкой гранате? Петр отчетливо почувствовал, как поднялась внутри для последнего удара когтистая лапа. А у него так мало времени.

— К стенке!— выхватив пистолет и сунув его в бок Вальзеру, крикнул Малахов. И, не оборачиваясь, сыну:— Уходи! Прощай, сынок!

Острая проволока когтей рванула сердце, но боли Малахов уже не почувствовал. Мертвым не дано ощущать боль.

Часть вторая

I

Весна сорок третьего года началась в январе. Гуляли над волжской степью стылые ветры, окольцовывали сугробами искореженные остатки техники: все, что добиралось своим ходом и было доставлено с берегов Рейна к Волге. Рваными дырами рябочились броневые плиты некогда грозных танков, тоскливо смотрели в хмурое небо задранные стволы самоходок, по кюветам и воронкам разбросало сгоревшие тела машин и бронетранспортеров. Лютые стояли морозы, каменисто звенела под саперными лопатками земля, но миллионы людей по обе стороны фронта явственно ощутили близость тепла. Его породила великая весна освобождения. Вопреки холодам и извечным законам природы, она шла не с юга, а с востока, начав путь от малоизвестной до этого географической точки Калач, где силами наших фронтов сомкнулось кольцо окружения фашистских войск.

В первых числах февраля, начав победное шествие на запад, тепло освобождения залило громадную территорию от древней Псковщины до Кавказского хребта. В мае разлив достиг Кубани, выплеснулся к юго-восточным берегам Азовского моря.

...На вершинах гор, окружавших город, еще явственно белел снег, а нижние склоны на глазах одевались в зелень. Здешняя весна нисколько не походила на приазовскую. Как-то стремительно, без утренней капели, шаловливых резвушек-морян, снимающих с груди Азова рыхлую шубу льда, без грачиного галдежа и чириканья воробьев, она переросла в лето, наполнила одуряющей духотой город.

А может, все это было: устало-радостные крики птиц, возвращающихся на гнездовья, веселое журчание весенних [illegible], от пьянящего запаха которых кругом идет голова, [illegible] парок над прогретой землей, клейкая нежность набухших почек? Может, было, но занятые люди ничего не увидели?

Окна кабинета раскрыты настежь, в углу на [illegible] попавшей в паутину мухой жужжит вентилятор, а в [illegible]. Григорий оторвался от бумаг, прислушался к шуму завода. Для него стало привычкой [illegible] внутренней силы: гудение генераторов ГЭЦ, частые удары паровых молотов в кузне, звонкое лязганье буферов на [illegible] площадке, откуда уходила на запад готовая продукция. Он знал источник каждого звука, был творцом их зарождения. Бандура возглавляет конструкторский отдел оборонного предприятия, подчиненного Наркомату минометного вооружения.

Первый эшелон, которым он командовал, прибыл на место назначения ровно через тридцать суток. По странному [illegible] Случилось это в тот день, когда немцы вошли в Песчанск. Об этом красноармейцы узнали на станции, где разгружались вагоны. Черный рупор репродуктора передал короткую сводку Совинформбюро, в конце которой прозвучали резанувшие сердце слова: «...После ожесточенных боев наши войска оставили город на Азовском море и железнодорожный узел Песчанск».

После сообщения стали перечислять, сколько за истекший день уничтожено самолетов и танков противника, но к словам никто не прислушивался. У женщин на глазах слезы, мужики смотрят так, словно они повинны в случившемся.

Резко и требовательно зазвонил телефон. Григорий снял трубку, услышал глуховатый голос Поплавского:

— Через шесть минут ко мне!

— Хорошо, Геннадий Михайлович. — Бандура усмехнулся. Осторожно положил трубку. Не изменяет точность и обязательность главному инженеру. Не пять или семь, а именно шесть минут. Придешь раньше или позже — нанесешь глубокую обиду.

Ждали представителя наркомата. Кто приедет и зачем, не ведали, но каждый такой визит — это непременная просьба об увеличении выпуска продукции. Не приказ, а — просьба. Приказывать бесполезно, все учтено до предела. Кроме человеческих

возможностей. Хотя, помимо государственного задания, у каждого рабочего свои обязательства. Стало законом: не покидать рабочее место, покуда не выполнен план. Люди неделями не уходят из цехов, зачастую спят здесь же. В каждом цехе на самом видном месте — карта страны. На ней флажками обозначена линия фронта. Зимой она откатилась от Москвы, попятилась от Ростова. Флажки перешагнули Керченский пролив, ушли за Керчь и Феодосию поближе к сражающемуся Севастополю. С начала лета они угрожающе поползли к Кубани, междуречью Дона и Волги. О каком отдыхе могла быть речь?

Григорий посмотрел на часы. В запасе было четыре минуты. Кабинет Поплавского рядом. Бандура поднялся, подошел к окну. Ему никогда не надоедало любоваться видом завода. Позапрошлой зимой, когда вокруг уже работающих станков рылись котлованы под фундамент будущих зданий, самому с трудом верилось, что голодные, невесть как и на что живущие люди смогут сотворить такое. Правда, в спешке упущено много, но кого за это винить?

Тот первый декабрь на новом месте запомнился на всю жизнь. Даже здесь, на юге страны, был он морозным и вьюжным. Их с Оксаной согрели две долгожданные весточки. Наши погнали немцев от Москвы, и пришло письмо от Шурки. Даже не письмо, а записка, в которой дочь просила сообщить точный адрес. Уже позже узнали, что написать ее надоумила Катерина Малахова, с которой Шурка случайно встретилась в Ейске. Сейчас переписываются регулярно. Шурка служит в полку ночных бомбардировщиков, которым командует знаменитая летчица. Что за служба — о том ни слова, но это понятно — военная тайна. Как ни старается Григорий представить дочь за штурвалом боевого самолета, ничего не получается.

Об Алешке по-прежнему никаких слухов. Ни одной весточки с начала войны. Верится, что жив сын, молчит потому, что сразу не мог написать, а теперь — не знает куда. В Песчанске немцы, а Красномайку занесло аж в Среднюю Азию. Тешат себя с Оксаной, что погонят фашистов с Украины, вернется завод на старое место, дома их будет ждать письмо от сына. Чтоб скорее это случилось, не жалеют себя Бандуры.

«Все для фронта, все для победы!» — это не просто лозунг. Это настоятельная необходимость для возвращения к той жизни, которую порушила война.

...Из Москвы прилетел заместитель наркома. Был он совсем молод, и, если бы можно было каким-то чудом сбросить с него хроническую усталость, от которой траурной каймой залегли под глазами круги, если бы можно было хоть чуточку освободить его от чрезмерной ответственности, заставляющей сутулиться спину, выглядел бы гость лет на тридцать. Сейчас ему можно было дать все пятьдесят.

Приезжий по привычке посмотрел на часы, без обиняков сказал:

— У нас нет времени на долгие разговоры. Фронту нужны бомбы. Авиационные фугасные бомбы. Десять тысяч штук в месяц дадите вы. Первую партию — через две недели. Точнее, через двенадцать дней. Разумеется, без свертывания основного производства.

Даже Поплавский, выдержка которого всегда удивляла Григория тихо охнул, схватился руками за голову. Впрочем, он сразу же сумел взять себя в руки, но почему-то с одесским произношением сказал:

— Ну-с, кто имеет что-то предложить?

— А что здесь говорить, Геннадий Михайлович?— глухо отозвался Бандура.— Здесь думать нужно!

...Совещание затянулось. Прежде, чем отправиться домой, Григорий прошелся по цехам. Это уже вошло в привычку.

В литейном разливали металл. Как сталь под наждачным камнем, искрилась летка вагранки, сыпала по сторонам жгучие брызги. Струйка расплавленного чугуна стекала в обмазанный огнеупорным раствором ковш. Растущая тяжесть заставляла прогибаться рельсы узкоколейки, на которой стояла вагонетка с ковшом. Жаром несло от вагранки, летки, жерла посудины с жидким металлом. В стороне, присев на старые балки, перекуривали разливальщики. Здесь штатных нет, все добровольцы. Из многих цехов приходят токари, кузнецы, сборщики. Разбиваются на пары, подбирают сменщиков. Разносят металл к формам вручную — тяжелыми ведрами. Их никто не зовет, они являются сами по велению сердца. Все для фронта, все для победы!

Наверняка разводят удивленно руками заправилы крупповских, маннесмановских, фликовских и прочих индустриальных концернов. Откуда у большевиков столько металла? Неужто допущена ошибка в подсчетах в самом начале войны? Нет, сырье они подсчитали правильно, а людей не учли. Да и сами мы себя не знали.

Григорию припомнился концерт, что давали заводчане в честь Дня Красной Армии. Многих вызывали на «бис», а больше всех — станочницу Надю Изотову. Она не отказывала, выбегала на сцену, лихо отплясывала русскую. После концерта Бандура пошел за кулисы поблагодарить артистов, увидел зареванную Изотову. Шагнул к женщине, его остановили:

— Не троньте ее, Григорий Савельевич. Похоронку на мужа она сегодня получила.

Откуда у них силы — у оголодавших женщин и щуплых подростков, подставляющих под ноги ящики, чтоб дотянуться до патрона станка? Может быть, чтоб самому не раскиснуть, и делает такие обходы Григорий.

II

Самолет шел над морем. В темноте не было видно Азова, но водная гладь сказывалась на полете. Почти не ощущалась болтанка. Она непременно появится над материком, где машина нач-

нет вписываться в неровности земли: проваливаться над оврагами и прыгать над холмами.

Шурка, или старший лейтенант Бандура, как ее теперь называли, взлетела вечером с полевого аэродрома в Шабельске. За короткую майскую ночь ей нужно было добраться до Сумщины, разгрузиться у партизан, забрать раненых и вернуться на Большую землю. Желательно — до рассвета. В светлое время легкая машина — хорошая добыча для немецких асов.

Успокаивающе гудит мотор, мягко фосфоресцируют приборы. Привычная обстановка. Скоро линия фронта, а за ней — родная земля, пока еще томящаяся под властью фашистов. Для них она стала злой мачехой. Мстит за поругание, нагоняет страх. Сегодня военный летчик Бандура летит к тем, кто наводит ужас на фашистов.

Двух лет не прошло с тех пор, как ушла она в свой первый полет. Кажется, что прожито значительно больше. Она не хлебнула всей горечи отступления от берегов Азовского моря к хребтам Кавказа. С воздуха все видится несколько иначе, нежели тем, кто промерял путь собственными ногами. Тебе не приходится хоронить друзей, они не умирают на твоих руках. «Не вернулся с боевого задания...» Вот и все, что ты знаешь о гибели близких. Всегда остается надежда. Это очень много на войне.

Бои под Ростовом, Сиротино, Белореченской, Майкопом и, наконец, Туапсе. Много плохого несла война, но случалось так, что в черноте ее страшных будней появлялся светлый проблеск. Он надолго оставался в памяти.

В половине апреля полк легких бомбардировщиков был придан шахтерской дивизии генерала Провалова. Почти три недели шли бои за станицу Крымскую. В тыл немцев забрасывались диверсионные и разведывательные группы. Одну из них было приказано высадить старшему лейтенанту Бандуре.

На подходе к самолету услышала громкий разговор. Рослый главстаршина в куцем флотском бушлате и блином сидящей на голове мичманке раздраженно говорил начлету:

— С девкой не полечу! Как я бабе своих орлов доверю? Ты мне хоть какого парня найди, чтоб словом человеческим можно было переброситься.

Шурке не впервой слышать такое. Поначалу всегда с недоверием относились к женскому авиаполку солдаты и матросы. Позже приносили извинения, в знак признания одаривали веточками мимозы. Можно было и сейчас пройти мимо, сделать вид, что не касается тебя этот разговор, но Шурка остановилась:

— А вы не трусите, товарищ главный старшина? — язвительно сказала она.

— Это вы мне прочирикали? — медленно повернулся к девушке моряк. Скользнул взглядом по погонам, с нарочитой небрежностью бросил к блину на голове растопыренную пятерню. — Прошу прощения, товарищ старший лейтенант! Вы что-то сказали или мне послышалось?

— Потрудитесь привести себя в порядок, стать, как положено, и доложите о готовности группы к вылету!

Приказ был отдан строгим командирским тоном, но случилось совсем не то, чего ждала Шурка. Моряк шагнул к ней, схватил громадными лапищами за узкую, обтянутую ремнем талию, крепко прижал, громко поцеловал в раскрасневшуюся щеку, а потом — в губы.

— Во батя дает!— присвистнул кто-то из десантников.

— Он такой!— одобрительно отозвался второй.

— Вы!.. Вы отвратительный негодяй!— пытаясь освободиться из крепких объятий, зло бросила Шурка.— Пойдешь под трибунал!

Она таки сумела высвободить руку, отпустила моряку звонкую пощечину. Старшина не обиделся. Лихо сдвинув мичманку на брови, он ударил ладонями по коленкам, приплясывая обошел вокруг Шурки:

Глаз[illegible] Г[illegible]
П[illegible]ста[illegible]!
П[illegible]дет[illegible]
Ах, вел[illegible]
Ах-ах-ах-ах!
Раздери т[illegible] в [illegible]х и прах!

Остановился, ожег горячей чернотой глаз лицо растерявшейся летчицы:

— Здравствуй, сестренка!

Немудреная частушка, которую не раз слышала Шурка на
Кай[illegible]ковской косе, словно толкнула в грудь. Как далекое чудо,
увидела себя на берегу острова, где стоял хутор деда, услышала
шлепки волн и ломающийся голос нежданного гостя:
— Нехорошо, люди! Какой день живете на хуторе, а в посе-
лок глаз не кажете. Родычей нельзя забывать!
— Петька! .— Теперь она начала обнимать парня, целовала
в ту самую щеку, которую ударила.— Господи, откуда же ты взялся?

Шурка выбросила группу в районе Темрюка. Облегченный самолет подпрыгнул, она с трудом усмирила его. Хотелось сделать круг, понаблюдать приземление хлопцев, сдержала себя. Нельзя привлекать внимание немцев.

Встретились с братом через две недели в освобожденной Крымской.
— Ну, орлица, в самую десятку попала!— загрохотал Петь-
ка.— Теперь, окромя, как с тобой, ни с кем и летать не буду!
Война разлучила их так же внезапно, как и свела. Полк,
нацеливая на Украину, перебросили на южное побережье Таган-
рогского залива.
Линию фронта Шурка прошла без осложнений. Немцам не до
одиночного комара, гудящего в ночном небе. Авиация и наземные
части прикрытия сосредоточены в районе Курского выступа, где

в строжайшем секрете готовится наступательная операция, которая по замыслу немецкого командования должна переломить ход войны.

Внизу ни огонька. Кончилось время, когда безбоязно, с зажженными фарами, катились по дорогам немецкие машины. Есть в этом пусть и небольшая заслуга полка ночных бомбардировщиков. Не раз Бандура и ее подружки охотились за колоннами, на бреющем, с выключенными моторами проходили над дорогами, оставляли костры вспыхнувшей техники, крики и стоны гитлеровцев.

На подходе к цели беспокойство охватило Шурку. Внизу ярко высвечивалось зарево, и не одно, а несколько. Горели деревни партизанского края. Огни полукружьем очерчивали горизонт. Вроде бы даже запах дыма ощутила летчица, хотя далеко еще было до пожарищ. Не трудно было догадаться, что происходило на земле. Наверняка решили разделаться с партизанами немцы, чтоб обезопасить тылы на время летнего наступления.

Нужные огни увидела чуть в стороне. Пять — в виде конверта. Средний должен погаснуть, как только над огнями пройдет самолет, и это будет сигналом, что можно садиться. Бандура подвернула самолет, уменьшила высоту. Делая разворот, увидела, как начал затухать костер в центре. Все в порядке.

Луч прожектора высвечивал неширокую просеку в лесу. Ошибешься на несколько метров — и врежешься в деревья. Почти автоматически, подсознательно поняв, что пора, Шурка потянула рычаг на себя, подняла нос самолета. Услышала удары колес о неровный грунт поля. Сбросила газ. На краю просеки развернулась для обратного взлета. Двигатель не останавливала, всякое могло приключиться при таких посадках в тылу.

В дверь стучали, слышались нетерпеливые крики:

— Заснул?

— Открывайся!

— Дайте отойти человеку!

— Времени же в обрез!

Похоже, свои. Шурка открыла двери и сразу попала в привычный переплет голосов:

— Оружие привез?

— Патроны в первую очередь!

— Кто от третьего взвода, сюда!. Жарко у вас, товарищи?

— Сейчас никто не мерзнет!

На летчицу не обращали внимания. Люди хозяйничали в отсеке. По рукам плыли ящики, уносились в лес. Работали быстро. Шурка понимала, почему спешили партизаны. Теперь, когда перестал давить на уши шум мотора и стало тихо, отчетливо начали прослушиваться звуки недалекого боя. Ухали взрывы, захлебывались пулеметы, сливались в один непрекращающийся треск винтовочные выстрелы. Подумалось, что очень вовремя доставила она партизанам нужный груз.

Стояла одна, прислонившись плечом к прохладной обшивке

фюзеляжа. Рада бы помочь, да только помешаешь. Без нее спорится дело.

— Газеты привезли, товарищ?

Голос прозвучал со стороны, заставил вздрогнуть. Жаркая волна прошла по сердцу, подкатилась к горлу, вызвала удушье. Хотела и не могла ответить.

— Здесь они, товарищ комиссар!— крикнул кто-то из самолета.— Две пачки, я их в сторону отложил.

— Зря! Газеты будем раздавать вместе с патронами. Давайте сюда!

Тот, кого назвали комиссаром, шагнул к двери самолета. Перед ним расступились, дали дорогу. Шурка потянулась за человеком, глухо выдавила:

— Алеша!

— Вы меня?

Комиссар круто обернулся. Теперь лицо его оказалось в свете затухающего костра, и Шурка поняла, что не ошиблась.

— Алешенька!

— Шура? Не может такого быть!

Потянулись друг к другу, обнялись. Мешалась на лицах соленая влага, поди разберись, чья она.

Из открытой двери самолета прозвучал громкий голос:

— Вот газеты! Принимай, комиссар!

На крикнувшего зашикали:

— Кончай орать! Видишь, родычи встретились!

— Повезло людям!

И от гущи деревьев злое:

— Чего застыли, в господа бога! Патроны давай!..

III

В конце сорок первого Алексея спасло то, что его не искали. Он считался мертвым, а бежал тот, кто выносил его труп. Он и стал объектом неудачной для гитлеровцев охоты.

Политрука заставы нашли в кукурузе местные крестьяне. Больше месяца ухаживали за ним, поставили на ноги. Еще два долгих месяца добирался до своих Бандура, но так и не дошел. Фронт откатывался на восток гораздо быстрее, нежели мог проделать этот путь истощенный, не вполне оправившийся от контузии политрук. Вскоре Алексей встретился с двумя попутчиками, тоже выходившими из окружения. Потом нашлись другие. К Березине их подошло два десятка человек.

За Гомелем, у станции Клинцы, они напоролись на засаду. Их отрезали от леса и стали прижимать к железной дороге. Кончались патроны, и Алексей уже хотел поднять людей в штыковую атаку. О сдаче в плен они не помышляли. Тут и пришла помощь. Из лесу высыпали не похожие на солдат люди, обратили в бегство фашистов. Так Бандура встретился с партизанами. Эта встреча изменила его решение. С врагом можно драться и здесь, причем сразу же.

Он остался. В октябре сорок второго года, во время подготовки рейда на Украину, Алексея назначили комиссаром отряда имени Боженко, входившего в состав партизанского соединения.

— Ну как там наши?— Алексей крепко держал сестру за руку, словно боялся, что она может пропасть так же внезапно, как и появилась.

— Они в Средней Азии,— Шурка назвала город, куда эвакуировалась Красномайка.— Ты напиши им. То-то радости будет!

— Непременно! Только у нас, знаешь, как с письмами? Уж лучше ты сама дай телеграмму.

Разговаривая, Алексей не забывал руководить разгрузкой. По окончании распорядился подвозить раненых.

Заскрипели колеса прятавшихся в лесу телег. Партизаны бережно понесли в самолет носилки. Последним погрузили низкорослого старика с изможденным лицом. Он был без сознания, стонал.

— Ездовой наш,— перехватив взгляд сестры, сказал Бандура.— Ногу ему почти до колена отрезали. Кстати, земляк наш. — Он назвал фамилию, Шурка не расслышала. Втягивая голову в плечи, вслушивалась в свист приближающегося снаряда.

— Нащупали, гады!— зло крикнул Алексей.

Снаряд разорвался в дальнем углу поляны. Второй — чуть ближе к самолету. Трудно было сказать, пристреливались ли фашисты к аэродрому или случайно бросили в этот квадрат с десяток снарядов.

Партизаны принялись засыпать воронки. Шурка понимала, что упущенное время ей не наверстать. Линию фронта придется проходить днем.

Вернулся куда-то убегавший Алексей. Скороговоркой сказал:

— Получен приказ отходить. Взлететь тебе не удастся, пойдешь с нами. Сейчас начнем выгружать раненых.

— А самолет?

— Подорвем!

— Ну нет! Фрицам я такой подарок не сделаю — Шурка оценивающим взглядом смотрела на летное поле. Ей будут мешать только две воронки. Те, что по бокам, можно не трогать. Об этом она и сказала брату, выдав напоследок самый веский аргумент — Людям нужна срочная медицинская помощь. Если я взлечу, они получат ее через два часа.

Алексей заколебался. Раненые его волновали в первую очередь. Нет гарантий, что их удастся вырвать из кольца окружения. А здесь есть шанс.

— Ты подумай, Александра! Хорошо подумай!

Шурка поняла, что прояви она сейчас малейшую нерешительность — и ее заставят остаться.

— Все будет в порядке, товарищ комиссар!— бодро сказала она и совсем не по-уставному добавила:— Я везучая, Алеша! Мне и не в таких переплетах приходилось бывать.

— Везение — это до поры, а вот опыт — уже лучше. Выруля-

вай, сестренка! Не забудь дать нашим телеграмму. Пусть ждут моего письма.

У них уже не было времени обниматься, светлело на глазах. Наспех чмокнув брата в щеку, Шурка влезла в самолет.

Взревел двигатель. Пропеллер погнал струю ветра. Испуганно вздрогнули деревья, принялись грозить самолету мохнатыми ветками.

Шурка вывела машину на взлетную прямую, прибавила газ. Перегруженный самолет долго бежал по поляне, потом неохотно оторвался от земли, начал набирать высоту. Хоть и знал Алексей, что Шурка не могла его видеть, поднял руку — послал прощальное приветствие.

Бандура вела машину на бреющем, прижималась к земле. Так ей не страшны были зенитки, да и вражеские «мессеры» больше наблюдают высоту, оттуда чаще всего сваливаются на них советские истребители.

Прямо по курсу вставало солнце, слепило глаза. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо, что сзади ее трудно было увидеть, плохо, что у нее был неважный обзор.

К линии фронта она вышла быстрее, нежели ждала. Узнала ее по характерным султанам взрывов. Наша артиллерия обрабатывала передний край противника. Шурка сверилась с картой, поняла, что за ночь наши продвинулись вперед и сейчас готовят новый рывок. Здесь, над родной землей, Шурка почувствовала себя уверенней. Если что и случится, она может безбоязненно приземлиться в любом удобном месте.

Бандура набрала высоту, позволила себе расслабиться. Подумалось, что сегодня же она порадует родителей весточкой об Алексее. Что уж говорить, не чаяла она видеть брата живым. С самого начала войны — ни одной весточки.

Размышляя, она внимательно следила за воздухом и землей. Это уже стало привычкой. Шурка сразу заметила палатки медсанбата с красными крестами на полотнищах. Они стояли чуть в стороне от грунтовой дороги на небольшой лужайке, прикрытые ветвями могучих дубов, невесть как очутившихся в степи. Скорее всего, санитарную часть разбили здесь в ожидании наступления, которое вот-вот начнется.

Лучше садиться здесь. Пока она дотянет до аэродрома да придут санитарные машины... Лишний час отсрочки может кому-то стоить жизни. Дорога пустынна, вполне пойдет под посадочную полосу.

Она довольно удачно посадила самолет, погнала по лужайке к палаткам. Оттуда уже бежали встревоженные люди в белых халатах. Шурка заглушила двигатель, вышла из самолета.

— Голубушка, здесь же вам не аэродром! — явно сдерживая себя и стараясь быть вежливым, говорил ей уже в годах мужчина. Под халатом не было видно знаков различий, но Шурка поняла, что перед ней врач, может быть, главный.

— У меня раненые партизаны,— сказала Шурка.

— Извините!

Шурка убедилась, что перед ней врач, и действительно главный. По его команде пришли санитары с носилками. Первым вынесли ездового. Врач тут же прощупал пульс, распорядился:

— Этого — на операционный стол. Немедленно.— Он все-таки выкроил несколько секунд, подошел к Шурке.— Устала, голубушка? Может, отдохнете?

— Если мне их нужно ждать?— Шурка проследила взглядом носилки.

— Зачем же вам ждать? Теперь они наши. Сделаем все нужное, отправим в тыл. Спасибо вам!

Облегченный самолет сразу набрал высоту. Дорога внизу заметно сузилась, в обрамлении зелени стала похожа на белую ленту, которую вплетают в косы девочки-школьницы. Когда-то Шурка любила именно белые, предпочитала их розовым или голубым. Как давно это было! В детстве мать делала ей ленты из обычных бинтов. Даже накрахмаленные, они скоро теряли упругость, превращались в измятые тряпки. Потом, на день рождения, ей подарили настоящие шелковые. Она берегла их, укладываясь спать, прятала под подушку. Милое время детства. Как мало нужно было в ту пору, чтоб почувствовать себя бесконечно счастливой!

Шурка сразу даже не поняла, чем привлекли ее внимание три машины, идущие по дороге. Скорее всего сказалась привычка летчицы замечать даже незначительные детали. Тупорылые, без капотов, полные солдат, они не были похожи на привычные полуторки, ЗИСы или студебеккеры. Такие она встречала по ту сторону фронта. Правда, машины могли быть трофейными. Мало ли фашистской техники попадает к нам в дни наступления. Ее частенько используют наши солдаты. На всякий случай Шурка решила пройти над машинами, чтоб заглушить возникшую в душе тревогу. Конечно же, это наши. Сейчас в дружеском приветствии поднимутся руки бойцов, и она, качнув им крыльями, продолжит курс к аэродрому.

Лента дороги стремительно увеличивалась в размерах, из белой становилась серой. Даже до того, как с земли ударили по самолету автоматные очереди, обозначившиеся прерывистыми огоньками, похожими на жарки раскуриваемых папирос, Шурка поняла, что машины и солдаты были чужими. Свои не стали бы разбегаться и прятаться по кюветам.

Несколько трассирующих очередей прошло над самым крылом. Похоже, что пули зацепили правый элерон. Лишь бы не перебили тягу. Не понимая, зачем она это делает, Шурка начала новый разворот. Самолет был безоружным, он ничем не мог угрожать неизвестно почему оказавшимся в нашем тылу немцам. Наверное, это была одна из многих фронтовых случайностей. Пробив брешь в обороне противника, наши пошли вперед, оставляя добивать попавших в окружение врагов бойцам второго эшелона. Но наших войск не было видно, и немцы спокойно катили по дороге, которая

вела к медсанбату. Еще несколько минут, и фашисты увидят палатки с красными крестами. Раненых они не щадят. Шурка знала это и продолжала кружить над машинами, стараясь задержать врагов.

На земле поняли, что самолет не представляет никакой опасности. Солдаты забрались в машины, и те двинулись дальше. Каждый оборот колес приближал их к палаткам медсанбата. Забыв, что у нее на исходе горючее, Шурка продолжала бросать самолет на машины. Так, защищая выводок, падает на человека чайка-крячка. Сила материнской любви заставляет птицу забыть об опасности.

На одном из заходов машину подбили. Вначале Шурка услышала едкий запах дыма. Потом вспыхнул мотор, языки пламени ворвались в кабину. Нестерпимым жаром обдало лицо, глаза наполнились слезами. Она вложила в действия последние силы развернула самолет и бросила бесцующийся клубок огня на машины с фашистами. Последнее, что всплыло в памяти — изможденное лицо старика-ездового, искривленное от боли

IV

В половине июля, отбив все атаки более чем полумиллионной армии фашистов на Курской дуге, войска нескольких фронтов перешли в контрнаступление. Пятого августа был освобожден Орел, к восемнадцатому — полностью ликвидирован орловский плацдарм. Двадцать третьего наши вошли в Харьков. Контрнаступление перешло в общее наступление, положившее начало освобождению Украины. В конце августа Азовская военная флотилия под командованием контр-адмирала Горшкова, взаимодействуя с 44-й армией генерал-лейтенанта Хоменко, начала очищение берегов северного Приазовья от фашистов.

Чувствуя близкий конец, немцы начали повальную мобилизацию всего трудоспособного населения в оккупированных областях. Взрослые угонялись на строительство военных укреплений по Днепру, молодежь вывозилась на заводы Германии. Подбирали всех, не считаясь с возрастом, лишь бы была в руках хоть какая-нибудь сила.

Аресты начались в Песчанке, но Кружилин знал, что через день-два гитлеровцы нагрянут и в Камково. Не замедлил принять нужные меры. Все женщины и дети, которые могли попасть под мобилизацию, были отправлены на острова, расселены по хуторам. Матвей Кузьмич понимал, что это не выход из положения, а лишь небольшая отсрочка. Нагрянут с облавой фашисты, ничто не помешает им добраться до дальних поселений. Даже если спрятать и потопить все баркасы, делу не поможешь. Придут катером, подберут народ, голым останется поселок.

Был у Кружилина план. Вынашивал его долго, но исполнение оттягивал. Задумка была, чтобы выбрать ночь потемнее и сразу всем поселком уйти баркасами на Кубань, где были наши.

В половине сентября над бывшей мельницей Амброснева, что в Колонии, вырос султан дыма. Чуть позже донесся взрыв. Загремело и в других районах города. Стало понятно, что начали готовиться к отступлению немцы и теперь жди всеобщей эвакуации.

Догадка Кружилина подтвердилась. Вечером из городской управы прибыл гонец, привез распоряжение всем быть готовым к отъезду. Время ухода из поселка сообщать дополнительно. Больше медлить нельзя было. Проводив неурочного гостя, Матвей Кузьмич баркасом подался на хутор Бандуры.

Больше десяти человек приютил у себя Савелий Маркович. Забрал к себе Матрену с меньшими внуками, семейство Нюрки Кравченко, Антона Беляка. Вместе со своими добрая подобралась ватага. Нелегко было по голодным временам прокормить людей, выручали море и огород. Гонял старик в бухте две перетяги сетей. На переборку выходил ночью, днем на воде не показывался. Рыскали по заливу немецкие катера, очень просто могли приветить пулеметной очередью.

Бандура встретил гостя приветливо. Понял, что неспроста заявился Кружилин, выставил всех из хаты. Повелел Надежде Полизановне никого не пускать, чтоб не мешали разговору. Как водится, выставил на стол графин домашнего вина, все ту же вяленую рыбу.

Слушал Савелий Маркович внимательно. Под конец разговора чаще стал прикладываться к стакану. Не так-то просто было решиться на то, что предлагал шкипер.

— Хаты на кого бросим, Кузьмич?

— Все одно оставлять их придется. Сам не пойдешь — выгонят. Упрямствовать зачнешь — расстреляют.

— То так! — согласился Бандура. — Это у них просто. Мы для них навроде скотинки какой бессловесной. Токи как же такой огромадной ватагой сниматься? Ить сразу переполох подымется. Могеть, послать кого из наших на ту же Кубань, помощи запросить? Пущай дадут катер для охраны или шшо какую посудину.

— Поздно, Маркович! Не поспеет человек обернуться. Бумажка уже из города получена, чтоб готовили поселок к эвакуации. Гляди, завтра утром и нагрянут гости, зачнут выгонять.

— По всему выходит, что сегодня на ночь сыматься надо, — тяжело вздохнул Бандура.

Не просто покидать родной хутор, да куда денешься? Жизнь дороже. Старик теперь не только за свою в ответе, но и за молодые души. Верка и Оксанка — одногодки. На глазах заневестились. Чудом удалось девок от чужбины сберечь. Два года напугались. Чудом удалось девок от чужбины сберечь. Доставаными мышками жили, украдкой на солнце смотрели. Доставали и до хутора полицейские облавы, потому настороже жила семья. В камышах, что росли на озерке, летнюю схованку сделал Савелий Маркович. В топкой грязи поставил на кольях деревянный настил, над ним — навес. Натаскали камки, там до холодов и отсиживались. Зимой от чужого глаза прятались в подвале, где

был отгорожен специальный закуток. Прикрывались от полиции справками, заполученными в городской управе еще при жизни Петра Малахова. Говорилось в бумажках, что добровольно подались в Германию девчата и трудятся там на пользу рейха.

Хоть и в страхе росли девки, а в росте родителей обошли. Таких увидят немцы — вмиг из рук вырвут. Надругаются, а потом загонят на заводы или шахты. Вовек следов не отыщешь.

С полчасика еще посидели старики. Прикинули, сколько потребуется баркасов и кого старшим на каждый ставить. От надежного ватажка многое в море зависит. Маршрут наметили. Уходить по темноте нужно на Крым, который все еще под немцем. С попутным тримунтаном от косы оторвутся быстро. Если встретятся фашистские катера, отговорка будет: порешили, дескать, всем миром поселок покинуть и в эвакуацию баркасами податься. Идут на Арабатскую стрелку, где затаборятся. Как дальше быть, власти подскажут. Коль повезет и обойдут гитлеровцев, ближе к полуночи подвернут влево, пойдут на Ахтари.

Кружилин поспешил в поселок. Нужно предупредить людей, присмотреть, чтоб не брали лишнего в дорогу. Только харчи, воду и нужную одежду. Остальное прятать в ямах, подальше от хат.

С обеда потянулись беглецы к дальнему кутку, где назначен был сбор. Уходили налегке, прячась за стеной камыша. Опустел поселок. Кружилин остался один. Не ровен час нагрянет кто из города. Нужно будет до вечера задержать посыльного, чтоб раньше времени тревогу не поднял. На этот случай приготовлен ведерный бочонок вина. За дверью в коридоре — прикрытая разным хламьем, припрятанная заряженная картечью двухстволка. Когда-то Малахов подарил ружье Петьке Бандуре. Тот, собираясь на службу, отдал на сохранение Кружилину. С приходом немцев лежала двухстволка на чердаке. Сегодня Кружилин достал ружье, протер смазку, зарядил. Вдруг сгодится.

Гости приехали к вечеру часа за два до темноты. Было их четверо: три гитлеровца и один переводчик из «хвостдойчей», как называли в поселке местных немцев. В непривычной тишине поселка Кружилин задолго до появления карателей услышал гудение машины. Как и положено хозяину, встретил приезжих на дороге. Машиной был старенький ЗИС, в кабину которого непонятно как втиснулись трое. Переводчик выпрыгнул из кузова, где стояло «на-попа» несколько металлических бочек.

— Кто ты есть? — коверкая язык, чтоб больше походить на настоящего немца, спросил переводчик.

— Так что староста, — нервничая, ответил Кружилин. Четырех он не ждал. С этим стареньким ружьем не управишься. У каждого на груди автомат, за голенища куцых сапог сунуты гранаты.

— Нужно собирать народ! Шнель, быстро!

— Народ я еще поутру в город отправил, как только распоряжение получил, — Кружилин говорил «хвостдойчу», а смотрел на разминающихся после тесноты кабины немцев. Услышав пере-

вод, те сразу оживились, что-то залопотали. Один, видимо старший, спросил, а «хвостдойч» перевел:

— Господин Гердер интересуется, почему староста остался в поселке?

— Как же иначе, господин хороший?— пожал плечами Кружилин.— Вас дожидался, чтоб имущество, какое осталось, из рук в руки передать. За порядком смотреть. Вдруг как не исполнил кто приказания, от вакуации уклонился? Само домá хотел обойти, а тут вы подоспели.

Немцы опять залопотали, на этот раз с нескрываемым весельем. Старший что-то сказал, ему ответили смехом.

— Господин Гербер отменяет проверку,— улыбчиво сказал переводчик.— Он говорит, что каждый спрятавшийся будет поджаренным.

Кружилин почти не слушал «хвостдойча». Старался не смотреть на бухту. Вдруг как не выдержит кто, обнаружит себя? Там бабы с детишками, а здесь здоровые мужики с автоматами. Что, как оплошали бы они с Бандурой, отложили выход на завтра? Нервно дернув плечом, сказал:

— Перекусить бы надо с дороги. У нас не принято гостей голодом морить.

— Это мы сделаем позже, а теперь ты будешь помогать нам,— ответил переводчик.— Иди за нами!

Первым вспыхнул стоящий на отшибе дом Кольки Бульбуля. Давно, с тех самых пор, как посадили в тюрьму Настю, никто не жил в нем. С профессиональной сноровкой, видно, не впервой было, взломали гитлеровцы дверь. На середину комнаты стащили деревянные вещи, то самое приданое, что подарила на свадьбу коммуна, облили бензином. Из открытой двери полетел в кучу зажженный факел, вызвал буйный костер.

Понял шкипер назначение бочек. Из них цедили немцы в канистры бензин. Горючим запаслись — на два поселка хватит. Как в кошмарном сне, ничего не соображая, тыкался за немцами Кружилин. Что-то делал по их указке. Переходили из дома в дом, оставляя на улице новое пожарище. Порожденный огнем ветер кудрявил языки пламени, прижимал к воде бухты черный, как людское горе, дым.

У землянки, где некогда жил старик Извеков, пришел в себя шкипер. Четко и остро заработала мысль, куда и подевалось оцепенение. Почувствовал себя, как на палубе попавшей в беду шхуны.

— Дозвольте, господа хорошие, и мне к делу руку приложить,— просяще сказал он.— Вы покурите покуда!

Они и впрямь устали. Нелегко было таскать из углов на середину домов тяжелую мебель, крушить дерево топорами. Выслушав перевод, старший сунул Кружилину канистру.

— Ты есть молодец, староста!— поощрительно похлопал его по плечу «хвостдойч».

Матвей Кузьмич ничего не сказал, пошел в землянку. В ком-

нате, так же, как и немцы, стащил в кучу все, что могло гореть. Вылил на вещи половину бензина. Вторую расплескал по полу. На секунду выпрямился, замер. Потом по привычке взглянул на угол, где некогда висели иконы, размашистый положил на грудь крест. Выскочил на порог, крикнул:

— Господа, тута же цельный склад золота захованный! Хто подумать мог!

Наклонился в низкой двери, вновь вынырнул в комнату. Стал на колени в тот самый угол, на который только что крестился. Он знал, что они придут. Обязательно должны заявиться.

И они пришли...

Топая тяжелыми сапогами, ворвались в комнату, отталкивая друг друга, ринулись к шкиперу. Услышав за спиной тяжелое дыхание, Матвей Кузьмич чиркнул спичкой.

V

Спрятавшиеся в [illegible] камышах [illegible], как пришла в поселок машина, начали гореть хаты. Бандуре пришлось прикрикнуть на баб, чтоб [illegible] перепуганных детей, да и сами не выли в платки. [illegible], подняло крышу над землянкой старика Извекова. Из-за [illegible] стен вздыбились языки пламени, грозно зашумели. После взрыва больше пожаров не было. Догорали лишь подожженные хаты. Ветер доносил к лиману треск дерева, звон лопающихся от жара стекол, глухие стуки падающих кровель. Не стало видно и карателей. Машина продолжала стоять, но к ней никто не подходил.

Непонятное всегда порождает тревогу. Может, дознались о чем гитлеровцы, притаились в засаде? Ждут, что кинутся смельчаки, бросятся тушить пожар, здесь их свинцом и достанут.

Беспокоило отсутствие Кружилина. Договаривались, что по темноте подойдет Бандура своим баркасом к причалу — заберет шкипера. Теперь как рисковать? Напорешься на немцев — жизни лишишься и других людей погубишь. Никто, кроме Савелия Марковича, не сможет довести баркасы до Кубани. Но и дружка нельзя в беде бросать. Не по-рыбацки получится.

После долгих колебаний решился Бандура. Подозвал к себе внучка, одного из близнецов Федора, дал наказ вплавь добраться до причала, дождаться Кружилина и сделать так, как тот скажет. Матрена, увидевшая, как начал раздеваться сын, ахнула:

— Господи! Куда это малого? Не пущу!

— Цыц! — прикрикнул старик, пригрозил невестке кулаком.— Не на гулянку идет, дело справлять!

Понимал боль женщины Савелий Маркович, но и другое знал: ватагу сразу в руки брать нужно. Дашь поблажку — сам намучаешься и людей издергаешь.

Поплыл Колька к причалу. Хорошо поплыл, без шума и плеска. Рыбацкие мальцы все к воде приучены, а этот из рода Бандур. Есть в нем частица и дедовой крови. Жаль, погиб Федька, не увидел становление сына.

Не меньше часа пройдет, покуда вернется Колька. Бандура дал разрешение на ужин. Пусть подкормят детвору бабы, сами подкрепятся. Ночь будет трудная.

Неохотно пережевывал Савелий Маркович вареную курицу, что приготовила в дорогу Надежда Поливановна. Аппетита совсем не было. Потом и жевать перестал, уставился на море. Из города баркас вырвался, взял курс вроде бы на Обжитую. В пол ветра ходко пошел, смотреть приятно. Таким ходом ничего не стоит добежать до Кубани. Баркас и впрямь сделал поворот, нацелился на шпиль косы.

«Рановато!— вздохнул Бандура.— Надоть было чуток потерпеть, от берега темнотой отгородиться. Теперь жди лиха!»

Только подумал — ухнуло на холме, где-то в районе Колонии. Потом еще раз и еще... Всплеснулся по носу шаланды разрыв, заставил рыскануть посудину. Второй взрыв поднял воду по корме, третий — под самым бортом. Упала мачта, парус накрыл лодку. Если начнут подбирать парусину, значит, живы люди. Не подбирали. Баркас все ниже садился в воду. Наверняка получил пробоину, и не одну.

Бабы крестились, смахивали слезы. Савелий Маркович мысленно ругнулся: «Не инакше, как повтикались, а потом у море кинулись. Голову оторвать ватажку ихнему!». Думал, а сам напряженно всматривался в море. Ждал, что появится катер, поинтересуется притопленным баркасом. Не было катера.

Так же неслышно, как и уплыл, заявился Колька. Одна, похожая на буек, голова из воды торчала. Савелий Маркович втянул внука в баркас, с расспросами не спешил. Отдышится малец — сам заговорит. Матрена растирала тело сына какой-то тряпицей.

— Нема тама никого!— наконец сказал мальчишка, виновато посмотрел на деда.— Чисто тебе вымерший весь поселок.

— Может, тебе ишо трошки подождать надо было?— задумчиво протянул Бандура. Не внука спрашивал, себе вопрос задавал. Ответил Колька:

— Все одно ничего не дождался бы. Хоть вы и не велели, я до самого председательского дома бегал. Дажеть голос подавал. Никто не окликнулся.

Мальчишка виновато ежился, ждал, что ругаться будет дед. Что ни говори, а задания он не выполнил. Савелий Маркович другое сказал:

— Ишо полчаса пройдет, и двинем. Швартовые на каждом баркасе загодя приготовить. Из лимана на чистую воду выберемся, попривязуемся друг до дружки. Навроде, как на буксире пойдем. Огня не зажигать, голоса не подавать. Хоть дажеть тому, хто за борт нечаянно выпадет. Усе, робя!

Сам проверил старик надежность каждого каната, назначил старших. Наказал особенно внимательно следить за буксирами. Кто оторвется, тот наверняка заблудится.

Сразу же за косой шедший на головном баркасе Савелий Мар-

кович круто повернул влево, взял курс на Должанскую. Дул попутный северо-западный ветер, ровно наполнял парус. План, казавшийся приемлемым днем, ночью забраковал рыбак. Начнешь кружить по морю, надеясь обмануть немцев, сам в дураках останешься. Встретятся на пути фашисты — без всяких расспросов полосонут по баркасам из пулемета. Еще и проутюжат кораблем воду, чтоб потопить, порвать винтами тех, кто остается на плаву.

Чем дальше уходили от косы баркасы, тем ярче становилось зарево горящего Песчанска. Кровавым пятном расползалось от центра к окраинам, достало Колонии — обе слободки. Отражением большого огня высвечивались на побережье костры поменьше. Горели окрестные села. Второй раз при жизни Бандуры несли войны мор и разрушение на родную землю. В первую — распалась семья, оттолкнулись друг от друга сыны. Нынешняя — всему роду смертью грозит.

Думал о смысле жизни старик, а в груди болезненной занозой единственный вопрос сидел: «Куда подевался Кружилин?»

VI

Катера прогревали моторы. Над всей акваторией порта от громадины взорванного элеватора до Угольного причала разномастный стоял гул. Пахло едким дымком выхлопных газов, гарью продолжавших тлеть портовых строений и нежным ароматом антоновки. Днем ребята побывали в садах на холме, притащили на корабль две плетеные корзины яблок, поставили на причале. Угощайся, кто хочет.

Четвертый день дивизион «мошек»* с приданными плавсредствами десантного отряда стоял в Мариуполе. Ждали приказа на выступление. Его ждали и вчера, и позавчера, недоумевая, почему медлит командование. Можно понять настроение людей. Большинство из них местные. На флотилию попали с мотоботов, сейнеров, фелюг. Не случись война, так бы и продолжали обсыпать волокушами тони азовских кос и заливов, облавливать сетями богатые рыбой песчаные банки. Мариуполь, Бердянск, Геническ, всякие там Арапки, Преславль, Степановка, Кирилловка — для них не просто географические понятия. Это родные улицы, круто спускающиеся с прибрежных холмов к морю, деревья, выращенные руками отцов и дедов, это, наконец, та крохотная частица родины, из миллионов которых складывается Родина большая. Ее отняли у людей незваные пришельцы. Два года жили рыбаки надеждой на возвращение, и когда оно близко — никакая задержка не принимается сердцем. Каждый час промедления — это чья-то загубленная жизнь. Может быть, твоей матери или невесты.

У командования свои планы. В тайне штабов готовятся операции, не каждый имеет к ним доступ. По каким-то неведомым путями узнают бывалые воины о близости долгожданной минуты.

* «Мошки» — малые охотники.

Еще нет приказа, а они начинают готовиться к выступлению.

Так было и сегодня. С утра начали прогревать моторы команды «мошек». Десантники выбрасывали все лишнее, крайне необходимое в короткие часы стоянок и мешающее в бою. На причалы полетели пружинистые сетки кроватей, найденные в пустующих домах и приспособленные под временные кровати, какие-то банки, посуда, мешки с мукой и другие продукты. Все это подберут начинающие возвращаться в город жители. Если уже и грузить плавсредства, то только боезапасом. Кармана сухарей хватит на два-три дня, а граната-лимонка израсходуется за несколько секунд боя. Да и плавсредства не резиновые, всего не вместят. Они только громко называются — плавучее боевое средство, а на самом деле это обыкновенный рыбацкий баркас, прикрытый сверху от дождя и снега парусиновым обвесом. В шторм на таком не особо уютно, зато в любое место подойдет шаланда, даже туда, куда не сунутся мелкосидящим «мошкам».

Интуиция не обманула катерников. Командиров кораблей вызвали к дивизионному начальству. Значит, и впрямь ожидается серьезное.

Вместе со всеми поспешил на флагманский корабль и командир «МО-07» лейтенант Бандура. В мае, после госпиталя, попал Василий на охотник. Служил помощником, в августе стал командиром, вместо ушедшего на дивизион старшего лейтенанта Иванова.

Совещание длилось недолго. Дав задание и назначив время выхода, комдив отпустил подчиненных, попросив остаться Бандуру. В каюте, кроме них, представитель пехотной части, с которой должен взаимодействовать дивизион. Пожилой майор за все время совещания не сказал ни слова.

— Доволен, Василий Савельевич?— спросил комдив. Прогоняя усталость, широко расправил плечи.— В твои родные места идем. Тебя головным пущу.

— Головным — это хорошо!— Василий покосился в сторону майора.

— Договаривай, Потапыч — наш человек,— понял его заминку комдив.

— Я бы операцию не так спланировал!

— Орел!.. У тебя такие академики есть?— Иванов повернулся к майору.— Могу парочку подкинуть. На дивизион, а Генштаб!

Бандура уловил насмешку в голосе командира, насупился.

— Ладно, молчу!

— Нет, ты выкладывай! Не срами перед пехотой. Скажут, на флоте инициативу зажимают, к мнению подчиненных не прислушиваются. Продолжай!

— Ты мне сколько плавсредств с десантом на буксир посадишь?— по старинке обращаясь к командиру на ты, спросил Бандура.— Штук пять?

— Больше!— стал серьезным Иванов.— Еще и каракатицу у

товарища майора прихватишь, которая, неизвестно почему, нежным женским именем называется. Поведешь с особой осторожностью, чтоб не укачало «Катеньку», то бишь тех, кто ее обслуживает...

— Ладно тебе!— оборвал майор комдива.— Небось, как заиграет «Катенька», первым в пляс пустишься.

— Время она у меня отнимет, вот в чем дело!

— Так и я о времени,— вмешался Бандура.— Мне, чтоб с таким хвостом Камковскую косу обойти, часов шесть понадобится. А все дело можно за два провернуть, пусть за три

— Ого! — недоверчиво посмотрел на него Иванов — Крылья своей семерке приделаешь?

— Скорее ноги Смотри сюда.— Бандура склонился над планом Песчанского залива, что лежал на столе Нашел нужное место у перешейка косы.— Здесь с одной стороны море, со второй — лиман. Дорога в поселок между водой идет Метров десять-двенадцать сухого места. Ежели сюда подойти и оставить баркасы с десантом, покуда я косу обойду, люди все посудины уже на ту сторону перетянут. Так наши рыбаки завсегда делали. Опять же, заявляюсь я на Песчанском рейде один, у немцев никакого подозрения, если они меня обнаружат Пусть за разведку примут. А если с десантом? Тут они и всполошатся. Смекаешь?

Майор с неожиданной для его грузного тела легкостью шагнул к столу На кромке карты отмерял циркулем нужное расстояние, из точки, указанной Василием, провел окружность:

— Дело говорит твой академик. Из этой точки все нужные объекты мои установки достанут.

— А командующий? Что адмирал скажет?

— Не знаю, как у вас на флоте, а «Боевой устав пехоты» в пункте четвертом прямо говорит: «Указания Устава нужно применять, строго учитывая обстановку». Вот так, товарищ старший лейтенант.

— У нас, у вас!.. Стратеги! Накрутят, наворочают, а ты разбирайся!

Иванов забрал у майора циркуль, начал вымерять расстояния, делал на листке нужные подсчеты.

...Белосарайскую косу обходили в темноте Гидрографы лишь на несколько секунд включили маяк, чтоб взял пеленг флагманский корабль. Василий стоял на мостике, кутался в реглан. В море холодными стали ночи. Берег, к которому он вел корабль, не нужно было искать. Прямо по носу — огромное, в полнеба, стояло зарево. То горел Песчанск.

Этим самым курсом много лет назад гнал молодой Бандура первую свою фелюгу. Так же, как и сейчас, болтались за кормой на буксире баркасы. Каким прекрасным казалось будущее! Ждала жизнь, от которой дух захватывало Была любимая работа, скорая свадьба. Нужным для коммуны человеком чувствовал себя Бандура. Рядом с ним — Кружилин и Настя, самые близкие

люди на свете. Правда, в одном с ними кубрике спал Омелько, атаман Петровских богатеев. Как невесту, прижимал к себе ружье, смешил молодого шкипера. Думалось, что для шутки оружие носит. Горем обернулась шутка для Авакумова и Васятки. Но даже Омелько — лишь слепой щенок от захудалой дворняги, по сравнению с волками, что пришли на родную землю. Теперь ясно: попади такой в их стаю — сразу бы заматерел, отточил зубы. Рвал бы не хуже пришлых. Прятали до времени клыки, настал их час — показали! Или убей врага, или погибнешь сам — вот какой звериный закон заставили принять людей фашисты. Потому другим стал Васька Бандура, мало что осталось от молодого шкипера.

Памятной зимой сорок первого, когда свела их судьба с Федором, едва не вогнал Василий нож в тело брата. Услышав знакомое: «Полежи трохи хрестомать!», почувствовал, как мягкой стала рука, вывалился нож. Не дал затвердеть на собственном горле тяжелым пальцам Федора, успел крикнуть:

— Очумел? Ить на смерть задавишь!

Потом сидели в каком-то подвале, где, боясь темноты, скупо блестел в углу вонючий каганец. Пахло прелью и сыростью необжитого помещения, куда лишь за крайней надобностью спускаются люди. Такой же гнилой и неухоженной казалась Васькe жизнь брата. Без утайки поведал Федор, как ограбленный Калганковым остался с отмороженными ногами на льду, как резали его в Керченской больнице и хотел он лишить себя жизни. Рассказывал о своем набеге в Камково, о встрече с Матреной. Один шаг нужно было сделать, даже не шаг — голос подать, и совсем по-другому пошла бы жизнь. Не решился, тем и погубил себя.

Васька слушал, скрипел зубами, грязно матерился. Простить не мог себе, что столько лет жил рядом с Калганковым и ни о чем не догадывался. За руку с гадом здоровался, на шутки его улыбался. Во многом виноват Федор, но главное зло в Кузьме. Только за то, что на верную смерть человека оставил, никогда ему не простится.

В ту ночь так и не заснули. Сходивший на разведку Федор принес страшную весть о гибели команды «Шквала». Что остался в живых механик, не знали в поселке. Готовя поход на Темрюк, в строгой тайне держали немцы пленение Цыгана.

Вначале порывался Василий вернуться в Темрюк, просил брата подыскать хоть какую-нибудь посудину. Не получилось. Осторожны стали гитлеровцы, убрали с берега все, что могло держаться на плаву. Одно утешение было: от батарей, что он доставил, вновь заработала радиостанция подпольщиков. По ней и передали нужные сведения. Бандура с помощью брата, ставшего связным у партизан, перебрался в Керчь. Неделю скрывался в катакомбах вместе с подпольщиками. В ночь, когда началась Керченско-Феодосийская операция, ударили в спину немцам, помогли десантникам.

Потом были радость наступления и горечь обратного пути. Остатки их роты немцы прижали к мысу Чауда. За спиной было море, впереди — враги. По склону холма на пятачок берега, где они окопались, наползали бронированные чудовища с крестами на бортах. Наученные опытом Севастополя, не рисковали подходить на бросок гранаты к нашим окопам, выборочно расстреливали обреченных. Полыхало перед глазами яркое до белизны пламя, как во сне, невесомым стало тело, потом навалилась непомерная тяжесть, ударом прибойной волны вжала в песок. И все. Провал в памяти.

Очнулся под утро. Первым ощущением был страх. Как удар тока, прошил тело, выгнал испарину. Показалось, что лежит заживо захороненный в могиле. Туго спеленал тело наваленный песок. Не было мочи пошевелить губами, позвать на помощь. Да и кого звать? Вряд ли кто остался в живых на пятачке. Разве фашистов накличешь. Тогда уже — верная смерть. Увидят на груди тельняшку — и все! Моряков они в плен не берут.

Провалился в сонное безразличие, как в мягкую болотную топь. Благо, никаких усилий для того не потребовалось. Знай себе лежи. Податливая жижица песка не отслоится, сделает тебя своей частицей. В теле появилась легкость, а в ушах — монотонный гул. Не было в нем ровности. Откуда-то издалека набегал шум, набирал силу, заканчивался глухим ударом. Потом все повторялось. Он уже слышал такое, и не один раз. Когда?

Припомнился остров, отцовский хутор. Теплая [illegible] камня. Летом он привык спать на ней. Казалось, что цикады звенят над самым ухом, слышно было, как плещется на мелководье рыбешка, томно зовет дружка утка-матерка. Но ничто не может приглушить шум моря. Особенно в левант, когда волны атакуют песок.

Море! Как же он не понял сразу? Это море шумит где-то рядом, напоминает о себе гулом прибоя. Там свежий и чистый, как родниковая вода, воздух, нет темноты. Там — жизнь!

Василий попытался перевернуться, лечь на живот. Тело прошила боль, но несколько сантиметров он отвоевал у песка, а сама боль напомнила о жизни. Мертвым не больно. Теперь главным для Бандуры было увидеть море. Это и помогло ему перевернуться. Выжимаясь на все еще сильных руках, он держался, сколько мог, давал стечь под себя песку. Отдыхал несколько минут и вновь старался приподняться.

Вначале он ощутил приток свежего воздуха. Дышать стало легче, и это придало сил. Он напрягся до хруста в позвоночнике, почувствовал, как приливает к голове кровь, делает ее непомерно тяжелой. Что-то подсказывало, что скоро наступит облегчение, нужно только сделать последний рывок. И он сделал его, вырвался из могильного плена песка, встал на колени. Первое, что увидел, это куцые голенища немецких сапог. Из одного выглядывала рукоять гранаты.

Появление из песка человека в изодранной флотской тельняшке, с безумно выкаченными глазами и широко открытым

ртом на секунду ошеломило стоявшего на берегу гитлеровца. Это стоило ему жизни. Он даже не успел сорвать автомат. Васька рванул на себя чужие ноги, навалился на упавшего врага, с силой вдавил его голову в тот самый песок, который едва не погубил его самого. Немец даже не сопротивлялся. Несколько раз дернулось в конвульсиях тело и замерло. Скорее всего он умер не от удушья, а от страха.

Море было совсем рядом, но Василий не видел его. Мысль работала обостренно четко. Враг мог быть не один. Оружие врага валялось на песке, но, прежде чем взять его, Бандура сорвал с пояса гитлеровца флягу и жадно припал к тепловатой горечи кофе.

Несколько последующих дней Василий, как ни пытался, не мог восстановить в памяти. Подсознание выдавало отрывочные, не связанные друг с другом видения. Куда-то он брел, с кем-то встречался, в кого-то стрелял. Отчетливо, как в остановившемся кинокадре, запечатлелось одно: склонившееся над ним лицо Насти, а за россыпью ее волос — тонкая мачта, раскачивающаяся словно маятник настенных часов. Это видение часто преследовало его в Анапском госпитале, хотя он понятия не имел, как попал туда.

VII

В балке, полого спускающейся к морю,— густые заросли терновника. Низкорослые колючие кусты густо облеплены ягодами. Василий сорвал несколько штук, бросил в рот. Свело скулы от нестерпимой кислоты. Чертыхаясь, выплюнул. Не вызрели плоды, ждут первых морозов. С холодами набирают сладость, мягко тают во рту.

По петляющей между кустами тропке Бандура поднялся на холм. Горизонт податливо отступил, приоткрыл прятавшуюся за ним синь моря. Внизу, как выводок наседку, облепили стоявшую у берега «семерку» баркасы десантников. Моряки высыпали на песок. Раздетые до трусов, лихо отплясывали «яблочко», полоскались в воде, ухали от свежести моря. Вроде бы и нет никакой войны, пришла дружная компания на пикник и веселится. Но война назойливо напоминала о себе. Над Песчанском висели густые клубы дыма, скатывались с холма к морю, окутывали пустые причалы порта, взорванный волнорез. На холме, рядом с Бандурой, торчал бетонный колпак дота, развороченный прямым попаданием снаряда. Заваленное на бок орудие продолжало щупать искалеченным стволом горизонт. Немцы не приняли бой. После первого броска десанта откатились к Мелитополю. Говорили, там, по реке Молочной, у них крепкий оборонительный рубеж. За него и спрятались. Значит, еще один десант, и не последний. За Мелитополем Геническ, а там на очереди — Крым. Жив ли Федор? После встречи в Казантипе Василию не пришлось видеть брата.

С высоты холма хорошо видно косу. Вот только не разберешь даже в бинокль, уцелел ли поселок или одни стены от хат оста-

лись. Вчера в полумиле от родного хутора прошел катер Бандуры, да что увидишь ночью? Нигде ни огонька, все вымерло.

Из-за причалов порта, широко разбрасывая пенные усы, выбежал корабль, нацелился на холм. Василий узнал «девятку» флагмана. Похоже, к ним идет Иванов, нужно встречать комдива.

Флагман лихо ошвартовался к борту «семерки». Иванов, еще и швартовые не успели закрепить, перемахнул на палубу бывшего своего корабля. Небрежно махнул рукой готовившемуся отдать рапорт Бандуре:

— Отставить, лейтенант! С победой тебя!— Тут же при всех обнял.

Комдив доволен и не скрывает это. Операция прошла успешно — город освобожден. Не важно, что немцы не приняли боя, ушли от соприкосновения с морской пехотой. Сегодня на стол командующего ляжет лаконичная сводка, что 17 сентября первыми ворвались на рейд Матросской слободки, к причалам порта и Марликовой балки катерники старшего лейтенанта (после Мариуполя и Песчанки — считай, капитан-лейтенанта) Иванова. Потерь в личном составе нет. Адмирал наверняка подчеркнет эту строчку. Может быть, улыбнется. Говорят, что он умеет улыбаться, хотя никто этого не видел!

Разговаривали в каюте, где не так-то просто было поместиться вдвоем. Василий втиснулся в угол небольшого диванчика, комдив стоял. Поблескивая глазами, говорил:

— Комбриг дал двое суток на отдых. Столько я тебе разрешить не могу, всяко может случиться, но на сутки отпускаю — Бросил быстрый взгляд на часы. — До тринадцати ноль-ноль завтрашнего дня свободен. Помощнику скажешь, чтоб подбросил на косу и забрал, когда нужно. Радости не вижу, лейтенант! Почему?

— Запоздали мы, комдив! — хмурясь, протянул Василий —

— Запоздали мы, комдив! — хмурясь, протянул Василий — Заявись дня на три раньше — наверняка бы город спасли. Сейчас в поселок стыдно показываться. Как людям в глаза смотреть? Да и есть ли он — поселок?

— Опять игра в Генштаб? Опоздали, не вовремя! — зло бросил Иванов — И без тебя знаю, что лучше бы было в сорок первом отсюда не уходить. Сгорел твой город, ну и черт с ним! Новый построим. В десять раз лучший. А вот о том, что мы сегодня ни одной похоронки не отправили, ты подумал? Люди не улицы, их не восстановишь. Задробить бы тебе увольнение, чтоб настроение не портил, да уж ладно. Не люблю решения переигрывать. А вот к награде не представлю. Чтоб поменьше действия командования обсуждал. Дуй в свое Камково, и чтоб завтра в тринадцать ноль-ноль, как штык, на корабле был. Стратег, понимаешь!..

Катера разошлись у входа в порт. Флагман направился к причалам, где стояли остальные корабли дивизиона, «семерка» взяла курс на косу. Василий решил высадиться у причала поселка, а уже оттуда, взяв у кого-нибудь баркас, добираться до хутора. Подойти катером к острову не позволят глубины, шаланды ни на

рейде, ни на берегу нет. Может, лишился отец посудины, а может... Он гнал от себя плохие мысли.

Прямо с носа катера Василий легко спрыгнул на деревянный настил причала. Минуту постоял, смотрел, как изящно, почти на одной пятке, разворачивается «семерка». Не часто выпадает командиру видеть свой корабль со стороны. Как бы ни разумны были действия того, кто сейчас стоит на мостике, кажется, что ты сделал бы этот маневр гораздо лучше.

Даже здесь, в самой глубинной части бухты, для корабля было мелковато. Бурун за кормой грязнился поднятым со дна илом. На катере дали прощальный гудок сиреной, Бандура ответил приветственным взмахом руки.

Коловский дом был цел. В надежде найти кого-нибудь Василий зашел в знакомые комнаты. Встретил его спертый воздух давно не проветриваемого помещения. Он долго рассматривал неубранный стол с остатками сгнившей еды, серую от налета пыли скатерть, клочья паутины на стенах и по потолку. Здесь явно давно уже никто не жил. Не дано было знать Бандуре, что после бегства Калганкова камковчане обходили стороной страшное место.

Пустыми стояли и другие дома. Василий заходил в каждый, старался найти хоть одного человека, но нигде не было ни души. Между тем видно было, что не в спешке покидали дома хозяева. Не было беспорядка, все стояло на своих местах. Прибрано только самое ценное: оголенными стоят кровати, пустуют полки в буфетах и шифоньерах.

Ему надоело бесцельно ходить по дворам вымершего поселка. Пошел прямо к центру. На подходе услышал запах гари. Подумал, что ветром натянуло дым с города, потом понял, что ошибся. Только тримунтан мог донести запахи Песчанска, а сейчас дул левант.

Вышел к проулку, остановился. Бросилась в глаза наполовину сожженная улица. Закопченные стены, тугие завитушки расплавленного оконного стекла, сиротливо смотревшие в небо печные трубы. Над развалинами все еще вился дымок, проскальзывали рыжие змейки огня. Так вот откуда тянуло пожарищем?

Бывшая землянка Извековых была разрушена так, словно накрыло ее прямым попаданием фугаски. Невдалеке стояла машина с приспущенными скатами. ЗИС был наш, а номер на нем немецкий.

На дверках кабины нарисованы олени с рогатыми головами. Василий обошел вокруг автомобиля, заглянул в кабину. Заводной ключ торчал в замке. Может случиться и такое, что повернешь — и взлетишь на воздух. Немцы на всякие штучки горазды. В брошенных домах специально новые патефоны оставляли. Готовенький стоит с пластинкой на диске. Заводи и слушай музыку. Крутанет человек ручку — и поминай как звали.

Здание правления уцелело. Бандура поднялся по рассохшимся

скрипучим ступеням, вошел в помещение. Здесь такое же запустение, как и везде. На давно не мытых полах — толстый слой грязи. Рассматривать пустые комнаты не имело смысла.

«Загляну до Кружилина, ежели и там никого, попробую добраться до хутора»,— подумал Василий. Повернулся к выходу и застыл. Вроде бы разговор послышался. Показалось или на самом деле кто есть?

Нет, не показалось. Ясно расслышал приглушенные голоса. На всякий случай расстегнул кобуру пистолета. Мало ли кто может прятаться в пустом поселке.

Разговор слышался из кабинета председателя. Бандура, держа руку на кобуре, рывком отворил дверь. Застыл у порога. В комнате было несколько человек. Один, стоявший у окна спиной к Василию, медленно повернулся. Расплылось в улыбке знакомое лицо:

— Де, чего я вам говорил? Непременно на старое место народ возвернется. Вот, де, и приходят люди! Здорово, Вася!

Гавря Извеков!

Василий, уже не опасаясь, широко шагнул к Извекову, одним махом оставил за собой половину комнаты. Дальше его не пустили. От стены, со стула, заставив вздрогнуть, сорвался зеленый вихрь, налетел на Бандуру, закружил по комнате:

— Живой! Господи, радость какая!

У Василия словно внутри пружина сработала, распрямилась, ударила под сердце, заставила встрепенуться. Совсем близко увидел знакомую синеву залитых радостью глаз. Ожив...

— Настя!..

— Я и есть, миленький!

Говорили что-то бессвязное, тормошили друг друга. Гавря не выдержал, бесцеремонно отодвинул Настю:

— Де, погоди! Ишо успеешь надоесть человеку. Дай мне с ним поздоровкаться!

Обнимая земляка, обратил Василий внимание на третьего в комнате. По виду его одногодок. Форма, как и на Насте, зеленая. На погонах четыре звездочки.

Тебя каким ветром сюда занесло, товарищ капитан?

VIII

Гавря помог Бандуре раздобыть старый дощаник. Лет плоскодонке было не меньше, чем Василию. Того и гляди, что развалится под ногами. Но все же есть надежда, что до острова сухим доберешься.

Пригласил с собой остальных. Извеков сразу отказался. Наверняка будут подходить люди. Нужно их встретить и за домами присмотреть. Много люда после ухода немцев по миру разбрелось. Могут с недобрыми намерениями и в Камково заглянуть. Здесь начеку будь. Гаврю не проведешь: у него опыт. Почти два года подполья, сам фашистов за нос водил.

Временное отсутствие людей Извеков пояснил так:

— Не иначе кудысь от немца, де, наши подались. Могеть, на Кубань, а то в море штормуют. Потому и ни одного баркаса на берегу нету. Теперя жди, де, с часу на час могут заявиться.

Настя на вопросительный взгляд Василия ответила:

— Ты нас возле перешейка дожидайся. Там и подберешь. Пароход у тебя хлипкий, а мне никакой охотки нету у холодной воде купаться.

Слова вроде правильные были, а тон не тот. Так с мужем после долгой разлуки не разговаривают. Увидел Василий, что Гавря дольше чем надо, задержал взгляд на Насте, поспешил вмешаться:

— Это ты правильно рассудила, Настюшка. Сам про то хотел сказать.

Давняя тайна и теперь двоих связывала. Для других они мужем и женой остались, так и нужно держаться.

Машина за домом стояла. Американский «форд». Василий видел, как предупредительно распахнул капитан перед Настей дверку. Вот тебе и сержант Бандура! А может, уже другая у Насти фамилия?

Выгребался приспособленными под весла досками. Две планки оторвал от забора, прикрутил к планширю ржавой проволокой. Дощаник шел тяжело, под ногами начала хлюпать вода. Набиралось больше и больше. Хорошо, что не взял никого.

У ближайшего островка подгреб к берегу, перекинул лодку. Слил воду. До хутора оставалось полдороги. За разливом лимана хорошо была видна машина, а рядом бродили по песку две одинокие фигуры. Наверное, таки зря не одна приехала в поселок Настя. Хорошо, что людей нет. Вмиг бы распознали фальшь в их отношениях, занялись пересудами. Васька не чистое стеклышко, знают о его похождениях на Обжитой накануне войны, но то, что мужику простится — бабе никогда. Чтоб разрубить узел и все поставить на место, нужно их тайну раскрыть, но пока еще нельзя.

«Поговорю с ней,— думал Василий, подгребаясь к острову.— Хотя и время такое, что загадывать ничего нельзя, все одно нужно ясности достигнуть!»

Он вытащил лодку на песок, махнул ждавшей паре, что скоро будет, начал обход хутора. Выскочил из пустой кошары котенок, жалобно пискнул, подбежал без боязни, стал тереться мягкой шерсткой о сапоги. Василий наклонился, погладил животное. вместе и вошли в комнаты.

Здесь чистота, впечатление такое, что на минуту отлучились хозяева. Сейчас затопают в коридоре шаги, войдет отец. Так, словно час какой не виделись, буркнет неразборчивое, начнет заниматься делами. А может, другим стал батя?

В две ходки перевез на остров гостей. Взять сразу двоих не захотел. Настю вез последней. Много сказать решил, а слов не было. Так молча и одолел пролив.

Настя с облегчением выпрыгнула на песок, с интересом осмотрелась. Виновато улыбнулась, сказала:

— Чудно, Вася! Я ведь никогда здесь и не была.

Правду сказала. Как-то уж так получилось, что рядышком с отцом жили, а в гости друг к другу не ходили.

Здесь, во дворе, сели за стол. Нашлась в огороде овощная разность. С чердака достал Василий низку вяленой тарани. В подвале нацедил чайник многолетней давности вина. Кое-что из еды нашлось в прихваченном капитаном вещмешке.

— Ты хотя бы с товарищем познакомила,— напомнил Бандура.— Сидим чисто тебе, как на вокзале. Рядышком, а все одно чужие.

— Ты всерьез?— Неподдельное изумление вспыхнуло в глазах Насти.

— Нет, шуткую! Окромя мне и делать нечего!

Двое обменялись смешливыми взглядами, пожали плечами. Не удержались, прыснули. Потом, так бывает, когда набежит на солнце лохматая туча и затемнит свет, посуровело лицо Насти. Подошла к Василию, прижалась. Участливо, как врач у больного, спросила:

— Неужто ты ничего не помнишь? Как рядышком с Мишей лежали и отстреливались, покуда я баркас готовила, как тащили мы тебя к посудине, хоть сам еле-еле на ногах держался? Господи, а мы-то! Я думала, что ты его нарочно признавать не хочешь. Обиделся, что не дозволил он тебе в море выпрыгнуть, связанным держал. Все до какого-то Федора ты на выручку порывался!

Значит, то не сон был: знакомое склоненное лицо Насти, и за россыпью волос раскачивающаяся, как маятник настенных часов, тонкая мачта баркаса.

— Мы ведь в Анапе тебя потеряли,— приговаривала Настя.— Только и хватило моих сил до берега дотянуть. Здесь нас и растаскали по госпиталям. Я уже в Новороссийске чуток отошла. Хотела тебя найти, да где? Анапа в ту пору уже у немцев была. Всякое дурное думалось. Дюже ты плохий был, Вася!

— Не помню, братцы! Ей-бо, ничего не помню, хоть убейте!— Начал разливать вино по стаканам. Руки дрожали, тонкие струйки плескались о стол. Настя забрала у него чайник:

— Горюшко мое! Давай вже я похозяйничаю.

Осторожно тронулись налитыми до краев стаканами. Пили стоя, серьезно и до конца. Настя, хотя и с трудом, тоже осилила свою долю. Раскраснелась, задорно тряхнула головой:

— Исправлю я свою ошибку, Василий Степанович. Знакомься. Мой командир и боевой друг капитан Михаил Донской. А про тебя, дорогой товарищ Бандура, ему все известно. У нас с Мишей друг от дружки секретов нету!

У Василия сразу отлегло от сердца. Каплей воды, попавшей на раскаленную печь, испарилась неловкость. Так-то лучше, сестрица! Нечего туманить мозги. Командир здесь ни при чем. Друг — это уже ближе к делу.

Над городом продолжал висеть удушливый дым, но стал он намного реже. Ничто не может гореть бесконечно, и никаким огнем не выпалить жизнь. На обожженной по осени стерне весной наливается полновесный колос.

IX

Настя отбывала наказание под Беломорском. Лагерь был в лесу. Работали на заготовке древесины. Женские бригады очищали поваленные деревья от веток и сучков. Поначалу все было в горькую диковинку в этом неприглядном месте. Ранние зимы с обильными снегопадами и злыми ветрами, короткие дни, больше похожие на южные сумерки. Сполохи северного сияния, расцвечивающие снег в фантастические узоры. Летом все наоборот. До укороченных вечеров сжимались белые ночи, отдавали время торжеству дня. Солнце, нырнув за поросшие соснами сопки, через час-два вновь всплывало над горизонтом. Непривычно было укладываться спать при солнечном свете и встречать утро, когда, по крайней мере, должен быть полдень. Потом начали находить небольшие радости. Одна из них — обилие ягод по осени. Первой поспевала черника. Видом смахивала на украинский паслен, но плодов на кустах в десятки раз больше. Клюквенное засилье болот, брусничные высыпки на склонах сопок, нежные усики земляники — все это виделось впервые и, как всякое открытие, не оставляло равнодушным.

Работы Настя никогда не боялась, море приучило стоически переносить трудности. Помимо того, труд здесь был той отдушиной, которая заставляла забывать о личном горе. На ее идущую от души старательность обратили внимание. Да и дело, по которому она проходила, было обычным, житейским. Мало ли что может приключиться с человеком в минуту затмения.

Через два года Настю расконвоировали, вместе с группой женщин-беломорок послали на рыбные промыслы Ладоги. Поселились они в Карелии в небольшом городке. Он пришелся Насте по душе. Добротные каменные дома в центре и бревенчатые — на окраине. Большой парк на склоне сползающей к Ладоге сопки.

За отличную работу на промысле Настю освободили досрочно в конце мая сорок первого года. Настя знала, что домой заявляться ей было ни к чему, решила остаться в Карелии. На местном рыбозаводе с радостью оформили Настю уже как вольнонаемную, согласились с ее условием — приступить к работе через месяц.

После освобождения Настя получила приличную сумму денег. Решила истратить их на поездку к морю. Конечно, не к Азовскому, где она могла встретить знакомых. Думала, что доберется до Балтики и остановится в понравившемся месте. В Ленинграде увидела поезд «Мурманск — Одесса», взяла билет. Потянуло на юг, к солнцу, за которым она так соскучилась.

В Одессе ее и застала война. Уехать на Север стало невозможно. В городе открылось множество всяких курсов. Женщины заменяли уходивших на фронт мужчин. Настя не рискнула устраиваться куда-либо. Кроме справки об освобождении, у нее не было никаких документов, а город был наполнен слухами о вражеских лазутчиках. О них говорили в трамваях и очередях, к бдительности призывали плакаты и листовки. Насте думалось

что обратись она на любое предприятие с просьбой устроиться на работу, как ее тут же задержат и кто знает когда выпустят. Сидеть без дела тоже было невмоготу, и она примкнула к группе уезжавших рыть окопы женщин. Уже через несколько дней благодаря общительности и привычке к коллективу стала своей.

Работали под Бриновкой, рыли противотанковый ров. В нем же прятались при налетах румынской авиации. В начале августа получили приказ возвращаться домой. Ее подружки уехали, а Настя осталась. Ей не к кому было спешить в Одессу.

Окопы заняли бойцы 95-й стрелковой дивизии, входящей в состав Приморской армии. Настя стала сандружинницей в одной из рот. Здесь не спрашивали документы, о человеке судили не по анкете, а по умению держаться под огнем, подниматься в атаку.

В сентябре уже на рубеже главной обороны поредевшие батальоны дивизии пополнили морской пехотой. Рыбачка сразу нашла общий язык с флотскими, а они узнали в ней человека, знающего море.

Как-то, сопровождая раненых из Дофиновки в Одессу, Настя подменила погибшего при обстреле старшину баркаса. До конца обороны там и осталась. Работы хватало. Раненые, подвоз пополнения, боеприпасов, продуктов. Накануне ухода из города баркас прикрепили к штабу обороны. Теперь частыми гостями на нем стали офицеры связи. Здесь она и познакомилась с Михаилом, тогда еще лейтенантом.

Как-то Настю вызвал командующий обороной контр-адмирал Жуков. Вручил медаль «За боевые заслуги», сказал:

— Будешь ходить между кораблями и берегом до последней возможности.

— А потом?

— Ты же морячка, дочка. Компас у тебя есть?

— Есть.

— Значит, встретимся в Севастополе.

До Севастополя ей пришлось побывать на Тендровской косе, где скопились ушедшие из Николаева и Херсона наши войска. Снять их мог только большой корабль. Командование наметило для этой цели крейсер «Красный Кавказ». Предупредить людей, чтоб они держались до прихода корабля, направили лейтенанта Донского на баркасе Насти.

Потом уже были Севастополь, Феодосийский укрепрайон, Керченский полуостров. В районе мыса Чауда Настя неожиданно встретилась с Васькой. И вот — вторая встреча за время войны

X

Вечером Василий проводил гостей. Скупо простились, война научила сдержанности.

— Ты мне, братик, так ничего и не поведал,— вздохнула Настя.— Как мы дальше будем. Всю жизнь от людей крыться невозможно!

— Закончим войну, Настя, тогда и загадывать начнем. Покуда рано.

— И то так!..

Бандура смотрел вслед пылящему по косе автомобилю. Права Настя, толком не поговорили. А о чем?.. О Марийке третий год никаких слухов. То время, что отпустила им жизнь, было безвозвратно утеряно из-за Насти. Последняя ночь, проведенная вместе, близости не принесла. Если встретятся, все придется начинать вновь. Получится ли? Но, как бы там ни было, хорошо, что увиделись с Настей. Многое прояснилось. Похоже, все хорошо складывается у сестренки. Михаил — мужик серьезный. Правильно сделала Настя, что привезла капитана на косу, а еще лучше, что ничего не утаила от Донского. Между двоими не может быть недомолвок. Человек должен быть по душе другому таков, каков он есть. Скрытое все равно прорвется нечаянно оброненным словом, выползет наружу. И тогда уже не сама тайна станет поводом для размолвки, а ее умалчивание. Не просто восстановить потерянное доверие.

Он вернулся на хутор. Со стола убирать не стал. С утра времени будет достаточно. «Семерка» подойдет к причалу в полдень. В поселке ему делать нечего. Разве на минуту заскочить к Кружилину да оставить свой адрес. Коль уцелела Марийка, непременно напишет отцу.

Василий постелил себе в привычном месте, в сенцах. Уже засыпая, услышал, как прыгнул на кровать котенок. Не стал прогонять. Соскучилось по людям животное. На ощупь нашел теплый комочек, тронул рукой. Детство всегда доверчиво. Старая кошка хозяина не признала. Пряталась, старалась не попадаться на глаза.

Разбудили его голоса на берегу. Натянул брюки, набросил на голые плечи китель, вышел из хаты. У острова стоял баркас, возле него копошились люди. В предрассветной серости еще нельзя было различить лица, но Василий сразу узнал сгорбившуюся в баркасе фигуру отца, да и сама посудина была хорошо знакома. Старик возился с парусом. Надежда Поливановна подавала детворе какие-то узлы и свертки. Василий пошел к людям.

— Ты, Вася? — узнал его отец. — А я себе голову ломаю, чей дощаник стоит. Залазь, поможешь мачту свалить.

Василий влез в баркас, поздоровался. Надежда Поливановна охнула, присела на банку. Завороженно смотрела на пасынка. Не в лицо, а на плечи, где лежали погоны.

— Чего это вы, мать? — смутился Василий.

— С непривычки. Вы на меня, старую, внимания не обращайте, — говорила, а сама думала: «Видать, в огромадных чинах ходит наш Вася. Теперя до его подход особенный нужен».

Савелий Маркович развязывал вантины, рассказывал:

— Мы на Кубань от немцев подавались. Токи, почитай, и на берег ступить не довелось. Подчалили, а местные нас на смех подняли. Прыткие, говорят, вы ребята. Наши уже у Песчанске,

а вы оттуда. Не инакше, как от своих в бега ударились. Тута бабы вой и подняли. Давай обратно домой и никаких возражениев. Да и мне на чужом берегу не дюже радостно гулянки устраивать, когда хозяйство брошенным стоит. Лег на обратный курс и повел ватагу домой.— Вопросительно взглянул на сына:— Гавря сказывал, Настя тута объявилась?

— Вечером уехала.

— Что же так?

— Служба, батя. Она ить тоже в армии.

— Призвали, значится. Или добровольчески согласилась?

— Сама пошла.— Василию не хотелось говорить о Насте. Переменил разговор:— Кружилин с вами был?

— Матвейка!— вздохнул отец.— С ним насовсем непонятное дело.

Старик вкратце передал события последнего дня. Рассказал о том, как заявились в поселок каратели, начали жечь хаты. Потом взорвалась землянка Извековых, пропали немцы. Не заявился к условленному времени и Кружилин.

У Василия мелькнула смутная догадка. Сразу начал собираться в поселок. На уговоры Натальи Ивановны остаться хотя бы позавтракать пообещал, что еще заглянет на остров. Может быть, даже сегодня вечером.

Камково гудело. Не только люди, невесть откуда даже собаки появились. Вплетали в хор возбужденных людских голосов радостный лай. Веры Бангерт ни одной не видел. Василий разыскал Гаврю Извекова, предложил немедленно начать раскопки землянки.

— Ты, никак, очумел?— удивленно уставился на него Гавря.— Де, нечем людям больше заняться, как старье ворошить. Ишо успеется...

— А ежели тама Кружилин заваленный?

— Кузьмич?— Извеков сразу стал серьезным.— Выкладывай, де, чего знаешь?

Первым откопали «хвостдойча». Этот был никому не нужен. Как трухлое бревно, оттащили в огород, бросили. Матвея Кузьмича опознали по одежде. Собираясь в дорогу, рыбацкие сапоги наянул председатель, одел венцераду. Бережно вынесли из развалин обожженное тело, положили возле правления, прикрыли парусом. Тихо голосили бабы, от громкости отучила все та же война.

Извеков провожал Василия к причалу, говорил:

— Жалко Кузьмича. Честным был и умер хорошо. Де, на таких правда держится.

— Уходят люди. Ишо многих не досчитаемся, покуда войну прикончим. О Малахове ничего не слыхал?

Гавря споткнулся на ровном месте, судорога прошла по лицу:

— Де, ты мне про эту сволочь не вспоминай! Дажеть имени, де, никогда не произноси. Гад он что ни есть распоследний!

— Ты-ы ч-чего?— начав заикаться, выдавил Василий.— Ты-ы по-о морде захотел, да?

— Неужто, де, тебя война ничему не научила?— осуждающе взглянул на Бандуру Извеков.— Я, браток, за два года жизни при фашистах выученым стал. Тебе тожеть, де, советую в разум входить. Не у каждого, кого мы своим считали, де, жила крепкой оказалась. Сам видел, как за пуд муки и дохлую коровенку гады немцам продавались. Если мы про это забудем, нас тут же пострелять, де, нужно!

— Малахов здеся при чем?

— При том, де, что он не только на службу к фашистам перекинулся, но ишо и ж... им лизал. Чисто кутенок паскудный на задних лапках перед сволочами, де, выстаивал!

— Злой ты стал!— вздохнул Василий.— Насовсем веру в людей потерял.

— Потерял!— согласился Гавря.— Я и Кружилину ишо долго не верил бы, кабы труп его не увидел. Ты огнем, де, всякую веру из души выжги. Чтоб у середке твоей ничего, окромя злости, не осталось. Инакше заблудишься, де, и не на тот курс тебя вера выведет!

Не прощаясь, круто повернулся Извеков, прихрамывая на больную ногу, пошагал к поселку.

XI

Самолет набирал высоту. Моторы ревели на предельно высоких нотах. Сиденья накренились к хвосту. Чтоб не соскользнуть, приходилось держаться за холодную ребристость обшивки борта. Петр Бандура незаметно следил за подчиненными. Ребята ведут себя хорошо. Не впервой улетать им за линию фронта, прыгать в неизвестность. У радистки вымученная улыбка на лице, чуть подрагивают губы. Петру понятно ее состояние. Девчушке семнадцать, бывать во вражеском тылу не приходилось. Наверняка мерещатся всякие страхи. Поначалу и с ним такое было. В каждом человеке за линией фронта видел если не полицая, то прислужника фашистов. Осторожность им прививали на спецкурсах, где бытовало мнение, что все преданные Советской власти люди ушли на восток вместе с Красной Армией. Попали под оккупацию если не законченные подонки, то наверняка трусы. В страхе за жизнь они могут пойти на предательство. Из тех, кто остался под немцем, нельзя доверять никому — этому учили разведчиков. На первых порах так они поступали и зачастую платили жизнями.

Выровнялась машина, ровнее стал гул. Похоже, что перешли линию фронта. Петр прильнул к иллюминатору. За толстым плексигласом — глухая темнота. Через несколько минут они уйдут в нее. Как себя чувствуешь, Шура Губарева? Бандура вновь взглянул на радистку.

Когда знакомились и назвала свое имя девчушка, дрогнуло сердце. Сразу вспомнилась сестра, с которой нечаянно свели фронтовые дороги. Теперь разлучили уже навсегда. Во фронто-

вой газете увидел Петр портрет Шурки в траурной рамке, а внизу — Указ о присвоении летчице звания Героя Советского Союза с небольшим дополнением «посмертно» Отпросился у командира, съездил в авиаполк, в котором служила Шура. Подружки рассказали о ее последнем вылете, показали письмо из медсанбата, который прикрыла девушка. Аккуратно заправленная койка, нехитрое солдатское имущество — вот и все, что осталось от человека. Позже он понял, что был неправ. Еще осталась память. У него, у ее подружек и наверняка у тех, кому она спасла жизни.

Загудел зуммер, заморгала сигнальная лампочка

Пора! Парашютисты поднялись, встали в очередь у люка. Радистка — в центре, чтоб легче было найти на земле.

Прыгали налегке. У каждого, кроме личного оружия и трехсуточного НЗ, ничего нет. Первоочередная задача: выйти на участок железной дороги Коростень — Житомир Туда им выбросят все необходимое: взрывчатку, боезапас, продукты Диверсию на дороге произвести в точно указанное время, которое сообщат дополнительно. Для того и придана рация.

Ни Бандура, ни его товарищи понятия не имели, что по заранее разработанному Центральным партизанским штабом плану в одну ночь должны были взлететь на воздух 363 тысячи рельсов, что выводило из строя более двух тысяч километров железнодорожной колеи. В места, труднодоступные для партизан, армейское командование направило группы подрывников. Одну из них возглавлял мичман Бандура Шесть человек должны были по парам разойтись на заранее обусловленные точки и ждать сигнала к началу операции — взрыва моста. Мост брал на себя командир.

Приземлились хорошо. Сориентировались по карте, до железной дороги было километров десять Их специально выбросили подальше, чтоб не привлекать внимания к объектам. Губарева опробовала рацию на прием, сказала:

— Порядок, товарищ мичман. Можно выходить на связь.

— Повременим, Губарева

Бандура взглянул на фосфорящийся циферблат часов. Была полночь. Времени вполне хватит, чтоб подойти поближе к железной дороге. Днем ребята разведают подходы, пронаблюдают за своими участками. В нужный момент будут действовать не вслепую.

Он взял по компасу азимут, приказал собираться в дорогу. Километра через три будет небольшое село, его они обойдут. Потеря времени, но ничего не поделаешь. Никто не должен знать об их присутствии здесь.

— Погреблись! — Петр забрал у Губаревой мешок с рацией, осторожно взвалил на плечо.

Девушка стала объяснять, что это не по инструкции, никто, кроме нее, не имеет права касаться рации, но командир не стал слушать радистку, приказал стать в центре цепочки, соблюдать тишину.

День прошел спокойно. По очереди несли вахты, как по-флотски продолжали называть они дежурства. Бандура наблюдал за железной дорогой. До рассвета поезда ходили редко. Потом движение возросло, почти через каждые полчаса раздавалось характерное постукивание колес, пыхтение паровоза. Никакой закономерности в перевозках Бандура не нашел. Не обнаружил и особенной охраны участка. Мичман приказал Губаревой выйти на связь и передать, что все группы готовы к выполнению задания.

Самолет прилетел часов в одиннадцать вечера. Они обменялись световыми сигналами. Было довольно светло, и раскрытый купол парашюта хорошо просматривался в ночном небе. Ветер стал сносить его к железной дороге. В мешках, которые им сбросили, была взрывчатка. Они уже могли позволить себе такое — не брать с собой и не таскать по незнакомой местности тяжелый груз.

Полчаса затратили на то, чтобы найти полотнище, разобрать взрывчатку и дополнительный боезапас. Десантники ушли по назначению, Петр остался с радисткой. Покуда остальные доберутся до своих участков, у них с Губаревой еще есть время. Мост совсем рядом от места, где они укрылись: маленький и никем не охраняемый. Задание оказалось не таким уж и сложным. Приходилось выполнять потруднее.

— Готова?

— Да, командир!

— Будем двигать!

Петр поднялся, с удовлетворением ощутил приятную тяжесть запасных рожков к автомату в карманах и за голенищами сапог. Похоже, что время. Ребята уже на месте. Им хода к мосту не больше двадцати минут, столько же уйдет на закладку взрывчатки. Начнут они, а потом загремит по линии.

Он и сам не понял, почему вдруг ощутил опасность. Скорее всего сработало чутье разведчика.

— Погоди!— коротко бросил он Губаревой, в полминуты взобрался по склону балки наверх. Сразу увидел неясные тени. Их было много, и шли они прямо на него. В том, что это фашисты, у мичмана не было сомнений. Партизанской цепи нечего делать в степи.

«Мост!— обожгло сознание.— Ребята ждут сигнала.— Нужно придержать этих!»

Он кубарем скатился вниз. Опрокинул мешок с грузом, на ощупь нашел толовые шашки, коробку со взрывателями и шнуром, сунул в руки перепуганной радистки.

— Что случилось, командир?

— Иди, ты успеешь!— хрипло шепнул Бандура, оставив без ответа ее вопрос.— Мост, Шура! Я придержу этих!

Она не тронулась с места.

— Ну?— удивленно взглянул он на радистку.
— Я боюсь!— плаксиво протянула девушка.— Мне страшно!
Ему захотелось накричать на нее, обложить матом, даже ударить. Так бы он и сделал, окажись на месте радистки парень. На долю секунды Петр растерялся, потом, сам не понимая, что заставило его сделать именно так, притянул к себе Губареву, крепко поцеловал в сухие губы:
— Иди, родная! Я знаю, ты сделаешь!
Понимая, что безрассудно теряет время, он помог радистке выбраться по другому склону балки. Убедился, что она пошла к мосту, заскользил навстречу вражеской цепи. Она была еще далеко, хотя ему казалось, что фашисты должны уже подходить к балке. Он успел выбрать удобное место, разложил запасные рожки и гранаты так, чтоб они были под рукой.

Говорят, в минуты близкой опасности к человеку приходят воспоминания. Внимание Петра было на той стороне балки, от которой уходила радистка. Каждую секунду он ждал треска автоматных очередей. Если это случится, все, за чем послали их сюда, рухнет. Останется нетронутым коротышка-мост, который уже перечеркнут на оперативных картах. Какой-то эшелон, вопреки штабным картам, появится вблизи фронта. Произойдет заминка в четком расписании действий дивизии, полка, батальона на том участке, о котором понятия не имеет мичман Бандура, но именно он несет за это ответственность. Там, за линией фронта верят, что группа выполнит боевой приказ, и они обязаны его выполнить.

Цепь шла изогнутой. Балка лежала не прямо по фронту, а чуть наискосок движения цепи. Поэтому часть карателей еще не дошла до горловины, а вторая уже затопталась у склона. По ним во фланг и ударил из автомата мичман Бандура. Ударил экономно и точно короткими очередями, успевая находить стволом тех, кто отпрянул.

Беспорядочная стрельба, которую открыл противник, позволила ему точно определить начало и конец цепи. Случилось так что на него вышла середина, ей больше всего и досталось

Ему важно было выиграть время. Экономно расходуя патроны, он перебегал от куста к кусту, создавая видимость, что в балке находятся несколько человек. Немцы (Бандура не знал, что встретился с «иностранцами») не проявляли особой активности. Как упали на подходе к балке, так и оставались лежать. Правда, патронов они не жалели, но теперь, когда прошла первая напряженность боя, Бандура понял, что автоматического оружия у них не так и много, больше палят из винтовок

«Уж не со своими ли я столкнулся?— подумал Бандура.— Что, как это партизаны и сейчас, услышав стрельбу, сюда нагрянут настоящие фрицы?»

Словно подтверждая его догадку, заставив вздрогнуть, из темноты прозвучал далекий и очень знакомый голос:
— Эй, сколько вас там? Пусть один выйдет на переговоры!

— Давай лучше ты сюда!— после короткого раздумья ответил Бандура.— И не вздумайте хитрить!

Ответили сразу:

— Иду!

Федосееву подумалось, что пришел его звездный час. Время, которое он так долго ждал, наступило. Конечно, парашютистов не так уж и много, но терять им нечего, и живыми они не сдадутся. Тем лучше. Он сразу откроется перед ними, скажет, что долго ждал встречи. Не вся рота пойдет за ним, человек двадцать придется убрать, на остальных можно надеяться. В селе у него три автомашины. До районного центра Радомышля, где базируются основные силы батальона Штаммлера, два часа езды. Пароли он знает, проведет без задержки. То-то удивится и перепугается шеф. Этот не будет спокойно стоять, придется связывать. И стрелять в затылок одним патроном, как он учил.

Федосеев сам пошел на переговоры. Подходя к балке и увидев поднимающуюся с земли фигуру, невольно вздрогнул, остановился. Показывая, что безоружен, протянул вперед руки. Старался держаться как можно увереннее.

— Предупреждаю, я буду говорить только с командиром!

— Я и есть командир, Сергей Петрович!

Бандура сразу узнал бывшего поселкового учителя. Петра не смутила немецкая форма, офицерский китель с накладными карманами. Такую носили многие партизаны, которым приходилось довольствоваться у противника.

«Как же ты, браток, на своих пошел, товарищей жизни лишил?» — спросил сам у себя мичман. Автомат сразу стал непомерно тяжелым, он едва удержал его в руках — Теперь хоть самому стреляйся!»

— Простите, с кем имею честь? — растерянно пробормотал Федосеев. Машинально нажал кнопку висевшего на груди фонарика.

Бандура невольно прикрыл глаза, и тут же сильный удар чем-то тяжелым по голове вырвал у него из-под ног землю, бросил в объятия оглушительной ночной тишины. Он не успел услышать, как позади, запоздало догнав блеснувшую в темноте вспышку, прокатился над степью раскатистый гул взрыва. Через несколько минут ему эхом отозвались другие. Группа мичмана Бандуры приступила к выполнению задания

XII

Дивизион малых охотников вышел из Песчанска вечером. Бандура стоял на ходовом мостике, кутался в реглан. Ветер, порожденный скоростью корабля, леденисто обтекал лицо, выжимал слезу. По носу синевато теплился кормовой огонь флагмана.

Гулко простучав тяжелыми сапогами по металлу трапа, на мостик поднялся боцман. Шагнул к Бандуре.

— Чего скажешь, Ермолаевич?— спросил Василий.

— Дело есть, командир. Если свободен, спустись на минуту к себе.

Бандура знал боцмана еще по совместной работе на Обжитой. Тот рыбалил в бригаде Антона Беляка. С началом войны был призван на флот, попал в дивизион «мошек». Здесь они и встретились.

Василий знал, что по пустякам боцман не станет тревожить. Коль не хочет говорить при посторонних, значит, так надо. По привычке окинув взглядом невидимое в темноте море и не найдя ничего заслуживающего внимания, Бандура начал спускаться с мостика.

В наглухо закупоренной каюте было душно. Свет казался ослепительным, хотя в матовом плафоне на полнакала горела единственная слаботочная лампочка. Василий не думал задерживаться в помещении, поэтому не снял реглан, а только расстегнул его. Внимательно взглянул на боцмана.

— Заяц у нас объявился, Василий Савельевич,— смущенно кашлянул в кулак Ермолаевич. Из канатного ящика вытащил. Перед отбоем проверял заведования, а он промежду якорной цепи прячется. Худющий — кожа да кости.

— Отдай коку, пусть на утро жаркое сообразит.

— Я серьезно, товарищ командир!— не принял шутку боцман.

— Ну, если по-серьезному, то как мог посторонний на корабль проникнуть? Невидимка он, что ли?

— Сам удивляюсь. Уму непостижимо, как проскользнул. Я перед отходом двое суток на берег не выходил. С палубы глаз не спускал.

— Какой он из себя?

— Мальчонка еще насовсем. На вид — чистое тебе дите. Тонкий, как соломинка, но гордый. В зряшные разговоры не пускается. Я бы, командир, про него и не докладывал бы. Продержал до пролива, а в Тамани дал бы по шее и скачи куда хошь. Но загвоздка интересная получается. Говорит тот малец, что дюже хорошо ты его мать и отца знаешь. Вместе вы проживали. Потому я тебя и побеспокоил.

— Где он?

— В кубрике отогревается. Канатный ящик не Кавказ и не Крым.

— Веди сюда!

— Есть!..

Духота каюты ощущалась все сильнее. Василий снял реглан, повесил в настенный шкафчик. Ладонями пригладил волосы, присел на диванчик. Мальчишка не иначе, как из Камкова. Будет проситься, чтобы взяли на корабль. Такие случаи были. И в Ейске, и в Таганроге, и в Мариуполе. Сколько раз пробирались на причалы оборвыши, умоляли, чтоб оставили их юнгами до конца войны или покуда разыщутся потерянные родители. Подкармливали их, помогали одежкой: кто бушлат даст, кто — тельняшку.

На корабли не брали. Море — не суша. Случись что — надежд на спасение мало.

— Разрешите, товарищ командир?

— Заходи, боцман.

— Вы покуда сами тут разбирайтесь...

Ермолаевич протолкнул в каюту «зайца», осторожно прикрыл дверь.

Бандура долго смотрел на мальчишку. Порода была явно не камковская. На косе у рыбацкой детворы кость пошире, и даже зимой не проходит въевшийся с лета загар. А этого вроде в подвале держали, подальше от солнца. Прав боцман, в чем только душа держится. Тонкая шея, кажется, с трудом удерживает голову, под ней выпирают острые ключицы. Но лицо очень знакомое. Кого-то напоминает Бандуре гладкий, без единой морщинки лоб, белесые строчки бровей, а под ними — светлые, цвета утреннего моря глаза. Очень знакомый и острый, с небольшой горбинкой нос, крутой подбородок.

— Кто таков и откуда? — строго спросил Бандура, стараясь сразу создать преграду, через которую не пробилась бы жалость, не заставила сделать ненужное.

— Малахов я, дядя Василий,— негромко сказал мальчишка и удивился, почему спокойным осталось лицо командира, ничего не отразилось на нем. Он привык к удивлению и даже настороженности, когда приходилось называть себя. На всякий случай добавил:— Сын того Малахова, что на косе у вас жил, а потом...

— Знаю, чего ты мне поясняешь,— перебил мальчишку Бандура, кивком головы указал на стоявшее у столика кресло.— Садись, гостем будешь. Петром тебя зовут?

— Петькой.

— Давай падай. Разговор у нас, видать, долгий будет.

«Как же я не догадался? — корил себя Бандура, покуда Петька осторожно мостился на кресло.— Ить у мальчонки на лбу написано, что он сын Катерины и Петра». Вслух спросил:

— За родителей чего-нибудь знаешь?

— О матери ничего. Я от нее в Мариуполе отбился еще в сорок первом. А об отце...

И опять не дал договорить мальчишке Бандура. Наклонился к нему, тронул ладонью худенькое колено.

— Ты мне, Петро, все по порядку рассказывай. Только по-честному, по-малаховски!

Дважды во время рассказа мальчишки выходил Василий на палубу. И не потому, что его присутствие на мостике требовала обстановка. Корабль шел в походном ордере, вахту несли опытные моряки. В нужном случае они могли вызвать командира наверх по переговорной трубе, идущей из каюты на мостик. Василий не мог спокойно слушать молодого Малахова. В двенадцать лет окунуться на самое дно жизни, не в книжках прочитать, а воочию увидеть низменность человеческих отношений, что мутной волной навалились на людей с приходом фашистов,— это было

невыносимо страшно. Казалось, что не других, а его самого — хуторского парня Ваську Бандуру — на два года бросили в глубокий клоачный колодезь, заставили барахтаться в нечистотах.

— Погодь, браточек! — останавливал он Петьку, ссылаясь на занятость, покидал каюту. Наверху жадно вдыхал холодный воздух, вцепившись руками в леера, стоял недвижимо, напряженным телом ощущал скорость втискивающегося в темноту корабля, невидимую для непосвященных глаз работу, что происходит в отсеках и на боевых постах, думал: «Это какой же казни заслуживают гады, которые дажеть детишек нисколько не жалеют босяков из них делают!»

И еще один вопрос мучил Бандуру: что делать с Петькой? Оставить на корабле — это означало рисковать жизнью мальчишки. Не зря дивизион срочно направили в Тамань, поближе к Крыму. Наверняка намечается что-то серьезное. За два года немцы успели укрепить полуостров, так просто их не возьмеш. Больше всего достанется первому броску, а делать его придется катерникам. Отправлять парня домой тоже не резон. Никто его там не ждет. Разве только друзья-подростки, с которыми он воровал и пил вино. Не трудно уйти с прямого курса. Как вернуться? Может, удастся договориться в Тамани, чтоб присмотрели за Петькой. Там, гляди, Катерина разыщется. Исходные данные есть. В сорок первом году служила на плавучем госпитале «Бердянск». Впрочем, нужно поговорить с мальчишкой. Может, у него свои планы?

Так ничего и не решив, Василий вернулся в каюту.

— Я вам здорово мешаю? — встретил его вопросом Петька.

— Не о том говоришь,— нахмурился Бандура.— Тебя накормили?

— Под самую завязку! — Петька черкнул ребром ладони по шее.

— Тогда еще побалакаем. Ты больше того сапожника так и не видел?

— Несколько раз,— хмуро ответил мальчишка.— На базарной площади он висел. Его через неделю после отцовских похорон казнили.

Бандура увидел судорогу, похожую на зевотную, перекосившую лицо Петьки. Виновато сказал:

— Заговорил я тебя. А ты спать хочешь. Сейчас койку разберу и ложись.

— Нет, дядя Вася. Я лучше на диванчике примощусь. Больно квартирантов у меня много, как бы вас не наделить.

— Это мы поправим!

Василия вновь потянуло на свежий воздух. Но теперь у него была настоящая причина для ухода.

Через полчаса вымытый в корабельной душевой, переодетый в длинный, достающий до колен тельник и такие же не по росту большие флотские кальсоны, Петька сладко посапывал на койке. Выброшенный за борт узелок с его бельем болтался далеко за

кормой. Василий смотрел на просветленное купанием и сном лицо мальчишки, чувствовал, как тяжестью наливаются сильные руки. Этот парень мог быть его сыном. Отнесись он в свое время повнимательнее к Катерине, уважь ее просьбу — и совсем по-другому сложилась бы и его жизнь, и пусть не этого, а другого, но все равно мальчишки. Он понимал, что теперь уже ничего не изменишь, но тяжесть в руках не проходила. Силу, скопившую-ся в туго стиснутых кулаках, можно было выпустить только с ударом во что-то мерзкое и ненавистное. Он знал, что имя врагу — фашизм, но лицо этого врага было расплывчато и неопределенно, потому что складывалось из многих слагаемых. Здесь были и трупы повешенных на базарных площадях, и синеватые от постоянного недоедания лица детей, и точечные укусы вшей на теле спящего Петьки, и сожженные дома в рыбацком поселке Камково, и многое другое.

XIII

Хромушин, теперь уже капитан третьего ранга, но все такой же неуклюже штатский, внимательно слушал сбивчивые пояснения командира «мошки». Странно, но чем больше втолковывался Бандура, тем яснее понимал, что слова его звучат неубедительно и ничего не объясняют, а скорее запутывают ясное для него дело. Речь шла о сыне Малахова, которого Василий хотел оставить воспитанником на тыловой базе дивизиона, где мальчишка находился бы в относительной безопасности и под присмотром.

— Я тебе так скажу, Никифорович,— чувствуя, что больше и больше запутывается, сказал Бандура,— кабы со мной чего приключилось и тебе плохое про меня наговорили, поверил бы таким разговорам?

— Не знаю,— медленно протянул Хромушин — Во всяком случае, пока не доказали бы, сомневался.

— Вот это и есть главное!— оживился Василий.— А ведь ты меня всего год какой знаешь, а может, и того меньше. А я Мала-хова — не меньше десятка лет. На моих глазах он старое ломал, к новой жизни людей выводил. И хоть убей меня, никогда не по-верю, что человек, которого мы иначе, как комиссаром не называ-ли, из страха или чего другого к немцам на службу пошел. Нет, цель у него какая-то была. Что если его наши на эту работу по-ставили?

— Секретаря райкома и бургомистром?

— А чего? Разве не бывает такого?

— Бывает. Только и ты мне ответь, почему одного подпольщика немцы вешают на базарной площади, а второго хоронят с почестями?

— Это и мне непонятно,— удрученно согласился Василий.— Но ведь тут и другое. Сам Малахов, чтоб сына выручить, гестаповцу пистолет в лоб сунул. Это что-то значит?

— А ты при этом присутствовал?— усмехнулся Хромушин.— Ты только слышал, что так было. Причем слышал от лица заин-

тересованного, которое хоть и мало, но, поверь мне, прекрасно понимает, что отец и его немало замарал. Короче, товарищ старший лейтенант, так вам скажу,— переходя на официальный тон и давая этим понять, что дружеская часть беседы закончена и все остальное нужно понимать, как приказ, сказал особист.— Мальчишку этого, сына немецкого бургомистра, мы в отряд не возьмем. Отправляй его домой и немедленно. Пусть живет среди своих. Там не затеряешься и соврать труднее. Кстати, вечером на Песчанск уходят два сейнера. С ними и отправляй. О выполнении доложишь.

— Есть, товарищ капитан третьего ранга!

Василий нехотя поднялся и, понимая, что спорить здесь бесполезно, вышел.

Похороны — вот что стало непреодолимой стеной, через которую не мог перебраться в своих догадках Василий Бандура. Пышно хоронили немцы внезапно умершего по официальной версии от разрыва сердца бургомистра. Шестерка [illegible] цугом, тащили катафалк. На улицы, по которым двигалась процессия, вышло [illegible]. Тягуче и медленно трезвонили колокола всех городских церквей. [illegible] отпевал тело усопшего на кладбище.

Кто мог знать, что [illegible] были задумкой шефа гестапо Вальзера. [illegible] в таких вывихах. Особенно, когда [illegible] свою шкуру. Никто не видел, как стал [illegible]. Вальзер [illegible] смерть Малахова спасла его не только [illegible]. [illegible] страшно было подумать, что бы [illegible] в рейхскомиссариате узнали, кем был бургомистр, [illegible] обманывал он не только штурмбанфюрера, но и весь [illegible] рейх. Разжалование и отправка на фронт — это был лучший вариант.

Уже когда тщательно был продуман весь церемониал похорон, Вальзер вспомнил, что один свидетель его позора все-таки есть. Это сын Малахова. Он находился в комнате и все видел. Гестаповец распорядился разыскать мальчишку. На второй день Петька очутился в кабинете Вальзера. Его взяли возле станицы Петровская. Мальчишка шел в сторону фронта.

К тому времени ситуация изменилась, и Вальзер не обрадовался поимке мальчишки. Накануне звонил Гарденберг и сказал, что он будет присутствовать на похоронах и что ему хочется встретиться с сыном усопшего.

Случившееся было что гром с ясного неба. Штурмбанфюрер никому не говорил о мальчишке, не сообщал в рейхскомиссариат о смерти бургомистра. Значит, есть в его окружении человек, работающий на оберста. В самом явлении не было ничего удивительного, система перекрестной слежки давно стала основой взаимоотношений в рейхе. Страшное для Вальзера заключалось в том, что он не знал, кто осведомляет Гарденберга.

Так, сам того не ведая, Петька оказался втянутым в круговорот событий, где все зависело от чужой воли. О чем-то он мог догадываться, но догадываться только сам, потому что о событиях,

случившихся после его встречи с Гарденбергом, он никогда никому не рассказывал. Ни слова не сказал даже Бандуре во время их откровенного разговора в каюте. Теперь был рад своей сдержанности. Пооткровенничай — и отправили бы его не в Песчанск на попутном сейнере, а куда-нибудь подальше.

XIV

В бараке кто-то завозился, приглушенно вздохнул. Болезненно кашляя, направился к выходу. Скрипнула дверь, сжатая тисками мороза, стало тихо. Если можно назвать тишиной тяжелое дыхание многих людей, сонные всхлипывания, шорох камки в матрасах под ворочающимися телами. В бараке жило не меньше двух десятков семей в небольших клетушках, отгороженных друг от дружки листами фанеры или ржавого железа. Те, что вернулись в Песчанск после эвакуации.

Бандуры приехали с первой партией. Город встретил их заснеженными улицами, провалами сгоревших зданий, молчаливой суровостью людей, понятной при большом общем горе.

Их дом на Матросской слободке сгорел. Общими силами привели в порядок бывшее помещение склада, получилось что-то похожее на жилье. Из металлических бочек мастеровые склепали печки для обогрева. Следили за огнем по очереди. Чуть прозеваешь, упустишь жар — стены тотчас же начинают покрываться изморозью.

В Песчанске, несмотря на нелегкую жизнь, а скорее благодаря этому, начала приходить в себя Оксана после гибели Шурки. Похоронку получили вместе с письмом от Алексея, поведавшим родным о неожиданной встрече с сестрой. Весть от сына не смягчила удара.

Из письма поняли, что Алексей находится в партизанском отряде, а это означало, так во всяком случае понимали родители, что жизнь его в постоянной опасности. Там фронт со всех сторон и нет передышек.

Первое время Григорий опасался за жену, начавшую путать его с Шуркой. Как-то стала примерять к нему свое старое платье.

— Оно совсем еще хорошее, доченька,— ласково говорила Оксана, ворочая мужа, как манекен.— Немножко расширим в талии, внизу оборку. Боже, какая ты большущая!

Он постарался отвлечь ее, уложил в постель. Не отошел, покуда она не уснула. Всю ночь почти не сомкнул глаз. Утром Оксана ничего не помнила. Поднялась, как обычно, спозаранку, готовя завтрак, косилась на мужа. Не выдержав, сказала:

— Устал ты, Гриша. Совсем замученным выглядишь.

Заводской врач, с которым советовался Григорий, рекомендовал:

— Абсолютный покой. Разговоры только на отвлеченные темы. Ни в коем случае не оставлять без присмотра. Желательно питание получше, но!..

Легко сказать. Бандура большую часть суток находился на за-

воде, зачастую и ночевал там. На помощь пришли женщины. Поочередно дежурили возле Оксаны.

В конце сентября, узнав об освобождении Песчанска, Бандура стал добиваться возвращения домой. Среди своих наверняка станет лучше Оксане. Весной можно будет отправить жену на хутор к отцу. Из обстоятельного письма, которое Бандура получил от Гаври Извекова, он знал, что старик остался жив.

Только зимой Наркомат разрешил отпустить на родину первую группу красномайцев. В нее попали и Бандуры.

От Волги сожженная началась земля. Ни одной уцелевшей станции, лишь стены с пустыми глазницами окон, печные трубы на фоне хмурого неба, пеньки от вырубленных садов.

В Камышине к ним подсела попутчица. Неторопливо и обстоятельно рассказывала о своей некогда большой семье. Пятеро сыновей было, три дочери, две невестки. Мужиков забрали в первый день войны.

— Миша под Киевом в окружение попал, там и остался. Иван под Смоленском голову сложил. Это меньшенькие мои... Сам хозяин под Москвой погиб. Потом черед до старших дошел. Всех их волжская земля приняла.— О смерти близких она говорила спокойно. В ровном голосе, какой-то обыденности как раз и таилось самое страшное.

Оксана не выдержала, [illegible]

— Как же вы горе такое [illegible]

— Что делать, милая! Жить-то надо. Вон сколько забот на нас навалилось. Да и не возрадовались бы мужики наши, кабы мы руки опустили, горю поддались. Нет, не возрадовались бы!

Оксане стало стыдно. Конечно, Шурку не вернешь. Но в память о ней, о тысячах других погибших они обязаны вернуть жизнь порушенной земле.

Бандуры знали, что ничего хорошего не ждет их в Песчанске, но действительность оказалась намного хуже предположений. От завода ничего не осталось. Свалка побитого кирпича, металлического хлама, переплетенные исковерканной арматурой бетонные глыбы. В завалах копошились редкие фигуры людей, что-то выискивали.

Вместе с Бандурами вернулось еще около двадцати человек. На подъезде была вторая группа, которую возглавлял Поплавский. Пока она задерживалась. Новая Красномайка, созданная в Средней Азии, работала на оборону. Не так-то просто было оторвать кадры от станков.

Партийная организация завода насчитывала всего семь человек. Секретарем выбрали Бандуру. Помнится, на второй или третий после избрания день его вызвали в горком партии. Это было кстати, потому что серьезно стоял вопрос о кадрах для завода. Хотя бы человек десять-пятнадцать кадровых рабочих. Создать на первых порах небольшую кузню, если не цех, то хотя бы механический участок. Два-три токарных станка, столько же сверлильных и можно что-то делать.

Горком партии занимал небольшой чудом уцелевший дом в центре города. Он больше походил на штаб воинского подразделения. Те же полевые телефоны в кабинетах, вооруженные люди в гражданской одежде. По вечерам вместо электрических зажигались карбидные лампы. Сгорая, газ оставлял в помещениях терпковатый уксусный запах.

Собрались люди с разных предприятий, но почти все они были знакомы Григорию. Наверняка их волнуют те же вопросы, придется выдержать битву. Он попытается убедить присутствующих, что основная продукция Красномайки, минно-траловое оборудование, сейчас позарез нужна стране. Почти полностью освобождено от врага Азовское море, на очереди — Крым и Одесса. Нужно тралить фарватеры, освобождать от мин. Только красномайцы могут помочь в этом. Ленинград покуда в кольце блокады, Николаев — у фашистов. Больше подобных заводов в стране нет. Довод должен убедить.

Начало разговора поломало планы Григория. Заведующий промышленным отделом горкома зачитал разнарядку областного военкомата. Из Песчанска нужно отправить в армию двести сорок человек. Пять из них даст Красномайка. Спорить бесполезно. Враг в сотне километрах от города — в Мелитополе.

После совещания Григорий зашел к первому секретарю. Он знал его еще по сорок первому году. Стешенко по заданию обкома находился в Песчанске, следил за эвакуацией предприятий. Бандуре хотелось подсказать первому, где можно брать людей, минуя промышленные предприятия. Эта мысль родилась у него после совещания. Там почему-то ни слова не было сказано о рыболовецких колхозах и рыбокомбинате.

Первый тоже узнал Григория. Выслушал его соображения, вздохнул:

— Людей, связанных с морем, трогать не будем.— Увидел недоумение на лице собеседника, пояснил:— Рабочий человек получает на карточки считанные граммы продуктов. Каждый выловленный сверх плана центнер рыбы — это сотни дополнительных норм. Если наша рыба позволит токарю лишний час продержаться у станка, строителю положить десяток кирпичей, шахтеру выдать на-гора пуд угля, понимаешь, насколько быстрее пойдет восстановление? Будем снабжать дополнительной продукцией шахты Донецка и Кривого Рога, металлургические комбинаты Запорожья и Днепропетровска. Иначе нельзя, дорогой. Хочу, чтоб ты меня правильно понял.

Бандура понял. Конечно, в словах первого — правда. Он смотрит с дальним прицелом. Но заводу от этого не легче. Ему лично — тоже. Придется потуже затянуть поясок. Опять вся надежда на женщин и детвору.

В бараке зашевелится один — сразу насторожатся другие. Война напоминает о себе не только развалинами заводов. Неделю

назад проводили в областной центр городскую комсомольскую делегацию. Проводили с музыкой, встретили траурным маршем. В Пологах налетели на беззащитный поезд «мессеры», расстреляли из пулеметов, забросали бомбами. Двенадцать наскоро сколоченных гробов привезли на открытой платформе. Четыре комсомольца не вернулись на Красномайку. Среди них — Володя Бельшиков, недавно избранный молодежью комсоргом завода. Мать его живет в соседней с Бандурами клетушке. Два года была вместе с сыном в эвакуации. Володя работал токарем. Чтоб дотянуться до станка, подставлял под ноги ящики. Ни Володи ничего не слышно об его отце, ушедшем на фронт в сорок первом. Может, еще откликнется? Почта в город приходит безадресная. Все письма поступают в городской Совет. В специальной витрине вывешиваются списки тех, кому пришла весточка. Возле витрины с утра полно народу, но счастливцев мало. Тех, кто заполучил в руки конверт, тоже не всегда назовешь счастливцами. Похоронки не обходят город.

Григорий одевался [illegible]. Накинув на плечи пиджак, пошел к печи, [illegible] Сничка на вес золота. [illegible] на несколько частей. Скудно [illegible] которую выдавали на карточки вместо [illegible] Он ржавчины [illegible] ной сладостью. Григорий [illegible] Она глушила непрестанно [illegible] жаждой, но здесь и [illegible] От чрезмерного употребления воды распухало [illegible] Сколько угодно можно видеть в городе людей с отечными лицами, неестественно разбухшими руками, в которых почти нет сил.

К заводу шли с Оксаной. [illegible] Красномайке жена работала сверловщицей, возглавляла фронтовую бригаду. Сейчас все женщины брошены на расчистку литейного цеха. Восстанавливать вагранку, дать литье — первоочередная задача. Небольшая, вручную загружавшаяся печь, дававшая пять-шесть отливок за смену, уже работала, но это было кустарщиной.

Григорий оставил жену у проходной, где обычно собирались женщины, сам направился в другой конец завода. Там, в небольшом здании, где некогда располагались подсобки сборочного цеха, удалось выкроить помещение для механического участка. Поставили несколько станков, которые еще до войны были выброшены на свалку. Вращать их пока нечем. Неведомо где рабочие раздобыли старый болиндер, вот уже несколько дней возились с ним. Если удастся запустить, большое получится дело.

В цехе не теплее, чем на улице. Работают при свете факелов. Вымоченные в мазуте, тряпки нещадно коптят, наполняют помещение едкой гарью и копотью. От того двери не закрываются.

У станков группки мальчишек-ремесленников. По очереди тянут за идущие от трансмиссии ремни, передают вращение на бара-

баны станков. Часто меняют друг друга. Откуда взяться силе в худеньких тельцах?

По-черепашьи медленно поворачивается в кулачках барабана заготовка. Токарь старается снимать стружку помельче, чтоб легче было подросткам. За день на станке удается обработать три мины. Четыре — это уже рекорд. Десять-двенадцать мин ежедневно — это все, что пока дает завод фронту.

Создать при заводе ремесленное училище настоял Бандура. Собирать мальчишек по одному почти бесполезно. Немного охотников найдется ковыряться в завалах, вот так вручную вращать станки. Училище — это звучит. Пусть хоть какое, но двухразовое питание и надежда на получение формы. На улице такое не найдешь.

К обеду начали нагревать пусковой шар двигателя. Три паяльные лампы отдавали тепло, с пчелиной назойливостью втискивали жало огня в металл. Шар подернулся темно-вишневым налетом, разогрелся до красноватости. Двое взялись за огромное маховое колесо, начали раскачивать.

Четверть оборота... половина.. полный. Бандура не выдержал, схватился за маховик. Чугунное колесо шло плавно, но тяжело. Через минуту на лбу выступила испарина. Смахнуть пот не было времени. За стеной, куда выходила выхлопная труба, гулко ахнуло. Тах!.. Тах-тах!.. Тах!.. Тах-тах-тах!..

— Еще чуток, браточки! — весело задыхаясь, бросил один из рабочих. Трое из последних сил навалились на колесо. Словно передали ему свои силы и нетерпение. Маховик вырвался из рук, набирая обороты, замелькал спицами, слил их в единую неразличимую круговерть. Звук за стеной набрал силу, стал однотонным.

Ремесленники, побросав станки, окружили двигатель. Завороженно смотрели на рабочего, который спокойно расхаживал возле дрожавшего чудища, бесстрашно совал хоботок масленки в бешено вращающиеся шестерни и валики. Ребят не гнали.

Григорий и сам не заметил, когда, перебросив пас, двигателю дали рабочий ход. От неистово завращавшейся трансмиссии задрожали стены мастерской. Мальчишки испуганно втянули головы в плечи. Можно было понять удивление подростков, когда все вокруг завращалось в невиданном темпе. Любопытство пересилило страх.

Вжж-ж-ж-ик-к!.. Не больше двух минут потребовалось на обработку детали. Удивление потребовало выхода, и все сразу заорали, запрыгали в нелепом танце, стали тузить друг дружку кулаками. Бандура и сам бы заплясал с ними, если бы к радости не примешалась тревога. Кучка заготовок в ящике токаря уменьшалась на глазах. Новые поступят только завтра, и очень мало. Теперь нехватка будет сдерживать мастерскую. Нужно бросать все силы на восстановление литейной. Пока вступит в строй новая печь, не худо бы прощупать другие предприятия города. Может быть, на каком-то удастся наладить выпуск заготовок?

Размышляя, Григорий внимательно присматривался к одному из ремесленников. Лицо было знакомым. Где-то он его видел, но где? Уже к концу рабочего дня словно током прошило. Это же Петька, сын Малахова. Как он попал на завод?

XV

Из проходной вышли вместе. На улице было холодно, ветер хозяйничал в развалинах: гремел жестью на остатках крыш, обрезаясь на рваном металле, болезненно взвизгивал. За стенами обгоревших зданий стонало, шаркало, гудело.

Двое шли молча. На холоде не разговоришься, да и не знал Бандура, с чего начинать разговор. История Малахова, о которой он услышал сразу же после возвращения в Песчанск, показалась неправдоподобной. Григорий хорошо знал Петра по работе на косе, потом в райкоме. Как-то не вязалось прошлое Петра с изменой Родине. Но нельзя было не верить фактам. Бандура видел распоряжения городской управы, под которыми стояла фамилия Малахова. Их и сейчас можно было найти на стенах уцелевших зданий, афишных тумбах. Голова шла кругом.

— Вы давно вернулись? — нарушил молчание Григорий. Из письма дочери он знал о встрече в Ейске.

— Я никуда не уезжал, — ответил Петька. — Вернее, уезжал, потом отстал от своих, вернулся в город.

— К отцу?

— Зачем это вам?

Григорий увидел искривленные, словно от боли, тонкие губы мальчишки, непонятную злобу в прищуре глаз. Ему стало не по себе.

— Нет, ты не подумай! Я просто так!

— Все вы так говорите, а сами не верите! Ну и пусть, мне все равно!

Ему было не все равно. У безразличных к своей судьбе людей не бывает такой раздражительности в голосе, нервного тика лица. Бандура остановился, отвернулся от ветра, начал старательно заворачивать самокрутку. Не замечал, как сыплется на снег драгоценный табак.

— Ты зря мне не веришь,— отрывая губы от газетного листка, сказал он и вдруг понял, что его слова никого не достали. Петьки рядом не было.

«Чертовщина какая-то,— мысленно ругнулся Григорий.— Удрал и наверняка обиженный. Не нужно было начинать этот разговор. Малец наверняка ни в чем не виноват, да и с Петром не все ясно. Здесь еще разобраться нужно...»

Бандура не знал, как трудно будет разобраться в деле Малахова. Людей, которые знали настоящую роль Петра в оккупированном Песчанске, уже не было в живых: Узлова казнили гитлеровцы, армейский комиссар Яворчик погиб зимой сорок первого под Москвой.

XVI

Гавря поднялся затемно. Коротким июньским междузорьем мелькнула длинная зимняя ночь, ушла в небытие, вышвырнула не успевшего отдохнуть человека в начинающийся день, избыточно полный тревог и забот. Извеков зажег фитилек, напитанный дельфиньим жиром, осторожно, дабы не притушить робкий огонек, стал одеваться. В комнате холодно, на стеклах окон — пушистая в половину пальца толщиной шерстка изморози. Давит мороз, трудно будет на льду рыбакам. Последнюю фразу произнес вслух, криво усмехнулся. Какие уж там рыбаки? Бабы да детвора остались в поселке. Мужиков всего двое — сам Гавря да Савелий Бандура. По нынешним временам — сила.

В печке еще были угли. Прямо на них, сняв все кружки, Гавря поставил котелок с морковным чаем. Прохромал к подоконнику, снял выставленную с вечера тарелку рыбного холодца. На кухонном столике приготовил немудреный завтрак. Знал, что раньше ночи домой не попадет, силой заставлял себя пережевывать застывшие куски судака. Попадавшиеся ломтики осетрины отодвигал к краю тарелки. Приелась жирная севрюжина, не лезла в горло. Клал ее в кастрюлю для наварки.

Рыбы было много. Три военных года не трогали люди моря. Спокойно нерестились на опресненных мелководьях косяки, уходили нагуливаться в глубину. По весне утроенное стадо вновь заполняло лиманы и бухты, спокойно минуя минные поля и скрытую под водой колючую проволоку. Исполнив извечный долг, рыбины беспрепятственно проходили некогда заставленные сетями, ставными неводами, вентерями, посудой и прочими орудиями лова водоемы, скатывались в безбрежную ширь моря. От Песчанска до Крыма привольно разгуливали в родной стихии неисчислимые стада осетровых, судака, леща, кефали, рыбца и прочей азовской живности.

Еще осенью, сразу же после освобождения Гамково, наспех собранные в сараюшках и на чердаках дряхлые сети начали давать такие уловы, о которых накануне войны и мечтать не могли в поселке. Зимняя подледная путина вконец измотала рыбачек. У выборных ополоней росли кагаты замороженной рыбы. Выносить ее по узким тропам, виляющим среди надолбов льда, было некому. Да и много ли утащишь в заплечном мешке после дня изнурительной работы на морозе?

Гавря убрал на столе, притушил каганец. На дворе морозный воздух резанул горло, вызвал кашель. Рассвет угадывался по едва заметной серости над морем. Слабенький свет был не в силах притушить холодный свет больших звезд, стыдливо сливался с заснеженным покровом льда. Уверенно угадывая в полумраке тропу, Извеков пошагал к правлению. Он шел устало, словно не поднялся несколько минут назад с постели, а только направлялся к ней после трудного дня. Незримый груз неразрешимых проблем и забот, навалившийся на него с первого дня вступления в председа-

тельскую должность, физической тяжестью давил на тело, не давал передышки даже во сне.

Позавчера Гавря распорядился сломать сети Что проку от промысла, если весь улов остается на льду? Рыба нужна в городе, но вначале необходимо переправить ее хотя бы на берег. Этим сейчас и занимались камковчане Два дня сновали по торосистому льду люди, а кагаты, казалось, стояли нетронутыми Такими темпами и за месяц не управиться. Хорошо, если продержатся морозы. Может случиться и по-другому: дохнёт моряна — поднимет лед, потом зайдет ветер на север и поплывет ледяное поле вместе с рыбой Пропадут труды.

У дверей правления долго отбивал ноги от снега Сапоги давно были чистыми, а он не спешил открывать входную дверь Она, как пасть капкана, захлопнется за тобой легко, а отпустит не сразу То ли дело работалось Кружилину! У него и бухгалтер, и счетовод были, и МРС под боком А тут один-[illegible], успевай поворачиваться.

— Чего ты топчешься, чисто тебе кум у вдовой кумы на пороге? — хрипловатый послышался смешок.

— Ты, Анна? — узнал [illegible] Нюрку Кравченко — Чего это ни свет ни зоря?

— До сна ли, Степанович! Думки всякие насовсем одолели. За день намаешься, [illegible]. Стоит перед глазами та рыба [illegible], [illegible] и никуда от себя не отпущает, будь она [illegible] проклятая!

Бригадирша первой вошла в правление. [illegible] — за ней В кабинете холодно, потому не раздевались. На женщине не меньше десятка всяких одежек, покрытых старым ватником От того кажется она громоздкой и солидной, хотя от бывшей Нюрки половина осталась. Смерть мужа, а потом [illegible] страх во время оккупации за детей и себя вконец извели бабу. Спасло Худячиху то, что с приходом немцев ушла она с детворой в глухое село северной Таврии, где и прожила почти батрачкой у крепкого мужика Останься дома — отправили бы бригадиршу туда, куда ушли Игнат Кальченко, Дуська Калганкова и другие камковчане

— Что делать будем, Гаврюша? — [illegible], что опять не было на нее похоже, спросила Нюрка В больших [illegible] глазах — застаревшая мука

— Кабы, де, знал я! — [illegible] головой [illegible] Рукавом телогрейки размашисто стер пыль со стола — Думка у меня [illegible] у город податься. До горкома, де, [illegible] — дело гиблое Там люди похлеще нашего закрученные От [illegible] одно название, а остального ничего нету. Что, де, говорить. Сама про все знаешь. Пройдусь я, Нюра, по заводам и фабрикам [illegible] Можно и на такое согласиться, чтоб с половины людей нам кинут. Можно и на такое согласиться, чтоб с половины рыбу разбросать. Один мешок нам, другой — тому, кто носит. Все одно, де, пропадет.

— Правда твоя, Степанович! — не задумываясь, согласилась бригадирша.— Все одно, до кого та рыба попадет, абы людям дос-

талась. Прямо-таки надо у город подаваться. Хоть до заводчан, хоть до солдат. Токи, как ты туда доберешься? Могеть, кого помоложе послать? У молодых ноги посильнее.

— Ничего, через бухту дошлепаю. Молодым, де, какая вера будет? Да и слов нужных они для разговора не найдут.

— Тогда и засиживаться нечего — решительно поднялась бригадирша.— Делов вона сколько, а день насовсем короткий.

В Песчанск Извеков добрался к обеду. Сразу же отправился на Красномайку. Хоть и нет завода, но из людей наверняка кого-то встретит. Рабочий люд здесь свой, не раз выручавший камковчан из беды.

У проходной бывшего главного входа — женщина с трофейной немецкой винтовкой. Телогрейка опоясана широким солдатским ремнем с патронташем. На руках у бабы — брезентовые рукавицы с одним пальцем.

— Ты чего, де, тута охраняешь? — удивился Гавря, скользнув взглядом по захламленной развалинами территории, на которую можно было попасть, откуда захочешь.

— То не твоего ума дело, милок! — хрипловатым голосом, отнюдь не ласково, сказала охранница, перекинула винтовку из руки в руку.— Коли наш — давай пропуск. Нет,— катись подальше!

— Сурьезный, де, вопрос ставишь. А махры у тебя случаем не найдется?

— Чего?

— Махры, говорю. У служивых, де, табачок завсегда бывает.

— Сейчас закуришь! — Охранница стыдливо отвернулась, достала из-за пазухи милицейский свисток, дунула в него. Невесть откуда появившейся подружке, но уже с кобурой на брезентовом ремне, сказала: — Подозрительный тип, товарищ караульный начальник. Провокационные вопросы задает!

— Кто такой? — Взгляд подошедшей настороженно пытлив, рука ложится на кобуру пистолета.

— Службу знаете, дамочки! — удовлетворенно сказал Гавря.— Не премину об этом, де, по начальству доложить. А теперя посоветуйте, иде мне Гришку Бандуру сыскать? Дюже надо.

— Григория Савельевича?

— Его самого.

— Партком здесь рядышком, в подвале. Идите вперед, провожу!

Шел Извеков как бы под конвоем. Радуясь, думал: «Значит, живет Красномайка. Назло всем вражинам живет. Порядок, он завсегда, де, с серьезности начинается. Тут, видать, ее соблюдают!»

Длинный спуск по каменным ступеням. Поворот направо, и Гавря даже остановился от неожиданности: самая настоящая, пусть даже вполнакала горевшая электрическая лампочка освещала помещение, напоминавшее коридор.

— Чего застыл? Топай! — строго прозвучало позади.

— Так, де, горит, видишь! — задрав голову, радостно сказал

Гавря. На лице выражение, как у ребенка, заполучившего в руки долгожданную игрушку.— Как до войны!

— Уже целую неделю горит,— отозвалась охранница, поняла, что сказала это не тем тоном, каким нужно говорить на службе, поправилась.— Подождите здесь, гражданин!

Обошла Извекова, открыла фанерную дверь в боковушку:

— К вам посетитель, Григорий Савельевич. Можно?

Ответа Гавря не стал слушать, решительно отстранил охранницу, шагнул в помещение:

— Здорово, Гриша!

— Гавря? Какими тебя ветрами, дружочек?

У Извекова почему-то сразу разболелась нога. Шел к Бандуре, прихрамывая сильнее обычного. На полдороге к столу, прикрытому красной скатертью, обнялись. Краем глаза видел Гавря, как осторожно прикрыла дверь охранница.

XVII

Помещение парткома напоминало тюремную одиночку. Сходство усиливало зарешеченное оконко, присыпанное с наружной стороны снегом. С[illegible] оно не давало, во [illegible] случае сейчас. Выручала такая же, как в коридоре, лампочка.

— Да, задал ты мне [illegible] — [illegible] Бандура, меряя шагами боковушку.— [illegible] людям сейчас о твоем предложении — [illegible] рет. Здесь думать нужно. [illegible] думать. Без [illegible] мы никак не обойдемся. Но идти [illegible] что-то дельным. Нельзя отнимать у товарищей время. То, что ты мне наговорил, никуда не годится. Найдутся такие, что не за половину, за четверть пая работать у вас согласятся. Набьет такой мешок рыбой — и на базар. Продавать кому будет? Своим же товарищам, тем, кому рабочая совесть станки не позволила бросить. Втридорога с них сдерет. Справедливо? То-то!

Они уже больше часа были вдвоем. Извеков, поведав товарищу о своих невзгодах, сейчас слушал Григория и понимал, как недоступно широко для него мыслит Бандура, находит во вроде бы простом и понятном деле ту политическую подоснову, без которой немыслим настоящий коммунист. Казалось, какая разница, кому отдать рыбу, которая может не сегодня-завтра пропасть по прихоти природы? Попадет она к людям, кого-то насытит и это уже хорошо. Так думал Гавря, идя сюда. Сейчас ясно сознавал, что поступи он так, как хотел, была бы нарушена мера справедливости.

— Ладно, де, ты мне про другое поведай. Как же нам все-таки быть? — хмуро сказал Гавря.— От балачек дело с места не сдвинется.

— Не знаю! — останавливаясь, пожал плечами Григорий.— Потому и предлагаю думать. А ты сидишь, как примороженный. Обиделся на меня? Может, чего не так сказал?

— Все правильно,— покривил душой Гавря. Соглашаясь с правотой Бандуры, он чувствовал себя немного уязвленным. Привык,

особенно в последнее время, что его решение всегда являлось окончательным и пересмотру не подлежало. Впрочем, ничем себя не выдал. Научился владеть собой за годы подполья.

— Да, слушай,— неожиданно спросил Бандура. Спросил совсем не о том, о чем был у них разговор, и этим удивил Извекова.— Катерина в поселке не появлялась?

— Это какая?

— Малахова.

— А, Столбучиха! Де, не было. Чего это ты за нее вспомнил?

— Сына ее с месяц назад на заводе видел. Потом как в воду канул. У ребят спрашивал, никто ничего не знает. Думал, может, мать объявилась, и он к ней подался.

— Мне эта семейка ни к чему,— насупился Гавря — Я бы таким каменюку на шею вешал и у море, де, выкидывал. Ты далеко сотседова был, токи слухами пользуешься, а я своими глазами видел, что с людьми малаховы вытворяли. Так-то во, Григорий Савельевич.

— Погоди, чудак! Катерина-то при чем? Она же воюет

— Про это нам ишо ничего неизвестно. Могеть, и воюет. Токи на какой стороне? И вообще, Гриша, ты мне такими разговорами душу не тревожь. Не за тем я к тебе пришел.

Вроде бы подменили человека. Сидел, запросто разговаривал, а здесь, как еж перед опасностью, колючки распустил.

«Пришлось ему хлебнуть, не скоро отойдет. Страшно, если надолго веру в людей потеряет. Но сейчас лучше его не трогать. Обозлишь»,— подумал Григорий. Вслух сказал: — Нет так нет. Давай о деле. Я думаю, надо нам что-то вроде воскресника организовать. Народ соберем. Потом прикинем, сколько люди зарабатывают, на эту сумму и отпустишь нам рыбы. Да не каждому в мешок, а на заводской ОРС. Пойдет она в общий котел. Все довольны останутся. Подходит?

— Де, как знаешь,— устало ответил Извеков. Впрочем, сразу же понял, что переложил ношу на другого, извинился.— Ты, Гриша, де, сердца на меня не имей. Устал я чой-то..

— Погоди,— насторожился Григорий,— ты как сюда добирался?

— На своих, известное дело.

— И назад на них?

— Как же ишо?

— Так дело не пойдет. Что-нибудь с транспортом придумаем. А сейчас ко мне. Перехватим на дорожку, да и Оксана тебя рада будет видеть.

— А как же с горкомом?

— Сам вечером к первому зайду. Мужик он толковый, вашего брата рыбака любит. Столкуемся.

— Спасибо, Гриша.

Впервые за много дней что-то похожее на облегчение почувствовал Извеков. Воскресенье через два дня. Если и впрямь заявится на косу народ, можно продолжать промысел. Рыба сама в руки лезет. Было бы их в достатке — рук.

Поплавский, уже вернувшийся из эвакуации и временно возглавивший завод, даже не спросил у Бандуры, зачем тому понадобился единственный заводской «транспорт» — вислоухая лошаденка и собранные мастеровыми сани. Знал, без нужды тот не стал бы просить. Тут же попытался включить Григория в работу, подсунув ему папку с письмами из Наркомата, но тот извинился, сказал, что зайдет через несколько минут.

Извеков, уже настроившийся на долгий переход через бухту, при виде саней сразу размягчился. Может, сказалась здесь и предобеденная чарка, налитая Оксаной. Он как-то вдруг только сейчас понял, что не зря побывал в городе. Рыбачки, узнав о скорой помощи рабочих Красномайки, наверняка обрадуются и, конечно, еще больше зауважают председателя. Можно будет даже несильно подначить Худячиху. Вот, дескать, советовала послать кого-нибудь из молодых, а что бы они добились — молодые? Только бы дров наломали. Сдуру договорились бы, чтоб горожане работали у них за полпая, оставили бы колхоз. Наверняка бы пришлось в горкоме ответ держать. А время сейчас серьезное.

Гавря как-то позабыл, что тележку пополам предложил он сам. Забыл потому, что помнить ему об этом было совсем ни к чему. Ну, заблуждался поначалу, с кем того не бывает, потом таки вышел на верный курс. А кто из молодых смог бы вовремя поправиться?

— До свиданьица, Гриша,— умащиваясь в санях, сказал Извеков...— Значится, де, ждем всех вас у воскресенье. Так я и народу скажу.

— Непременно будем. Отцу кланяйся. Зимой не обещаю, а по весне обязательно к нему выберусь. Бывай здоров!

Возчик тронул лошадь, под полозьями саней скрипнул накатанный наст. Вислоухая тюпала мелкой рысцой, легкость саней не тормозила хода. Забеленные снегом, проскальзывали остовы развалин. Выгоревшая полностью улица была пустынной. Так и выбрались к морю, не увидев на тротуарах ни одной фигуры.

Не больше сорока минут ушло на обратный путь через бухту, утром отнявший у Гаври несколько часов. Радовало Извекова, что с добрыми вестями приехал он в поселок, и все же после разговора с Григорием остался неприятный осадок. Вроде бы натощак, еще не совсем проснувшись, выкурил толстую самокрутку крепчайшей махры. Теперь хоть кашляй, хоть плюйся — от сделанного не уйти. А всему виной Малахов. Не мог простить себе Гавря, что зимой тридцать шестого стал на защиту Петра, надрывая горло, спорил с инструктором горкома, который первым сказал в поселке, что их бывший комиссар — враг народа.

«Де, враг он уже тогда был,— прячась в брезентовый плащ от студеного ветра, думал Извеков.— Партия его вмиг разглядела, а мне чисто туманом глаза застило. Пьянчужку Игната Кальченко послушал, народ за Малахова поднял. Теперя до конца жизни позора не смоешь, каждый, кому не леньки, могеть, де, тебя в паскудную ошибку носом ткнуть и правым будет!»

Одно утешение у Извекова, что сейчас не просто обвести его вокруг пальца. Сто раз прощупает любого, покуда поверит, и то не до конца.

XVIII

Радость большая в Камково. Редкое по военным временам явление. Сдержал слово Григорий Бандура, в воскресенье привез в поселок не меньше сотни человек. Не только красноармейцев собрал, с Азово-Черноморского завода народ притащил, портовых грузчиков, нефтяников Крекинга. Рыбачек такой наплыв и утешил, и в беспокойство ввел: народ изголодавшийся, «тормозки», как сумочки с немудреной едой назывались, тощие. Подкормить людей надо, а чем? Шушукались женщины, прикидывали, что из домашних запасов можно в общий котел бросить, да так, чтоб и себя не обидеть, и в грязь лицом не ударить.

Первой до дельной мысли додумалась Нюрка Худячиха, как по старинке продолжали называть бригадиршу рыбачки.

— Чой-то мы дюже мудрыми стали, бабоньки,— сказала Нюрка и сама себя за непамятливость тяжелой ладонью по лбу прихлопнула.— Еды у нас на льду стоки лежит, что увесь чисто город накормить можно. То для нас рыба эта поперек горла стала, и смотреть на нее мочи нет. Остальным она ишо не приелась. Юшку сообразим понаваристей — и все дела!

— Гля, а ить и правда! — поддержала ее Матрена Крутоверхняя, бывшая жена Федора Бандуры, принявшая в самый канун войны фамилию нового мужа.

— Ишо муки иде-то достать, пышек бы заместо хлеба напекли...

— Мука не рыба, подо льдом не поймаешь.

— Усе будет, бабоньки! И мука и до муки! Ишо одна мысля у меня имеется. Правда, дознается про нее Гавря, председатель наш, голову оторвет. Да уж бог с ним! Мало ли нам перепадало?

У мужиков свои заботы. От берега до ровных илах, где стояли кагаты с рыбой, километр торосистого льда. Путаной змейкой вьется между глыбами пробитая рыбачками тропка. Вдвоем на ней на разойдешься.

— Дорогу нужно бить,— щуря глаза от ярких солнечных зайчиков, вспыхивающих на гранях льда, сказал Бандура.— Иначе запаримся на рубль, а сделаем на копейку. Саперы есть?

— Саперы найдутся, но только к дороге и транспорт нужен,— задумчиво отозвался один из портовых грузчиков.— Сани бы сюда и не одни... Может, есть у них?

— У председателя спросим.

Григорий осмотрелся. Извекова не было. Только что встречал приезжих и вдруг пропал. Спросили у камковчан, в ответ — недоуменное пожатие плеч:

— Он у нас чисто тебе фелюжка под двумя моторами. Полный ход дал, только его и видели.

— Что же, братцы, вооружайте нас. Тащите топоры, ломы, лопаты...

— Это мы мигом.

Через полчаса дружная закипела на льду работа. Привычные к труду мастеровые, люди коим за военные годы всякое приходилось делать, начали бить дорогу в торосах.

Извеков, меж тем, выяснял отношения с бригадиршей. Еще здороваясь с прибывшими, увидел он, как несколько рыбачек из бригады Худячихи двинулись по тропке к кагатам с рыбой. Вначале не придал тому значения, мало ли какая нужда потащила женщин в торосы, но когда еще трое, пошептавшись с Нюркой, пошли вслед за первыми, смекнул, что дело здесь нечистое. При посторонних разговор заводить не решался, сам потихоньку похромал к рыбе. Поспел к тому моменту, когда рыбачки стали набивать мешки мороженымн судаками и осетрами. То ли от ходьбы, то ли от волнения почувствовал на спине испарину:

— Вы чего же это, де, вертихвостки, делаете? — гневно прошипел Извеков.— Кладите рыбу на место и чтоб и духа, де, вашего здеся не было!

— Ишо один начальник нашелся! Скоки вас на нашу голову расплодилося? — с возмущением выцедила Сонька Мерликова, молодуха бойкая и на язык острая.— Надоть тебе эта рыба, так и забирай!

Демонстративно швырнула мешок под ноги председателю, как заправский мужик сплюнула на лед. Из зева мешка выскользнула голова пудового осетра, остекленелая ехидненько смотрела на Извекова замороженными глазами. Такого издевательства никак не мог стерпеть Гавря. Словно на восходящее солнце взглянул, розоватая жижица глаза залила. Шагнул Извеков к бабе-пересмешнице, да про мешок забыл, споткнулся. Наверняка бы растянулся на льду, если бы не поддержали его крепкие руки. Знакомый голос бригадирши услышал:

— Во чудеса какие! Никак на радостях с утра выпил наш Гавря Степанович. На ногах не стоит.

Невесть откуда появилась Нюрка. Увидела позу Соньки и лицо Извекова, поняла, что столкнулись двое, и по всему видать, крепко. Решила шуткой охладить накал спора. Но Гаврю не слова бригадирши вернули к действительности, а боль в ноге от удара о мороженую рыбу

— Вота, де, как вы Советской власти помогаете и всем тем, кто сейчас на фронтах кровь проливает,— освобождаясь от объятий бригадирши, сказал он — Заместо того, чтоб каждый шматочек колхозного добра беречь, вы его нахально среди белого дня разворовуете!

— Да окстись ты! — Нюрка шутливый крест начертила перед лицом председателя.— Ить это на обчее дело рыба готовится. Народ приезжий подкормить надо, юшку мы затеяли сделать.

— Почему мне про то ничего неизвестно? Почему, де, председатель в последнюю очередь узнает про то, что в колхозе делается? — все еще повышенным тоном, но уже на переломе спрашивал Гавря.

— У тебя своих забот мало? — не выдержала Сонька. Хотела еще что-то добавить, но ее опередила Матрена:

— Неужто запамятовал братушка, как ишо при Малахове, когда мы первый колхозный стан делали, тожесть юшку варили и народ ею подбадривали?

Упоминание о Малахове совсем ни к чему было. Нюрка поняла это по дернувшемуся лицу Извекова. Тут же взяла председателя за плечи, повернула лицом к берегу:

— Ты лучше погляди, чем люди занимаются. Все, как ни есть работают, а ты здеся с нами воюешь. Что про тебя люди скажут?

— С вами тута насовсем, де, голову потеряешь! — уж просто так, чтоб оставить за собой последнее слово, сказал Извеков. Решительно похромал к берегу. Матрена бросилась вслед брату, но Нюрка остановила ее, пригрозила кулаком:

— Пущай топает! У него свои заботы, а у нас — свои.— Повернулась к Соньке.— Чего ты с ним не поделила?

— Так ить он накинулся чисто скаженный. Чуть с кулаками в драку не полез.

— Ты тоже хороша, знаю! Могла бы и стерпеть. Ну ни ладно. Хватит балачками заниматься. Делайте все, как говорено, а я буду возле председателя вертеться. Коли понадобится, приглушу его.

— Значит, ничего не отменяется? — спросила Матрена.

— Никаких отменов! Все по-старому остается. Токи заместо Соньки сама у город поедешь, бо она и там дров наломает.

Последнее распоряжение бригадирши явно пришлось не по душе Матрене, но она промолчала. Понимала, какая бы добрая уха не получилась, без хлеба она ничто. Муки на пышки можно было добыть только в городе. Потому еще с утра решили рыбачки отвезти на Матросскую слободку пудика три рыбы и обменять на крупчатку. Знали, что плохо делают, да время было такое, что порой плохое оборачивалось хорошим и наоборот.

Извеков подошел к работающим и удивился, как много сделано. Почти полдороги приведено в порядок. Мысленно ругнул себя: «Де, токи время потерял с этими бабами! Рази можно с ними серьезные дела вести? Окромя бесполезности, ничего не получишь. Вона иде настоящее происходит, и мне как руководителю тута и находится надо, а я встрял в проклятую ненужность, чисто тебе тупоголовой чебак у сетку!»

Григорий с отцом работали в паре. Увидев подходящего Извекова, сделали передых.

— Слышь, Степанович, здесь батя интересную штуку предлагает,— сказал Григорий. Разгоряченный работой, с бисеринками прихваченного инеем пота на лице, он вроде бы помолодел.— Баркасы у вас без дела на берегу валяются. Если поставить их на салазки, что-то вроде кильблоков придумать, можно вместо саней посудины использовать. В каждый не меньше двух тонна рыбы войдет. А если с горой, то и все три. Подходит?

— Тута и раздумывать нечего,— не ожидая ответа Извекова, вмешался старик.— Мы у старое время, когда за барабулей под

Крым бегали, таким макаром груженые посудины на берег вытаскивали. Компасов никаких не было, ходили, берега придерживаясь. Хоть и круг большой, зато надежно. Чуть залетит погода — враз баркас на катки, парус доверху, чтоб ветер помогал, и на сушу. Так то по песку делалось. А по льду посудина весенним кобелем побежит, шно гнаться будешь!

— Можно и попробовать,— согласился Гавря, мысленно прикинув, что если дело пойдет, городские помощники им больше не понадобятся. По накатанной дороге с таким транспортом и бабы управятся. Такое он думал, а вслух, так и положено рачительному хозяину, рассуждал:— Под салазки старые гундеры можем приспособить. Для моря они вже не годятся, а сюда пойдут. Скобы, де, есть. Перед войной хотели новый причал в бухте выбить, так не пришлось. Теперь железо без нужности и валяется. Точно, пробовать надо.

— Попробуем и непременно все, как надо, получится,— немножко обиженно бросил Савелий Маркович.— Дело, как винца выпить, ясное. Ни до какой бабки ходить не надо. Давай, Гришка, сбивай [illegible] бригаду, а я ватажком у нее пойду. Покажу людям, шо и как делать...

Первый, поставленный на самодельные салазки баркас нагрузили до половины. Вдруг, как не хватит силенок тронуть посудину с места? Муравьями облепили борта, сдвинули диковинное сооружение, и оно пошло, чем дальше — тем быстрее. Сглаживалось на ноздреватости льда сырое, выморенное морем дерево, обретало скользкость.

— Отходь! — кричал Савелий Маркович, силой оттаскивая мужиков от баркаса.— Десяток человек оставайся, остальные — на погрузку.

Но и десятка оказалось многовато. Когда отладили дело, троих оставляли толкать баркас. За двенадцать ходок переправили на берег больше двадцати тонн рыбы. На плахах возле выборочных ополоней, там где с утра высились кагаты мороженой рыбы, сиротливо алели розовато-сукровичные пятна. А солнце стояло еще высоко и до темноты было далеко.

«Трошки, де, промахнулись мы. Надоть было по утрянке сказать бабам, чтоб они заместо своих выдумок с юшкой сетки высыпали. Назавтра опять бы с уловом были. Теперь, де, чего не промышлять? Выпутывай рыбу, свеженькую у баркас кидай и на берегу складывай».

Так рассуждал Извеков. Идущий позади, он не видел, как оживлялись лица людей, выходивших на берег и узнававших, что их ждет обед с самой настоящей рыбацкой ухой.

XIX

Керченским проливом шел мотобот. Нещадно прокопченный, издали похожий на игрушечный детский утюг, он весело тянул за собой сизоватый шлейф дыма, упрямо расталкивал деревянной грудью небольшую волну. У Василия, как при встрече с близким

и дорогим человеком, радостно кольнуло в груди. Сейчас бы с этими ребятами в море. С головой окунуться в весеннюю неразбериху запахов, в предчувствии неизвестности, что таят для тебя стоящие в глубине сети, схватиться за обросшую ракушками махалку, взять на борт скользкий канат подкотовника. Василий тяжело вздохнул, правой рукой полез в карман брюк за кисетом. Левая висела на перевязи.

Бандура стоял на Митридате. Отсюда, с высоты, хорошо просматривалась Керчь — древний русский город Корчев. Впрочем, города не было. Остались развалины, за два года четырежды перепаханные войной. Ни одному азовскому или причерноморскому городу не досталось на долю столько, сколько выпало Керчи. Осенью сорок первого больше месяца держались на небольшом пятачке полуострова солдаты, матросы и ополченцы Приморской армии, давали возможность переправиться на Таманский берег уходящим из Крыма войскам. В конце декабря оборотной волной хлынул наступающий вал с кубанского берега на крымский. Смыл с Керченско-Феодосийского плацдарма фашистскую нечисть. В мае сорок второго вновь закипел пролив, поднялись известковая пыль и дым пожарищ над древней землей Пантикапея. Ровно через два года Василий Бандура поднялся на Митридат, но ступил он на эту землю гораздо раньше — в ноябре сорок третьего.

Полгода назад отправил в Песчанск Петьку Малахова, Василий передал с ним письмо к отцу, в котором просил старика присмотреть за мальчишкой. Ответа из хутора он так и не получил, и в этом не было ничего удивительного. Ровно через день, когда тихоходный сейнер был еще на полпути к Песчанску, дивизион «мошек» ушел с десантом под Эльтиген. «Семерку» подбили у самого берега. Снаряд разорвался по корме, отбил винт, покорежил гребной вал. Беспомощный корабль стал легкой добычей фашистских артиллеристов. Десант и команда нашли спасение на берегу. Сорок дней и ночей, практически отрезанные от своих, на пяти квадратных километрах, невесть кем названных «Огненной землей», дрались десантники. Потом — рейд по тылам противника к подножью Митридата, где оставшихся в живых забрали и переправили на Кубань корабли флотилии. Какая полевая почта смогла бы найти Бандуру?

Ранило Василия в апреле сорок четвертого в дни окончательного освобождения Крыма. Шальной осколок на полувзлете, зубами взбесившегося пса, вгрызся в руку, сломал кость. Наскоро прооперированный в полевом медсанбате Бандура посчитал, что отделался сравнительно легко, но рука заживала плохо, пальцы почти потеряли чувствительность. Вторая и третья операции заметного улучшения не принесли. Вчера на комиссии главный хирург госпиталя сказал Бандуре:

— Порадовать, батенька, вас ничем не могу. Хотя и для больших огорчений причин нет. Время и ваша настойчивость — вот лучшие лекарства. Флоту вы покуда не нужны. Будете долечиваться дома. Далеченько до дому добираться?

— Через море...
— Таганрог, Мариуполь, Песчанск?..
— Песчанск.
— Ну, батенька, вам повезло! На вашем курорте прекрасные грязи. Накануне войны Песчанский институт физических методов лечения славился на всю страну. Что-нибудь да от него осталось. Вы просто счастливчик, старший лейтенант. В идеальное место для лечения своей раны едете. Документы вам не задержим, через неделю дома будете.

Прощание с Керчью не было для Бандуры прощанием с Крымом, который много значил в военной судьбе Василия. Набеги «Шквала», Аджимушкайские каменоломни, мыс Чауда, Эльтиген — все это были для него не просто географические названия, а кусочки жизни, истраченные на то, чтобы вернуться в изначальное состояние, из которого его вырвала война. Утренние и вечерние рыбацкие зори, штилевые и шквальные погоды родного Азовья, тишина бухт и штормовой гул верхового берега Камковской косы канули бы для него в небытие, если бы не стал он на их защиту.

Осторожно ставя ноги на ступени ведущей с горы лестницы, Василий спустился в город. Ему нужно было на Колонку, где у причалов завода Войкова базировались корабли дивизиона. Пешком далеко. Не так просто после длительного лежания в госпитале осилить несколько километров до заводского района. Оказия могла случиться возле рынка. До него от лестницы были считанные метры.

Базар был немноголюден. Торговали рыбой, вином, подозрительными чебуреками. У входа безногий матрос на тачке-каталке, где вместо колес стояли шарикоподшипники, наяривал на трофейном аккордеоне, тянул модную среди десантников песенку:

Так поцелуй ты меня, Перепетуя,
Я тебя безнадежно люблю.
И готов я, хоть жизнью рискуя,
Все отдать за улыбку твою.

Для сбора подаяния у каталки лежала замусоленная бескозырка. В ней, придавленные камнем, бумажные деньги. Медь и серебро в ходу не были.

Матрос зацепил взглядом Бандуру еще на подходе. Всхлипнул и захлебнулся сжатый сильными руками аккордеон.

— Старлей, браточек!.. Герою Эльтигена!.. Чем сможешь!..

Голос от вина был хриплым, звучал занудливо.

Василий смотрел не на матроса — на валяющуюся в пыли бескозырку. Он всяко видел эти головные уборы матросов: лихо сидящие на самых макушках, измятые от долгого лежания за отворотами солдатских гимнастерок, которые носили морские пехотинцы. Они доставались в самые последние секунды перед атакой, удерживались на головах зажатыми в зубах лентами. Он

видел их окровавленными, пробитыми пулями и иссеченными осколками, но протянутыми для подаяния — никогда!

— Ты, стерва!..

Что-то случилось! Вначале Бандура и сам не мог понять что. Нечаянно взглянул на висевшую на перевязи руку и не поверил глазам. Пальцы, которые больше месяца почти не шевелились, были сжаты в кулак. Василий не видел и не слышал, как испуганно бросив: «Я вас понял, товарищ старший лейтенант!»,— мгновенно исчез побирушка. Попробовал разжать пальцы — и не смог. Сделал это, только помогая второй рукой. Но ведь как-то получилось? Значит, получится еще и еще! Бандура, не задумываясь, подошел к винному ряду, остановился у первой торговки:

— Плесни, мамаша!

Здесь наливали не в стаканы, а в пол-литровые банки. Бандуре нашли пивную кружку, предварительно протертую сомнительной чистоты передником. Вино было прошлогодней давки. Он понял это, сделав несколько глотков. Допил, поставил пустую кружку на прилавок, потянулся рукой к карману. Торговка придержала его.

— За что обижаешь, родимый? Хошь, еще на дорожку налью? Деньги от флотских не берем.

— Спасибо, мать!

— Здоровья тебе. Живым домой возвращайся!

Попутного ничего не было, и он пошагал на Колонку пешком. Авось, кто-нибудь подберет по дороге. Выпитое вино бодрило, делало шаги легкими.

«Может, я зазря обругал калеку?— размышлял Василий и тут же опроверг себя.— Нет, матрос под деньгу бескозырку бы в пыль не бросил. Гад какой-то! Теперь их много к Эльтигену, Новороссийску, Севастополю примажется. Попробуй разберись. Да и кто будет на базаре разбираться?»

Василий переходил через переезд идущей в порт железной дороги. На минуту остановился посмотреть, что осталось от колеи. Фашисты рвали полотно экономно: клали заряды на стыках, одним взрывом приводили в негодность две рельсы. Как назвать это изнурительное и неблагодарное занятие? Не так-то просто отмерять десятки, а то и сотни километров пешком или на дрезине, оставляя за собой рваное на каждом стыке полотно. Слова «труд» или «работа» сюда никак не подходили, потому что, сколько помнил себя Бандура, они значили для него созидание. Как бы назвали рыбаки человека, выехавшего на промысел и начавшего резать приуха, соединяющие сетки? Наверняка сумасшедшим. Здесь сумасшествие было умышленным.

Размышляя, Василий услышал за спиной шум мотора, обернулся. По дороге споро катил штабной «виллис». Бандура поднял здоровую руку. Машина притормозила в метре от него.

— Вам далеко?

Дверка еще только открывалась, и Василию не было видно человека, сидящего рядом с водителем, но он уже узнал этот голос.

— Марийка?

— Вася?.. Боже мой, Вася!

Еще ничего не было сказано, они даже не успели потянуться одни к одному, но Бандуре уже стало ясно, что ни он, ни эта женщина с погонами капитана медицинской службы ничего друг для друга не значат и виновата здесь не случайность встречи, а что-то другое, у каждого свое, что прочно вошло в их жизнь за военные годы.

— Ты ранен, Василек?

— Так, царапнуло.

— Может, заглянем к нам в госпиталь — я посмотрю?

— Не стоит.

Марийка тоже понимала, что все слова, которые они сейчас говорят, просто отвлекающий маневр, уводящий их от главного, от того, о чем лучше бы, прильнув друг к другу, помолчать.

— Товарищ военврач, там же подполковник ждет!— подал голос водитель.

— Сейчас едем. Тебе куда, Вася?

— Проезжайте, мне близко.

— Зачем же останавливал?

— У комдива точно такая машина.

Василий врал, и она понимала, что он говорит неправду, но ей это почему-то не было неприятным, даже, наоборот, уменьшало скованность первых минут встречи.

— Наш госпиталь на Опасной, заходи.

— Спасибо, попробую выбрать время.

— Товарищ военврач!..

— Едем, Степан!

Только теперь, стараясь не задеть раненую руку Бандуры, Марийка легко прижалась к Василию, поцеловала в щеку:

— Заходи!..

— Непременно...

Василий долго смотрел вслед уходящей машине и только тогда, когда она скрылась из глаз, зашагал по той же дороге, по которой ушел «виллис».

XX

День...

На вершине каменистого мыса, искореженная взрывом, уродливо изогнувшись, стоит металлическая вышка навигационного знака. Не скоро вернут ее к жизни люди, но сколько бы лет не прошло, наступит время, когда бросит она с высоты в ночную темень присущий только ей луч света. Три секунды огня, две — затемнения.

«Копчик заговорил!» — увидя знакомые вспышки, скажут рыбаки, возвращающиеся с глубинного лова.

Это будет, непременно случится! Но только после победы. Когда в уготованный час одновременно вспыхнут на всем побережье многочисленные и разноцветные огни маяков, буев, бакенов, знаков.

Их никогда не увидят те, кто лег в могилы скупого братского кладбища, приютившегося у подножия сопки, на вершине которой стоит разрушенная башня.

Скромные холмики с незатейливыми пирамидками у изголовья, увенчанными красными звездами.

С обнаженной головой стоял у одного из них Василий Бандура. Свежая краска на дощечке пирамидки резала красным глаза:

«ФЕДОР САВЕЛЬЕВИЧ БАНДУРА
1902—1942 гг.»

Вот и вновь обрел ты свое настоящее имя, азовский рыбак Федор Бандура! Никогда не узнать тебе о случившемся, но ведь всю жизнь ты хотел и шел к этому. Страшно, когда только смерть исправляет сделанную в молодости ошибку.

День...

Алексей остановил машину возле рынка. Ступил на булыжник площади, вытащил из кабины тощенький вещмешок. Благодарно кивнул сидящему за рулем солдату:

— Спасибо!

— Счастливо, товарищ майор!

Хлопнула дверка, трудяга «ЗИМ» покатил к центру. Бандура бросил мешок за спину, осмотрелся. Теперь, когда не стало скорости и перестали мельтешить перед глазами развалины города, стали видны детали, придавшие законченность разрушенному: осколки битого кирпича, остовы недогоревших балочек перекрытий, причудливые завитушки расплавленного стекла, впрессованные в асфальт тротуара. Все было знакомым и виделось впервые: громада Азово-Донского банка, чуть наискосок через дорогу — Дворец пионеров, еще дальше — городской радиоузел. От всего этого остались только названия и потемневшие от сажи стены с пустыми глазницами окон.

Алексей знал, что в эту дневную пору родителей нужно искать на заводе. От рынка до Красномайки рукой подать, каких-то два квартала. Туда он и направился.

Он шел, вдыхая запах гари, которым, казалось, навсегда пропитались улицы города, и вдруг откуда-то потянуло ароматом цветущего сада. Не задумываясь, как пчела на цветок, он пошел на запах, выбрался на заброшенный людьми двор. В конце его вся в белом, точно заневестившаяся девчушка, стояла молодая абрикосина.

«Как же ты уцелела, родная?— Рука потянулась к шероховатости ствола.— Значит, жить тебе долго!»

Комиссара партизанского соединения Алексея Бандуру отозвали в ЦК КПУ в половине апреля сорок четвертого года. Здесь он получил направление на партийную работу в родной город.

— Война для тебя, Алексей Григорьевич, закончилась,— провожая Бандуру к дверям кабинета, говорил секретарь ЦК.— Но победа к тебе и всем нам придет намного позже военной.

Он хорошо знал жизнь — этот старый партийный работник. Знал, что им придется воевать и после того, как отгремят выстрелы. Воевать за каждый килограмм хлеба, металла, цемента, искалеченные души людей. Их Победа придет непременно, но у нее не будет определенного часа, дня и даже года. Она наступит незаметно, и когда это случится, люди вдруг не увидят развалин на улицах, очередей у хлебных магазинов, калек, тянущих руки за подаянием, малолеток-оборвышей, не помнящих родства. Будет обыкновенная жизнь, она и станет их П о б е д о й!

Часть третья

I

Третий месяц свирепствовал штормовой левант. Ветер, как и ждали камковчане, задул в первых числах апреля, перед майскими праздниками сделал квартиру. Затем бы ему и притихнуть, как случалось и год, и два, и десять лет назад, но, передохнув одну ночь, левант вновь обрушил на Азов и южные степи Таврии валы горячего воздуха.

Согнанная в западную часть моря, вода размыла в нескольких местах Арабатскую стрелку, заполнила Сиваш. Под угрозой наводнения оказались Геническ и селения на берегу Утлюкского лимана. Зато от устья Дона до Таганрога можно было пройти в болотных сапогах. Так говорили приезжавшие с верховьев моря рыбаки.

К концу мая, опаленные суховеем, пожелтели и коконисто свернулись не успевшие набрать силу листья деревьев и виноградных лоз. Высаженные по весне овощи сгорели в земле, не успев пробиться к солнцу. На косе из копанок ушла пресная вода. Для питья ее стали возить из города в бочках, гоняли баркасы к Матросской слободке.

В начале июня утро в Камково и Песчанск пришло на несколько часов позже обычного. Солнце встало в назначенный ему час, но никто этого не заметил. За ночь непроницаемой серо-желтой завесой пыли укрыло небо, она и украла восход. Только к обеду в сумеречной полумгле с трудом можно было различить бледноватый диск, похожий на прикрытую облаками луну.

Две недели мешалась настоящая ночь с искусственной. От пыли некуда было деться. Наглухо конопатили камковчане окна домов, прикрывали их мокрыми простынями — все бестолку.

В половине первого летнего месяца поутру громыхнуло над морем. Хоть и прошло два года после войны, не одно лицо пере-

дернул испуг. Уже не канонада ли? Но то был гром. Он дал знать о себе еще несколько раз, а потом пошел дождь. Грязевые потоки обрушились на поселок, разогнали с улиц все живое. Через полчаса гроза ушла к Арабатской стрелке, оставив после себя чистое небо и селевые потоки на земле.

Потом, словно наверстывая упущенное, часто шли густые дожди. Они смягчали летний зной, несли прохладную свежесть, но выправить сделанное суховеем уже не смогли. От Дона до Днестра, присыпанные густым слоем пыли, лежали страшные в наготе знаменитые таврические черноземы. На них — ни ростка, ни былинки, ни кустика.

II

Савелий Маркович, как всегда, поднялся спозаранку. Хотел выйти из комнаты, не потревожив жену, но та тихо сказала:

— Я счас, Савва... Ишо минутку полежу и зачну завтрак готовить.

— То не к спеху, Надюша. Поотдыхай трошки. А я покуда у бухту до сеток погребусь. Привезу свежака, юшку сообразим. Спи себе...

Что редко случалось, Савелий Маркович пригладил тяжелой рукой седые волосы жены. Надежда Поливановна приняла ласку, по-детски чмокнув губами и тут же задышала глубоко и ровно. Заснула.

Бандура вышел на порог, тяжело вздохнул. Век бы не видеть, что сделала с островом пыльная буря! У восточной стены дома по самую крышу — черный намет. Земляными буграми кажутся кошара и прочие сараюшки. От огорода и помина не осталось. Присыпанные пылью, виноградники смотрятся длинными могильными холмами. Никаких рук не хватит, чтобы навести порядок, придать хутору прежний вид. Да и куда девать нанесенную ветром землю? В море выбросить — сам каждый день по уши в грязи будешь.

По узкой тропке от дома к берегу, на расчистку которой ушло несколько дней, Бандура вышел к баркасу. Вытащил из песка якорь, подтянул посудину к урезу воды. Одолел смолянистый борт. Тяжело оттолкнулся веслом, погребся к ставке. Сетки высыпал вчера неподалеку от дома. На большой улов не рассчитывал, да и не нужен он старику. На базар рыбу не повезешь — строгости. А на двоих много ли надо?

И вторую семью Савелия Марковича разбросала война. Костя, призванный на службу в сороковом году, так и остался в армии. Сейчас майор, служит на Дальнем Востоке. Кирен и Володька стали солдатами осенью сорок третьего, сразу же после освобождения Песчанска. На первого похоронка пришла через месяц. Только до Мелитополя и успел прошагать парень. Володьке «повезло» чуточку больше. Последнее письмо получили от него из Будапешта. Потом как в воду канул. Третий год ни слуху ни духу. Война...

С Веркой вообще неразбериха получилась. Совсем, как с Федором в молодости. Год назад подалась на базар в Песчанск, а аукнулась из Запорожья. На восстановлении Днепрогэса работает. Пишет, что все нормально, да не очень верит ей Савелий Маркович. Что хорошего в девятнадцать годочков одной среди чужих находиться? Не иначе, как вскружил девке голову какой-нибудь демобилизованный солдатик, военные — они хлесткие ребята. Утащил, а потом бросил. Может быть, не одну. Вот и стыдно падчерице домой вернуться.

О своих догадках Бандура с женой не делится. И без того хватает забот у Надежды Поливановны. Смерть сыновей враз подкосила женщину, на много лет состарила. Пока еще надежда была, что вернется Володька, держалась как-то. Сейчас на глазах тает. Потому и разрешает Савелий Маркович жене подольше в постели полежать, присматривает, чтобы не надрывалась в работе.

Что сделала буря с косой? В грязный цвет заляпала берега, отняла зелень у камыша, наворочала пыльные бугры на дюнах. Мартыны боятся опускаться в эту сажу, под которой погребены их гнезда вместе с яйцами и малой детворой. Отдыхают на воде. Лениво охорашиваясь, подозрительно провожают бисеринками глаз медленно ползущий по бухте баркас. Тяжело и неохотно взлетают от зависающих над ними весел. Отяжелели птицы. Пищи в море хватает.

Савелий Маркович перебросил подкотовник через себя, подтянулся к сетке, начал переборку. Снасть была мелкоячейной, рыбы набилось густо: крупная тарань, судак-боковня, острая чехонь, рыбцы. Попадалась и осетровая мелочь. Бандура отобрал для ухи небольшую, килограмма на три, севрюжку, остальных выпутывал и выпускал в воду. Пусть живут — набирают вес. Работал машинально, в мыслях — другое. Вот и пришла злая пора, которая предвиделась, но казалась далекой, ощущалась, как невидимый за горизонтом маяк. Как ни крути, а хутор придется бросать. Жил бы рядом кто из молодых — еще можно было какой срок протянуть. Вдвоем с женой не под силу хозяйство вести. Сказываются годы. Лет десять назад в такой же левант, что недавно дул, не задумываясь бы, сетки в бухте высыпал. Сейчас не рискнул. Ставил снасть по хорошей погоде. Нет былой силы в теле, а с морем шутки плохи. Лето пройдет, как сон — не заметишь. Осенью вновь ветра начнутся. Надолго отрежут от материка. Случись что с ним или женой — никто сразу на помощь не придет. Потому и нужно перебираться поближе к людям.

Бандура перебрал одну сетку, оставалось еще две. Передыхая, услышал за спиной плеск весел. Тяжело повернулся всем туловищем на шум. К баркасу подходила легкая лодка. Такие еще до войны на пляже ОСВОДА для прогулок давали. Рыбаки их «потаскушками» называли. Для моря посудины вовсе не пригодные: в пятибалльный шторм сразу зальет или перекинет, а деньги для хозяев порядочные приносили. Что ни час, то и рублик.

В лодке трое было. По бортам на веслах ребята молодые, наверняка еще и службы не пробовавшие, на корме — мужик постарше. Сразу видно, что чин какой-то. В синий флотский китель облачен, на голове мичманка с золотистой эмблемой. Он к Бандуре первым и обозвался. Легко, даже весело, крикнул:

— Здорово ночевал, Савелий Маркович!

— Ничо, спасибо. Вам всем тоже доброго здоровья!

— Как улов?

— Не жалуюсь.

— Посмотреть разрешишь?

— За показ деньги не берем!

Ухмыльнулся старик. Ясно стало, что за рыбой эти трое пригреблись. В Песчанске с продуктами неважно, вот и решили на стороне лишку прихватить. А форма — это для форса, чтоб пыль в глаза пустить. Знают, что к морякам у камковчан отношение особое, за своих считают, скорее, чем другим, одолжение сделают. Потому и наряжаются, кому не лень. Только с Бандурой у них этот номер не пройдет. Он настоящего моряка за милю чует.

Лодка меж тем притерлась к борту баркаса, застыла удерживаемая руками молодых. Тот, что в мичманке, легко перемахнул к Савелию Марковичу, по-хозяйски расселся на кормовой банке.

— Ты откуда, такой прыткий, взялся? — нахмурился старик.— Мне покуда помощники не требуются!

— Из АЧУРа мы, Савелий Маркович. Небось, слышал о таком управлении?

— Чу́ток много по свету блукает, про все не упомнишь,— сплюнул за борт Бандура. Решил поосторожничать старик. О том, что существует на море рыбоохрана, он знал, но встречаться с ее представителями не случалось.

— Фамилия моя Замулов, зовут Федором Ивановичем. Вас я знаю. Будем считать, что познакомились.

Савелий Маркович хотел что-то пустячное сказать, чтобы человека не обидеть и себя в обиду не дать, да рука, державшая невыпутанную рыбину, больно накололась об острый плавник, потому со злостью и вырвалось:

— А ты, Замулов, спросил, чи нужно мне такое знакомство?

— Гляди и сгодится, товарищ Бандура!— посуровел инспектор рыбоохраны.— Жаль, времени у меня нет на долгие разговоры: на собрание к рыбакам спешим. Поэтому коротко скажу. Вы сейчас преступлением занимаетесь. У государства рыбу воруете. По закону я должен сети и улов конфисковать, на вас протокол составить. Время нынче серьезное, отношение к расхитителям беспощадное. Потому ради первого нашего знакомства наказывать вас не буду. Отмечу, что разъяснительную работу провел. Вторично в море на самостоятельном промысле не попадайтесь. Лучше нам на берегу встречаться...

Оглушенный, сидел на баркасной банке Савелий Маркович. Вроде мягким, но тяжелым по голове ударили. Смотрел на ухо-

дившую к поселку лодку с инспекторами и не видел ее. Приходилось старику слышать такую твердость голоса, которую он сейчас услышал у Замулова. У Петра Малахова она была. Не часто, но когда появлялась, словно на мертвый якорь человек становился. Никакие силы не могли комиссара взятый курс изменить.

«Погодь, мил человек!— запоздало и недоумевающе спорил с инспектором Савелий Маркович.— Это как же теперя получается? У своей родной бухте я правов не имею рыбы на юшку поймать? Это же навроде того, как дитенка у родителев отобрать и свиданиев с ним лишить. Кто до такого додуматься мог? Нет, чой-то напутал ты, Федор Иванович! Кто же тебе дозволит у рыбака его кровное отнять, то, чем он с малолетства пользовался? Не выйдет твое дело, дорогуша! Мы на тебя управу найдем!»

Но чем больше возмущался и негодовал Бандура, тем отчетливее сознавал, что вновь, в который уже раз, ломается его жизнь, и никакого возврата к тому, что было, не случится. Так бывает с парусником, положенным порывом шквального ветра на борт. Намокая, тяжелеет парусина, больше и больше накренивает посудину, и ничто уже не может поставить ее на ровный киль.

III

Вскоре после того, как утихла пыльная буря, странно начало смотреться побережье. По вечерам, после наступления темноты, разгорались жарки далеких костров, зримо очерчивали контуры города и его слободок. С каждой ночью все больше становилось огней. Неторопливо, но упрямо они расплывались к Ногайску и к Песчанской косе. Вздыхали ямковчане:

— Скоро уже и до поселка доберутся!..

— На что же ишо людям надеяться, как не на море!

— Голод — оно конечно!

Костры горели и днем, выдавая себя белесыми дымками. Их было много, и побережье, насколько хватало глаз, укутывалось сизоватой туманной пеленой. Такое часто бывает в конце октября, когда прихваченная первыми морозами начинает парить вода, но сейчас на календаре был август. Именно в последний месяц лета у жителей таврических сел окончательно рухнули надежды на иссушенную зноем землю и люди подались к морю. Авось, найдется там какой-то прокорм.

Замулов и Василий Бандура медленно шли берегом бухты. Прибойная полоса была удивительно ровной, ощущалась под подошвами твердостью асфальта. Стан, куда они направлялись, был недалеко, смотрелся небольшим причалом, вешалами для сушки сетей, разбросанными по песку смолеными крыльями ставного невода.

Инспектору было душно в форменном кителе, но он упрямо не снимал его, жарился под грубым флотским сукном. Бандура вышагивал в майке, сделанной из тельняшки, рубашку нес в руках. Щуря глаза от яркого солнца, Замулов говорил:

— Ты, Василий Савельевич, рыбак, как говорится, с пупка. Было на твоей памяти хоть год, чтоб путина с распадом льда до конца лета без единого запретного дня длилась?

— Занудливый ты, Федор, мужик. Пусть не было. Так и войны такой на моей памяти не было. И двух лет засухи, и черных бурь видеть не приходилось. Вона сколько людей на берег пожаловало. От хорошей жизни? Голод народ пригнал. Четыре года война землю терзала, потом суховеи на нее набросились. Ты не кривись, Федя! Море ты жалеешь, и умом я тебя понимаю. Вычерпываем сейчас с него все без оглядки. Молоди оперяться не даем. Согласен с тобой, плохо делаем. А как быть? Прекрати мы сегодня промысел — завтра тем, кто на берегу баркасы наши ждет, ни жменьки тюльки не попадет. Потому и не дам я команду снимать ставники. Даже если сверху прикажут, не пойду на это. И зря ты меня чисто молодуху обхаживаешь. Окромя ума, у меня ишо и сердце есть!

Участковый инспектор рыбоохраны Замулов — частый гость в Камково. С Василием Бандурой, который принял хозяйство у Гаври Извекова сразу же после демобилизации, у него хорошие отношения. Да что им делить — двум фронтовикам — раньше других дорвавшимся до мирной жизни? Обоих покалечила война, отпустила домой инвалидами. Маялся с рукой Бандура, за несколько лет так и не смог восстановить чувствительность в пальцах. Работала кисть, но силы в ней не было. Ведро с водой не держала. В болотах Припяти оставил ступню правой ноги ротный командир Федор Замулов, обхаживал протез.

Василий идет неспеша, знает, как трудно вышагивать Замулову. Сегодняшняя стычка между ними не первая. Еще месяц назад инспектор проконтролировал вылов ставного невода в Большой бухте. Привез на берег и высыпал на причал мелкую рыбешку.

— На наживку прихватил?— усмехнулся Бандура, как всегда встречавший идущие с моря баркасы.

— Приглядись внимательно! — не принял шутки Замулов.— Посмотри, что вместе с тюлькой в посолочные чаны отправляем.— Быстро и умело начал сортировать рыбу.— Это судак, а это лещ. И кефаль попалась, и шемая, и чехонь... Соображаешь?

— Без прилова не обойдемся, а магнита такого, чтоб из тюльки молодь других пород вытаскивать, еще не придумали.

Слишком спокойным показался инспектору голос председателя, поэтому впервые за время их знакомства взорвался инспектор:

— Что вы завтра будете ловить, рыбаки? Послезавтра? Сами сук рубите, на котором сидите!

— Вот и объяви запрет, коли можешь!— огрызнулся Бандура.— А я, Федя, прав таких не имею!

Не было прав и у Замулова. Запрет мог поступить только сверху, из министерства. Но там вроде бы забыли об Азове. В поступивших циркулярах упоминалась Балтика, Баренцево море, Дальний Восток и ни слова о самом маленьком и самом рыбном

в стране море. Если рыбацкие коллективы начнут тревожить тресты и главки, несомненно, это заставит руководителей рыбного хозяйства принять ограничительные меры. В это верил Замулов, на это настраивал председателей местных рыбоколхозов, но они, как и Бандура, упрямились.

Разумеется, Василий понимал, что лов нужно прекращать. Но то, что для других было цифрами на бумаге, означающими центнеры и тонны столь необходимой сейчас для страны пищевой продукции, виделось ему совершенно по-другому. Весной он вышел на промысел, а потом на сдачу рыбы — первым баркасом. Тюльку сдавали у причала Матросской слободки. Едва посудина толкнулась носом в берег, ее тотчас же окружили люди. Дети, женщины, старики дрожа от холода ледяной воды, тянули к бортам миски, тарелки, кастрюльки. И хотя был уже август, как только речь заходила о запрете, Бандура опять словно воочию видел посиневшие от озноба лица, худые от недоедания руки. Он гнал от себя это страшное видение, но оно не уходило, цепко держалось в памяти. Так долго не растворяясь, держится на воде моря радужное маслянистое пятно.

Замулов приехал по заданию руководства прочитать цикл лекций рыбакам об особенностях Азовского моря, его уникальности и о том, как бережно нужно относиться к богатствам, дарованным природой. Но, как считал он сам, это было второстепенной задачей. Главной, о чем он естественно никому не говорил, являлась та, о которой у них только что был разговор с Бандурой. Нужно подвести колхозников к пониманию необходимости немедленного запрета. Если о нем заговорят рыбаки, к их голосам непременно прислушаются в министерстве.

— Ты, Василий Савельевич, как хочешь, а я с людьми сегодня буду говорить о прекращении лова,— останавливаясь и тяжело отдуваясь, сказал Замулов.— Попробую взбудоражить народ. Заранее тебя предупреждаю.

— Давай, Федор, действуй. Я, чтоб тебе не мешать, даже на лекцию не пойду. Еще подумаешь, специально заявился председатель разброд в рыбацкие души вносить. В поселке мое мнение о запрете знают, потому, прежде кто слово скажет, на меня оглянется.

— А не боишься ли ты откровенного разговора, Вася?

— Не боюсь, Федор! За свое до последнего драться привык. Коли силой меня на лопатки покладут, сдамся. А в поддавки играть не научен.

— Тогда приходи, поборемся?

— Не могу, братушка! Бюро горкома сегодня. Меня на него пригласили. Самое время отправляться. Парусом у город пойду, а ветер — штука ненадежная. Хоть и давненько, но поимел опыт. Вот так-то, товарищ инспектор!

— Причина уважительная, товарищ председатель,— в тон Бандуре отозвался Замулов.— Тут ничего не поделаешь. А жаль! Хотелось бы просветить тебя немного.

— Ничо, в другой раз, Федор. И ишо откровенно скажу, что рыбы касается, я уже наскрозь просвещенный. Заночуешь у нас?

— Наверное.

— Тогда после лекции сразу ко мне. К тому времени я, пожалуй, вернусь.

Баркас шел в полветра. Легкий послеобеденный бриз морщинил воду, слабо наполнял парус. День был знойным, жара ощущалась даже на взморье. Редкие белесые облачка, спасаясь от солнца, теснились у горизонта, лениво гонялись друг за дружкой. Полнейшая тишина ломила уши. Не было слышно даже шелеста воды, обтекающей борта.

Бандура лежал на днище шаланды, подстелив под себя венцераду. Голову прятал в косую тень от паруса. Выходная одежка, в которой он заявится в горком, аккуратно сложена на кормовой банке.

— А шо, Вася, могеть, на весла сядем, поможем парусу? — спросил сидящий за румпелем Николай Крутоверхний, которого в поселке по старинке продолжали называть Бульбулем.

— Ничо, время покуда имеется,— лениво отозвался Бандура.— Ежели начнем не поспевать, поднажмем.

— Гляди сам. Мне все одно.

Николай ушел из поселка в августе сорок первого. Его год призыву не подлежал, но, узнав, что в Песчанске формируется ополченческая дивизия, он виновато сказал жене:

— Ты, Мотя, хоть чего про меня думай, а токи мужику счас дома отсиживаться самое распоследнее дело. Пойду я!

Он не стал говорить, куда задумал отправиться: это было понятно и так. И как ни тяжело было Матрене, уже вдоволь вкусившей одиночества после исчезновения Федора, она ничем не выдала себя. Спокойно, словно отправляла мужика на несколько дней в море, сказала:

— Коли надо, иди!

— Надо, Мотя!

Вернулся Николай в июле сорок пятого, искромсанный осколками и скальпелями хирургов. Сразу же впрягся в привычную рыбацкую лямку, так и тянет ее по сей день.

Бандура в полудреме. Поднялся спозаранку, как и положено председателю. Будь он сейчас в делах, так и крутился бы до ночи, а тут — неожиданный отдых выпал. За три года впервые удосужился прилечь днем.

В сорок четвертом, сразу же после демобилизации по ранению, принял Бандура колхоз. Гавря Извеков, сдавая дела, довольно улыбался, трогал пальцем щетину недавно отпущенных усов, говорил:

— Ты, Вася, хотя такой же, де, покалеченный, как и я, зато намного моложавее. И ноги целые. Значится, де, резвее бегать будешь. А я возле тебя навроде комиссаром останусь. Удвоем завсегда легче груз нести.

Жил Василий в своем доме бобылем. Сюда и пришла похоронка на Настю. А еще через неделю получил Бандура непонятное

письмо без обратного адреса. Вскрыл конверт, вздрогнул от знакомого почерка.

«Братушка ты мой радостный! Ту похоронку я сама на себя написала. Пусть все знают, что погибла твоя жена. Ну, а что есть на свете любящая тебя сестра, про то мы только втроем знаем. Третий, как понимаешь, Миша. Если благополучно отвоюемся, сразу же после демобилизации уедем с Михаилом на его родной Урал. Так между нами договорено. Оттуда и жди нашу весточку. Покуда у нас все хорошо, чего я и тебе желаю. Крепко обнимаю и сто раз целую».

Два года прошло после войны, а никаких вестей от Насти нет. Жива ли осталась или накликала на себя беду похоронкой — ничего про то не знает Василий.

После известия о гибели Насти по-иному стали смотреть на Бандуру камковчанки. Обиженных войной вдовушек да и просто перезревших, давно переступивших свадебный возраст женщин предостаточно было в поселке. Покуда его считали женатым, смотрели, как на прикрытого стеклянным колпаком брака мужика. Понимали, что нет смысла разглядывать, поскольку дотронуться все равно невозможно. Похоронка сняла колпак, и сразу все изменилось. Порой Бандуре становилось не по себе от откровенно зовущих взглядов.

— Ты теперя жених, Вася, и хотя здорово покалеченный, все одно завидный. У руководителях ходишь,— сказала как-то бригадирша Нюрка Кравченко.— Как ни крутись, охмурят тебя наши бабы. Токи поначалу промежду собой передерутся. Могеть, какая и без волос останется. Так что не доводи дела до большого скандала, прихиляйся до одной.

Разговор случился вечером. Они возвращались с заседания правления. Нюрка, снявшая дома вместе с рыбацкой робой мужское обличье, выглядела, как и положено совсем еще не старой и довольно привлекательной женщиной. Старенькие, стираные-перестираные юбка и кофточка ладно сидели на ее крепко сбитой фигуре. Крупные покатые плечи, вызывающая грудь, укороченная полнотой талия, сразу кончавшаяся крутыми бедрами,— все было в меру красиво.

— Жених, говоришь?— остановился Василий.

— Ишо какой!

Бригадирша стояла вполоборота к Бандуре, и ему вдруг, как в молодости, нестерпимо захотелось запустить руку за отворот ее кофты. Силой сдержал желание, сказал:

— А ежели я до тебя прихилюсь?

Она вздрогнула, как от удара, нервно повела плечами:

— Ты не шуткуй этим, Вася!

— Тогда заканчиваем такие разговоры!

Он осторожно взял ее под руку, словно обожженная его прикосновением, бригадирша резко дернулась. Круто повернулась, зашагала по тропке. На ходу, не оборачиваясь, бросила:

— Своей дорогой шагай, председатель!

В ту ночь Бандура глаз не сомкнул. Нет, не шутки ради вырвались сказанные Нюрке слова. Давно копились, да не было нужного момента. А тут приспел. Несколько раз вскакивал, с присущей в молодости бесшабашностью намеривался идти к вдове. Доходил до двери и словно в невидимую стену упирался. Нет, не двое малолетних сынов Нюрки сдерживали Бандуру. Им давно он был за отца. Забота о детях погибшего друга стала не обязанностью, а глубоко укоренившейся привычкой. Его появление в доме в любое время суток никого бы не удивило. Страшился Василий, что необдуманным поступком сломает хрупкий росток, что начал прорастать в сердце. Сломает, не дав окрепнуть.

Больше двух месяцев прошло после того. Бригадирша избегала Бандуры. Обращалась к нему редко, только по крайне важным делам. В кабинете не задерживалась. Вела себя настороженно, как почуявший опасность еж. Вспугни его — тут же ощетинится колючками, свернется в клубок.

Как-то раздавали рыбакам премии. Нюрке выпал талон на платье. Ждал Василий, что счастьем вспыхнут глаза женщины, а она повертела талон в руках, просительно сказала:

— Мне бы материцы какой пацанам на штаны. Насовсем обносились. А платье? Куда в нем ходить?

Переглянулись правленцы. Кто вздохнул, кто руками развел. Бригадирша знала, что очень непросто поменять один талон на другой.

— Будем думать,— негромко сказал Бандура.

— Чего тут придумаешь?— Нюрка и сама поняла всю несбыточность просьбы. Тихо сказала: - Не ломай голову, председатель. Мало ли у тебя забот.

Она и уходила, низко опустив голову, и никто не удивился, когда Бандура попросил ее остаться. Может, и впрямь была у председателя возможность помочь бригадирше. А он, выждав, покуда уйдут из кабинета люди, неожиданно спросил:

— Ты чего меня дичишься? Неужто обидел чем?— Обошел стол, стал рядом с Нюркой, осторожно обнял.— Давай, Аннушка, до одного берега пригребаться. Правда, ежели разные у нас курсы, тута уже ничего не поделаешь. Одно пойми, те слова я тебе тогда не в шутку сказал!

Почувствовал, как дрогнули плечи женщины, услышал тихий всхлип.

— Чего же ты ревешь, глупая?

— Потому что ты как есть насовсем дурак! Я ить усе чувства свои, про которые вам, мужикам, ничего неизвестно, унутрь загнала, засушила их. После слов твоих они у нарывную болячку превратились. Усе чисто руки искусала. Вона, гляны!— Закатала рукав кофточки. Бандура увидел на загоревшей коже рубцы мелких шрамов. Осторожно прикоснулся к ним губами.

В тот же вечер, прихватив немудреные пожитки, перебрался Василий к Нюрке. Дом свой открытым оставил. Не сегодня-завтра займет его окончательно решивший расстаться с хутором отец.

IV

Зал заседаний — обычный рабочий кабинет. Сидели тесно сжатые друг другом. Вел бюро первый секретарь горкома Алексей Григорьевич Бандура. Потели уже больше двух часов, дело явно шло к концу, а о море и о рыбаках покуда не было сказано ни слова.

Василий недоумевал: зачем пригласили? Послушать планы быстрейшего восстановления портового хозяйства, цехов Крекинга, Красномайки, Азово-Черноморского завода? Конечно, интересно узнать, что происходит в городе. Но лучше бы услышать нечто конкретное о помощи рыбаков городскому строительству. О людях, ясное дело, и речи быть не может. На подрезку ставников и переборку сетных ставок полупустыми ходят баркасы. Женская бригада еще кое-как укомплектована, остальные — одно название. Мальчишки с инвалидами вроде Колюни Бульбуля, что с них взять? Была бы под рукой хотя бы одна такая команда, как до войны на «Марии».

Подумал и невольно вздрогнул. Тут же вкрался в уши жаркий шепоток сидящего справа соседа.

— Никак, засыпаешь, годок?

— Заснешь здеся!..

За делами и хронической занятостью никогда и в голову не приходило, сейчас только ударило: из команды «Марии» в живых он один и остался. Кружилина нет, брата Федора, Антона Беляка. А разве на других судах не так?

Не заметил, как покончили с повесткой дня. Понял это по оживлению, гулу приглушенных голосов. Люди начали подниматься, кое-кто полез в карманы за кисетами.

«Из-за дурных мыслей как есть все чисто прослушал,— мысленно ругнул себя Бандура.— Может, был какой разговор о нас, мне он неизвестным остался».

Еще больше смутился, увидев внимательный взгляд первого секретаря. Алексей рассматривал долго и, как показалось Василию, настороженно.

«Сейчас и племяш каменюку у мою сторону кинет».— Совсем смутился Бандура. Услышал другое:

— Минуточку терпения, товарищи! Хочу поделиться с вами интересным сообщением. Позавчера Марфа Семеновна Черногуз, хозяйка квартиры, на которой во время оккупации жил всем нам известный Афанасий Силыч Узлов, принесла мне папку с документами подполья. Вот она!— Алексей Григорьевич полез в ящик стола, достал папку. Показывая ее всем, поднял повыше, встряхнул.— Здесь документы, которые хранил Афанасий Силыч. В том числе личный дневник Узлова. Тайник обнаружила хозяйка при восстановлении дома. Из записей, что удалось разобрать, явствует...— Алексей Григорьевич сделал нарочитую паузу, но не смог протянуть ее долго, раздельно произнес:— Членом городской подпольной организации Песчанска был Петр Малахов!

Василий словно в канат волокуши залямился. Сдавило грудь, жарко стало, на лбу бисеринки пота выступили.

— Как?..

— Немецкий прихвостень — и подпольщик!..

— Ну и ну!..

— Действительно новость!

И еще много говорили, вернее, сами у себя спрашивали. Но это уже потом, когда прошло оцепенение после услышанного. А вначале плотная и глухая упала на зал тишина. Такая бывает в наглухо закупоренном трюме неподвижно стоящего на отдаленном рейде корабля.

Так вот зачем пригласил его племянник. Ай да Алешка! Ну и молодец! Завтра все Камково взбурлит. Да что там коса, в Песчанске разговоров не оберешься. Слишком приметной фигурой был Малахов на побережье.

— Значится, честным он до конца оставался, комиссар наш? Так выходит, племяш?— Василий не выдержал, встал. Цепким взглядом впился в лицо Алексея. Тот не успел ответить. Ответ из-за спины Василия прозвучал. Этакий наставительный, с нарочито грустными нотками:

— Ничего покуда еще не значится, товарищи. И ничего не выходит. Поторопился ты, Алексей Григорьевич, ой как поторопился! Поверь моему опыту — фашисты на всякие штучки-дрючки горазды были. Что им стоило эти бумажки подбросить? Для простачков. Авось, и клюнет. Нет, тебе нужно было их немедленно нам передать. Мы бы посмотрели, с кем нужно посоветовались, выводы сделали. А ты сразу в колокола забил. Очень некрасиво получилось!..

Бандура знал этот голос. Голос человека, уверенного в своей правоте и силе. Еще в сорок четвертом году, перед тем как принять рыболовецкий колхоз, вызывали Василия на беседу в городское управление МГБ. Сам начальник Владимир Иванович Солин с Бандурой разговаривал. Службой интересовался, ранением, случаем с Ховраховым, угнавшим сейнер к фашистам. Потом речь на Петьку Малахова перевел. Как попал мальчишка на боевой корабль? Может, помог кто? Не было ли между ними речи о Крыме? Не туда ли хотел он попасть?

— Так ведь тама немцы ишо сидели,— удивился тогда Василий.— Чего ему было у них шукать?

— Как знать, как знать...— снисходительно улыбнулся начальник. Пренебрежительно-спокойно, словно учитель нерадивому школьнику, начал пояснять, что потеря бдительности очень и очень навредила стране в этой войне. А она, кстати, еще не окончена, и даже после Победы ослаблять бдительность никак нельзя будет, скорее наоборот.

«Экий ты, начальник, зануда!»— думал тогда Василий, почти не вслушиваясь в то, что говорил Солин. Сам разговор быстро забылся, а вот голос навсегда остался в памяти.

Ни Алексей, ни старший Бандура понятия не имели, что у Со-

шил свои счеты с Малаховым. Еще в тридцать шестом году он, как ему казалось, почти сумел доказать связи бывшего секретаря райкома с врагами народа. Ему помешали довести дело до конца, но в сорок третьем, после освобождения Песчанска, узнав о деятельности Малахова в оккупированном городе, Владимир Иванович порадовался своему умению смотреть в корень вещей, и это придало ему еще больше уверенности в личной правоте и непогрешимости. Ныне найденные документы подпольщиков ставили его веру под сомнение, а он уже давно расстался с этим чувством, позабыл, что оно существует. Больше того, скептически смотрел на тех, кто обладал им.

— В нашем деле половинчатых решений быть не может. Если человек честный, то он не враг, и — наоборот. Враг прячется под личиной честного, значит, нужно сорвать с него лживую маску. Сделать это быстро и беспощадно. Чем скорее мы разоблачим врага, тем меньше вреда он нанесет Родине. Учитесь у старших товарищей!

Сопин не говорил о том, что потенциальным врагом нужно считать каждого, кто попадает к ним,— это подразумевалось само собой. Те, что не соглашались с ним, недолго удерживались в управлении, причем увольнение из органов в таких случаях было не самым тяжелым наказанием.

— Вы свободны, товарищи,— забыв, что здесь командует не он, сказал членам бюро Сопин. Чуточку помолчав, добавил: — И поменьше шума. Погодим трезвонить, покуда мы во всем не разберемся.

— Подожди меня в приемной,— попросил Василия племянник.— Я скоро.

«Скоро» затянулось на добрый час, но Бандура и не помышлял об уходе. Хотелось знать, чем закончится разговор Алексея с начальником МГБ. Бандура верил племяннику. Вопреки фактам, чернившим Малахова, он не сомневался в невиновности комиссара. Ничто не могло вытравить из души рыбака уважения к человеку, приезд которого на косу круто изменил жизнь поселка и судьбы многих людей, в том числе и его собственную.

Первым вышел Сопин. Даже не взглянув на Бандуру, словно того и не было в приемной, он поспешно прошагал через небольшую комнатушку. Наметанным глазом разведчика Василий засек неестественно высоко поднятую голову начальника МГБ, твердый, словно на строевом плацу шаг. У Алексея, что появился сразу же за Сопиным, совсем как у деда во время гнева, подергивалось левое веко.

«Видать, крепко схлестнулись, баллов на десять, кабы для Алехи это боком не вышло,— подумал Василий и тут же ругнул себя: — Чего это я такой боязливый стал? Не так страшен черт, как его малюют. Нашу породу так запросто не переборешь!»

Бульваром они вышли к набережной. После застойной духоты дня морской воздух был особенно чист и прохладен. Его свежесть не могла приглушить даже постоянная для города гарь, которой тянуло от сожженных зданий.

— К нам?— после долгого молчания спросил Алексей.

— Никак, Алеша не получится. Наши баркасы после сдачи рыбы через час-два от причала Слободки на косу пойдут. Я — с ними.

— Отец обидится.

— Ничо, поймет! Скажешь ему об Малахове, и непременно поймет. Или промолчишь? Как тот советовал?

— Чего же молчать?— пожал плечами Алексей.— Для отца это такая же радость будет, как для тебя и других.

— В самый корень смотришь, Алеха!— Василий не удержался, обнял племянника.— Так завсегда и держи. Если кто с курса попытается сбить, мы враз тебе на подмогу станем. А свиданьице нам всем непременно организовать нужно. Хорошо бы по-родственному на старом хуторе собраться. Деду радость подарим. Он только живет в поселке, а душа его на острове находится. Добро?

— Хорошая мысль, дядя Вася! Я двумя руками за!

Встретились на полминутки две крепкие мужские руки, проверили силушку друг дружки. На том и расстались.

V

Тяжело груженная «Косатка» отошла от причала Соляного сразу же после обеда. Скаченная забортной водой, палуба парила под жарким в этих краях августовским солнцем. В деревянном нутре бывшей десантной шхуны ворчали два танковых двигателя. Машины были отечественными, судно — румынское. Строились такие в самом начале войны в Констанце для высадки десантов на Азово-Черноморское побережье. Один рейс и на слом — такова была судьба посудин. Брошенные, они доживали недолгий свой век в бухтах и портах Черноморья. Потом, собранные воедино, были отправлены на мелководный Азов и отданы в местные рыбоколхозы. «Косатка» попала на моторно-рыболовецкую станцию Песчанска. Временно ее закрепили за камковчанами [illegible] восстанавливать тони косы Обжитой.

Мысль вернуть к жизни поселок на богатой рыбой косе, поселок, который все рыбаки по праву считали детищем Малахова, давно не давала покоя Василию Бандуре. От начала работ председателя удерживало понимание, что одними своими силами им никак не восстановить ни одного здания. Как и в давние времена, на помощь пришли красномайцы. Помогли отремонтировать причал, привели в порядок несколько жилых домов, посольные чаны. По договору, утвержденному трестом, часть улова осенней путины пойдет ОРСу завода, что станет добрым подспорьем для рабочих столовых. Накануне промысла «Косатка» пошла в Ак-Манайский залив за солью. Теперь, груженная, держала курс на Обжитую.

Петр Бандура, временно возглавивший шхуну, несколько месяцев назад окончил краткосрочные курсы судоводителей, делал свой первый рейс. Он не был новичком в море, с детства привык иметь дело с парусами и веслами. Провести баркас из Камково

на любую из Азовских кос было для него так же просто, как горожанину пройти из дома в дом по знакомым улицам, но шхуна с сотнями тонн соли на борту — это не лодка. Ее в случае непогоды не выгонишь на берег и не оттащишь от уреза прибоя на безопасное расстояние. Малейшая неточность в расчетах и... Об этом даже подумать страшно

На «Косатке» их пятеро: четыре человека команды и один пассажир. Девушку взяли в Соляном. Взяли после долгих, порой доходящих до слез, просьб. Ей непременно, и как можно скорее, нужно добраться до Северного побережья Азова, откуда до Мелитополя, где живут ее родители, гораздо ближе, чем от Крыма.

Сообщения между городами зависели от многих случайностей, поскольку ни о каком регулярном движении поездов или другого транспорта не было и речи. Просьба девушки никого не удивила. Но Петр не сразу решился взять ее на борт шхуны. Продолжал срабатывать давний предрассудок: женщина на корабле — к несчастью. Неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы не вмешательство отчима. Николай Крутоверхний отозвал шкипера в сторону, негромко сказал:

— Ты, сынок, то есть не мудри. Могеть, горе у девки какое, а ты ее всякой надежды лишаешь, а значится и радости. Пускай идет с нами. — И хотя Бандура еще окончательного решения не принял, отчим шагнул к борту, у которого на причале томилась девушка, спросил: — Тебя как зовут, доченька?

— Шура.

— Ну вот, а ты сомневаешься! — укоризненно взглянул на пасынка Николай.

Шура!.. Это имя было святым для всех Бандур. Для Петра — особенно. Он последним видел сестру живой.

«Действительно, дурак! — ругнул он себя. — Может, случись этой родиться лет на пять раньше, она бы вместе с нашей Шурочкой вровень стояла!» — Вслух сказал: — Давай, сестренка, перебирайся! Разносолов не обещаем, но поесть найдем и место в кубрике тоже.

— Да я и не голодная вовсе, — шагнула на палубу девушка, и потому, как покраснела, чтоб скрыть смущение, пониже наклонула голову, рыбаки поняли, что у нее давно уже не было крошки во рту.

«Косатка» лениво разваливала зеркальную гладь воды. По левому борту узкой полоской на море нитью, скорее угадывалась, нежели просматривалась Арабатская стрелка. За кормой, чуть прикрытые облаками, хорошо видны были вершины Крымских гор Тепе-Оба и Лысой. Казалось, что они ничуть не уменьшаются в размерах, хотя шхуна ушла на много миль от Соляного.

Бульбуль вытащил из душного кубрика сыроватый матрас, бросил на люки трюма. Долго мостился на нем. Рваное шрамами тело постоянно томила ноющая боль, и не так просто было найти положение, чтоб хоть чуточку уменьшить ее. Он стеснялся

безобразности своего некогда крепкого торса, а здесь не выдержал — обнажился. Предвечернее солнце и мягкий, порожденный движением шхуны ветерок нежно обдали его прохладой, приглушили боль.

На судно Николая отправил Бандура. Как ни крепился Крутоверхний, как ни скрывал свою немочь, она сказывалась в медлительности движений, в трясущихся руках, обильном поте, заливающем лицо при самой малой работе, какую он несколько лет назад и за труд бы не посчитал. Василий понимал, что такое долго тянуться не будет, конец придет рыбаку где-то в море или на берегу под тяжелой лямкой волокуши. Перевести его на легкий труд, но где он легкий в рыбацком деле? Заполучив «Косатку» в распоряжение колхоза, председатель, не задумываясь, направил Николая матросом на шхуну. Скатать водой палубу, прошвабрить кубрик, постоять у штурвала — это не работа с тяжелыми веслами или монотонное вышагивание по песку под многопудовой тяжестью волокушного каната.

— Да, батя, досталось тебе! — мельком взглянув на спину лежавшего отчима, присел рядом Петр.

— То ничего, сынок,— тяжело поворачиваясь и приподнимаясь, ответил Николай.

— Ты лежи!

— Нельзя мне подол… одно место нагревать. Чисто мальчонка грудной, то есть солнца стал бояться. Пяток минут позагораю — и шкура слазит. — Он начал натягивать рубашку. Петр помог ему. Застегивая пуговицы, отчим повторил: — Совсем дажеть ничего. Оно, конечно, больно, когда тело рвет, но совсем не так, когда душу. Такое, то есть, насовсем невтерпеж. Сколько той же Катерине или мальчонку ее за Малахова досталось? Вот иде боль, Петя! Такую не каждый снесет. Она ить при мне разговор с Гаврей имела, когда тока в поселок возвернулась. Он ей чего предлагал — фамилию заменить, опять Столбучихой стать. Так она ему в глаза прямо кинула: «Нехай хоть увесь мир против меня встанет и про мужа моего чего угодно балакает, а я никому не поверю и комиссара своего не предам!» Во, какая она, баба настоящая!

— Может, знала чего?

— Ясное дело, знала, Петя! Душу мужа свово знала. Потому против всех, дажеть против сына кровного, выстояла. А мы ей, чего грех на душу брать, никакой подпоркой не были.

Штатного кока на «Косатке» нет, готовили по очереди. Больше всех возился в камбузе отчим Бандуры. Не то, чтобы особенную любовь питал к поварскому делу Николай. Видел неумение молодых.

Вечером, когда спустили флаг и зажгли отличительные огни, Бульбуль притащил в небольшую кают-компанию миску жареных бычков. Рыбу ловили у причала Соляного во время погрузки. Хлеб заменили прихваченные из дому сухари. Рыбакам к такому блюду не привыкать, пассажирке — оно в диковинку. Стесняясь,

больше глазами ела. Чтоб не стеснять девушку, поднялись му-жики, оставили ее одну. Бандура отправил отдыхать второго мат-роса, сам стал за штурвал. Отчим тоже остался в рулевой рубке.

— Слухай, Петро, ты, то есть, когда ужинали, ничего не заметил? — встревоженно спросил отчим.

— Девку разглядел,— отшутился Бандура. Ничего смотрится, токи худоватая. Веса бы ей набрать не мешало.

— Я по-серьезному балакаю!

— Тогда и выкладывай все как есть! Ничо галсами ходить!

— В обед вода забортная токи-токи до краешков иллюмина-торов доставала, а счас все они у воду погруженные. С чего бы?

— Глазастый! — одобрительно крякнул Петр.— С тобой, батя, в разведку запросто шагать можно. Но пока — молчок! Неча лю-дей тревожить.

— Выходит, таки садимся?

— Похоже!. Скорее всего по обшивке трещины пошли. Соль воду впитывает, мы тяжелеем, а откачивать нечего. Ничо, до Обжитой шесть часов хода. Нормально доберемся. Лишь бы по-года не залетела!

Погода была хорошей, но к полуночи море свободно разгу-ливало по палубе. Спокойное за бортом, зеркально отражавшее крупные южные звезды и ущербленный диск луны, здесь на дрожавшей от работы двигателей палубе, оно покрывалось мел-кой рябью, находя щели в рассохшихся досках, закручивало де-сятки мелких водоворотов.

По счислению огонь знака косы Облачной должен был открыть-ся минут сорок назад, но сколько не вглядывался в горизонт Бандура, заветный светлячок играл с ним в прятки и никак не хотел казаться. Они не могли сбиться с курса. Деревянный остов и надстройки шхуны практически не создавали девиацию. Скорее всего, погруженное сверх меры судно намного теряло в скорости.

В августе светает рано. Когда неверный свет луны стал ме-няться сумеречным дневным, люди увидели, что положение их гораздо хуже, чем казалось ночью. Осевшая до половины фальш-бортов, «Косатка» с трудом проталкивалась в толще воды. Дви-жение можно было заметить лишь по легкой ряби, разбегающей-ся от корпуса.

Бандура распорядился надеть спасательные нагрудники. На судне их было четыре — по числу команды. Петр, не заду-мываясь, отдал свой пассажирке, но отчим остановил его с укориз-ной сказал:

— Негоже делаешь, сынок! По совести — оно правильно, а по делу — никуда не годится. Ты до последнего конца шкипером остаешься, и с тобой ничего не должно произойтить. Иначе всем худо будет. Она пущай мой возьмет!..— Бульбуль бросил в руки Петра свой нагрудник. Перебивая возражения пасынка, доба-вил: — Не боись!.. У меня ишо есть. Мы, старые люди, народ за-пасливый...

У него ничего в запасе не было. Он просто знал, что в случае беды ему на берег не выбраться. Былую силушку забрали полевые медсанбаты и фронтовые госпитали.

— Ты не врешь, батя?

— Тю, сынок, какие у тебя думки дурные! — отводя глаза, сказал Николай. Потом он помог Петру затянуть лямки нагрудника, свободно севшего на стройное тело девушки, похлопал ладонью по пробковым брускам: — Вот и ладненько, красавица. Теперя ты навроде, как в кольце обручальном. Только совсем бы тебе не надо с морем под венец идти. Оно изменчивое... Ладно, сынок, погляди за курсом, а я у кубрик сбегаю.

Николаю хотелось до конца убедить пасынка, что он не обманывает его, а еще больше хотелось остаться одному, потому что это была его первая в жизни ложь.

— Ты поскорее, батя!

— Чего мне тянуть!

Став за штурвал, Бандура почти не смотрел на компас. Не сводил глаз с входной двери носового кубрика.

«Что он там? Неужто решил внизу одеваться? Мог бы и на палубе»,— с беспокойством думал Петр. Он уже хотел бросить штурвал и бежать к отчиму, как вдруг услышал голос матроса.

— Прямо по носу — шпиль косы Обжитой!

Бандура увидел, как несколько фигур бросилось на полубак, откуда можно было лучше рассмотреть маячный знак.

— Назад!..— сам не понимая, что напугало его, громко крикнул Петр, но было уже поздно. Даже небольшой вес людей, всего несколько десятков килограммов, оказался достаточным, чтоб создать дифферент на нос. Шхуна на секунду замерла, потом подводной лодкой ушла в глубину. Нырнула, чтоб больше никогда не всплыть. Петр успел выскользнуть из тесной двери рулевой рубки. Злой водоворот легко закружил его, потащил с собой.

VI

Ребенок закричал резко и требовательно. Не прогнав остатки сна, Матрена вскочила с постели, в одном исподнем закружила по комнате. В ушах продолжал стоять надсадный детский плач. На ощупь найдя на припечке коробок спичек, Матрена зажгла лампу.

«Господи, откуда же оно взялось, дите? — испуганно думала женщина, высвечивая все темные углы хаты. Даже под кровать заглянула. Нигде никого.— Чой это я, неужто померещилось?»

В комнатах было душно. Предутренняя свежесть, вливающаяся в полуоткрытое окно, не смогла осилить накопленный за день зной, но Матрену била мелкая холодная дрожь. Поставив лампу на стол, она присела на табурет. Нервно потирая маленькие, но крепкие руки, сжала плечи, втянула в них голову.

Она была в доме одна. Оксанка училась в городском медтехникуме, приезжала в поселок лишь на выходные дни. Близнецов Кольку и Гришку призвали на службу в прошлом году. Петр

с отчимом неделю назад ушли на шхуне в Крым. Ждала их изо дня на день.

Матрена попыталась вспомнить, что ей снилось, и не смогла. Бессвязные видения никак не хотели вырисовываться в нечто определенное. Так бывает, когда наблюдаешь за гонимыми ветром облаками. Ежесекундно меняясь, они создают и тут же нарушают привычные для глаза человека формы, не дают уловить целостность картины. Вот только что было похоже облачко на что-то близкое и понятное, и тут же расплывчато ушло.

Внезапно поняла женщина, что некогда уже переживала подобное. Тут же явственно, словно это случилось только вчера, а не много лет назад, встало в памяти зимнее утро, парящее на морозе море и черный поплавок просмоленного баркаса с грязновато-серым парусом, уносящий мужа и отца к невидимой с берега кромке льда. Даже то давнее желание припомнилось — стать на пути уходящих, не пустить.

Она вновь заметалась по комнате, нашла и набросила на голые плечи полушалок, выбежала во двор. Босая побежала к Катерине, давней и верной подружке.

Прохладный песок, остужающий ноги, и веселый бриз, беззастенчиво облапивший тело, несколько привели Матрену в чувство. На полдороге перешла с бега на шаг, потом и вовсе остановилась. А вдруг как не одна Катерина? Поговаривают в поселке, что вновь закрутила баба с Василием Бандурой. Да что там разговоры! Давно ли собственными глазами видела Матрена, как обнимая председателя, жарко, с радостными слезами, целовала Бандуру поселковая фельдшерица. По делам тогда наведалась к подружке Матрена. Как всегда, без стука вошла в комнату, здесь и увидела двоих. Замерла на пороге. Затаив дыхание, крадучись, тихонько прикрыла дверь, поспешила к калитке. Они ее и не заметили. Не днем это случилось, поздним вечером. Тут самый распоследний дурень поймет, зачем мужик к бабе пришел.

Нет, она не осуждала Катерину. На собственную долю выпало горькое бабье одиночество. Не с чужих слов знала твердость пуховой перины и неуемный жар тела в нетопленой комнате. Нюрку жалко стало. Та тоже полной ложкой вдовьей судьбы хлебнула. На Ваську злилась. Как был в молодости кобелем, так до старости им и остался. Пора бы и угомониться.

Совсем рано было, но уже слышались во дворах голоса, начали хлопать калитки. Совсем рядом, показалось, над самой головой, горласто заорал петух. Матрена окончательно пришла в себя. Ахнула, увидев в каком виде стоит на улице, стремглав бросилась к дому. Только в хате, присев на кровать, перевела дух.

Не могла знать Матрена, что в то утро Катерина поднялась намного раньше ее. Нужно было приготовить сына к поездке в Ростов. Набросив платье, вышла в коридор, разожгла керосинку. Поставила два утюга. Наперемежку гладила выстиранное вечером белье. Прикидывала, что из харчей дать Петьке в дорогу.

Катерина уже четвертый год жила в Камково. Ее отпустили из госпиталя в конце сорок третьего, сразу же после освобождения Песчанска. Причину для отпуска сочли уважительной. Семья, оставшаяся на временно оккупированной территории, которую нужно было разыскать, и малолетняя дочь на руках. В предписании было сказано, что сразу же по прибытии в родной город она обязана явиться в местный военкомат, который и определит ее на новое место службы. Военный комендант, узнав фамилию Катерины и убедившись, что новоявленный военврач не просто однофамилица, а жена бывшего бургомистра города, сразу же стал строг и неприступен. Решения никакого не принял, попросил зайти через несколько дней. Катерина заявилась на следующий, но принял ее третьеразрядный служащий, вручил демобилизационное свидетельство и, не объясняя причин столь поспешного увольнения со службы, заявил, что ей позволено устраиваться, где хочет.

Малахову не взволновало это событие, она как-то не приняла его близко к сердцу, потому что была оглушена известием о предательстве мужа и пропаже Петьки. Об этом ей сообщил Григорий Бандура, в семье которого временно остановилась. От него же Катерина узнала, что сын учился в ремесленном училище при Красномайке.

Живой! Давняя и постоянная боль, что сидела в душе, как вросший в живое тело осколок, рассосалась и прошла, но облегчение не наступило. Петр Малахов — пособник фашистов, враг родной Советской власти! Это не принималось сознанием.

Она так и не заснула в ту долгую зимнюю ночь, первую ночь пребывания в родном городе. Перебирала в памяти все, связанное с мужем. Утром встала успокоенной и сосредоточенной.

— Тут что-то не так, Гриша,— сказала она собиравшемуся на работу Бандуре,— здесь какая-то ошибка или недоразумение. Если Малахов стал бургомистром, значит, так было нужно. Он ничего не делал без воли партии.

— Ты забыла, что его исключили,— неуверенно, понимая, что он причиняет боль гостье, и в то же время желая быть объективным, ответил Григорий.— Он перестал быть коммунистом еще до войны.

— Это Малахов перестал быть коммунистом!— весело рассмеялась Катерина, и на ее исхудалом, бледном от бессонницы лице даже подобие румянца появилось.— Плохо ты знал моего мужа, Гриша!

— А факты?

— Какие там факты!— отмахнулась женщина.— Главное не факты, а что стоит за ними. Я и тогда не верила в это исключение, но и не понимала, зачем оно было нужно. Ведь все, действительно, еще до войны произошло. Теперь-то все ясно.

— Что тебе ясно? — удивленно взглянул на Катерину Бандура.

— Неужели ты так ничего и не понял? Он ведь, Петя, когда мы и думать ничего не думали, уже к войне готовился. Знал, что

ему придется к фашистам внедряться. Теперь я совсем по-другому один наш разговор понимаю.— Она минуту помолчала, словно собиралась с мыслями, хотя ей и не нужно было этого делать. Картина их прощальной беседы намертво врезалась в память.— Если по-честному, кое о чем я догадывалась. Потому как-то и спросила:

«Ты не боишься?»

«Боюсь,Катя!— откровенно сказал мне Петр.— А больше всего боюсь ненависти близких. Всякое может случиться, милая моя женушка!»

Вот тогда мне по-настоящему стало страшно. А сейчас нет. Сейчас я понимаю, что он хотел, но не имел права сказать.

— Это правда?— быстро спросил Григорий и тут же смутился, поправился:— Нет, не думай ничего такого. Я верю тебе!

— По правде, Гриша, если бы такого разговора не было, я бы его придумала. Но он был. А уж там, как хочешь, верь или нет!

Сама она верила в честность мужа. И после того, как нашелся вернувшийся с Тамани Петька, и они все втроем уехали на косу, где Катерина начала работать фельдшерицей в поселковом медпункте, старалась внушить [illegible] веру сыну, хотя и видела бесплодность усилий.

Они поселились в собственном доме. В [illegible] их приняли хорошо. Настораживало Катерину [illegible], что никто не называл их Малаховыми. После Катерина [illegible], что фамилию эту запретил произносить [illegible]. Тогда [illegible] разговор женщины с председателем [illegible], о котором [illegible] Петру Бандуре отчим.

Катерина грела утюг на примусе. Горелка, дабы не грязнить гладкие днища, была прикрыта куском жести. Машинка шумела в коридоре, комнату наполнял приятный запах свежевыстиранного белья, перебивал керосиновую вонь, что тянула от примуса даже через плотно прикрытую дверь.

Думы женщины о сыне. Нет, ничего плохого о парне не скажешь. В доме первый помощник, да и в комсомольско-молодежной бригаде, где работает рыбаком, отзывы о нем самые лучшие. Но о том, что было с ним в оккупированном городе, никогда никому ни слова. Если спросят, сразу замороженным становится, нелюдимым. Оттаивает, когда речь о мореходке заходит. Стать штурманом дальнего плавания — давняя мечта Петьки. Идет он к ней упрямо. За два года с помощью сестры осилил программу шести классов. Прошлой осенью поступил в седьмой. Учился в Песчанске в вечерней школе. Зимой, покуда не было промысла и рыбаки оставались не у дел, жил у Григория Бандуры. Весной вновь начал трудиться в бригаде. В школу наведывался через два-три дня, но от программы не отстал. Сдав экзамены, сразу же отослал документы в Ростов. Долго ждал вызова, его не было. Решился ехать, чтоб во всем разобраться на месте.

Окончив гладить, присела на стул Катерина. Разбитой и усталой себя чувствовала. Резкий перелом случился с ней, когда узнала о невиновности мужа. Разом сломалась, перестала быть

сама собой. Привычной ношей лежал на сердце тяжелый груз чужого недоверия и любопытства. Привыкла к изучающим, нескромно-подозрительным взглядам тех, к которым приходилось обращаться по личным и служебным надобностям. Покуда не говорила фамилии, все шло нормально. Менялось, как только называла себя. Иной раз, прячась от детей, закусывая до боли губы, думала: «Может быть, прав Гавря? Замени фамилию — и сразу станет намного легче.»

Потом долго корила себя за минутную слабость. Понимала, пойти на сделку с совестью — все равно, что предать мужа, самого дорогого и близкого человека. Загрязниться всегда легче, нежели отмыться.

В тот вечер, скорее даже ночь, когда вернулся из Песчанска Василий Бандура и рассказал ей о том, что произошло на бюро горкома партии, бросилась Катерина к мужику, расцеловала. Эту сцену и увидела ненароком заглянувшая в дом Матрена. Не ведала Извекова, что случилось с подружкой несколько минут спустя. Вместе с радостью выплеснула Катерина остатки душевных сил, опустошила себя, стала немочной и слабой.

— Ты чего, мама?— испуганно спросила Катька, взглянув на сразу постаревшее лицо матери. — На себя не стала похожа.

— Теперь все равно, доченька!— с тупым безразличием ответила Катерина.— Какая уж есть!

Петька узнал новость от сестры вечером следующего дня, когда вернулся с моря. Ужинали во дворе. Мать где-то раздобыла мелкой молодой картошки. Обжаренная в рыбьем жире, который давно заменял в поселке масло, картошка казалась необыкновенно вкусной. Малосольная тюлька и первые в этом году помидоры, снятые на собственном огороде, дополняли стол. Хлеб заменяла круто сваренная мамалыга, политая чесночным настоем.

— А еще дядя Вася сказал!..— торопилась выложиться Катька.

— Ты покороче!— одергивал ее брат, которому не терпелось узнать главное.

— Как знаю, так и рассказываю!— обижалась сестра.

— Мама, она не врет?

— Зачем ей!— равнодушно ответила Катерина.

— А я ведь видел отца,— неожиданно сказал Петька.— Правда, по-настоящему всего один раз, но видел!

Он поведал им о встрече, о том, как, давая ему возможность удрать, отец поставил лицом к стене гестаповца. Но даже это нисколько не тронуло мать, ничуть не взбодрило.

— Разве мог он поступить иначе?— просто, чтоб не молчать, сказала Катерина. Чуть помедлив, добавила:— Вы уж тут сами управляйтесь. Устала я!

Тяжелой походкой ушла в дом. Петька проводил мать недоумевающим взглядом, спросил у сестры:

— Что с ней?

— Не знаю! — передернула плечами Катька.— Какая-то она не такая. Мне страшно за нее!

— А мне как раз уезжать,— по-мужски рассудительно протянул мальчишка.— Ладно, время еще есть. Мы ее расшевелим.

— Еще как расшевелим!— охотно согласилась Катька, но уверенности в ее голосе не было.

VII

Скат лопнул на самом перевале. Шофер резко крутанул руль, выровнял вильнувшую машину. Сбросив газ, начал притормаживать. Пассажиров легковушки качнуло. Дремавший на заднем сиденье Григорий Бандура успел среагировать, уперся плечом в дверку.

— Ну вот!.. Чего я вам говорил?— в голосе водителя было больше усталости, чем раздражения. Остановив машину, он продолжал сидеть, держа на баранке крепкие руки. Выжидал, покуда осядет пыль на дороге.

— Долго провозимся?— спросил Григорий.

— Минут двадцать. Без двух запасок не езжу. Только проку с них! Латка на латке.

— Сколько не доехали?— подал голос сидящий впереди Григория крепкий, но уже в годах мужчина. Откинулся на спинку сиденья, потянулся.

— Километра три. Здесь с горки спуститься — и станция.

— Пройдемся, Григорий Савельевич?

— С удовольствием, профессор.

— А если без званий?

— Можно и так. Я к вашим услугам, Роман Михайлович. Вот только прояснится немножко. Вон какую завесу пылищи подняли.

Они ехали из райцентра к опытному полю, на котором планировались испытания новой жатки. Основные члены комиссии были уже на месте. Ждали профессора Бурункова из Москвы. Его остался встречать Григорий.

Старенькая «эмка», наверняка видевшая приезд в столицу челюскинцев, а потом папанинцев, испытавшая все тяжести фронтовых дорог, была не очень надежным транспортом, но лучшего в райкоме не было. Пришлось довериться «этой рухляди», как нелюбезно отзывался о своем хозяйстве водитель.

С перевала открывался прекрасный вид на долину, приютившуюся у подножья холма. Ярко блестели на солнце оцинкованные крыши строений опытной станции. На желтоватом фоне созревших хлебов угадывалось детище красномайцев. Выкрашенная в алый цвет, жатка походила на капельку крови, упавшей с высоты на громадное поле. В маленьких точках, снующих возле машины, с трудом можно было разобрать людей. Раздольная ширь степи, вместившей в себя сотни гектаров земли, и маленькая точечка разумного металла на ней казались настолько несовместимы, что Григория взяло невольное сомнение — достанет ли сил у их жатки обработать такой массив? Но он не имел права выдавать свои колебания, поэтому, останавливаясь, сказал то, что не имело никакого отношения к делу:

— Красотища какая, Роман Михайлович. Дух захватывает!
— У меня тоже. Но только оттого, что там, у машины, нас поругивают и наверняка крепко. На сколько мы задержались?
— Планировали начинать утром по росе,— уклончиво ответил Бандура. Он не стал добавлять, что задержка случилась не по его вине, а Бурунков, хотя и понял смысл недосказанного, сказал не то, что хотел услышать от него Бандура:
— Ну вот!.. Уже девятый час. Значит, нам действительно попадет на орехи. Может, пройдемся пешком? Дорога под горку, сколько будет возиться водитель — неизвестно. Пошли?
— Не возражаю.
Они поставили в известность шофера и неторопливо отправились к станции. Дорога покато вела в долину, идти было легко. Солнце вставало за их спинами и не слепило глаза. Длинные тени от кюветных кустов и вышагивающих фигур чуть наискосок перечеркивали грунтовку.
— Признайтесь, Григорий Савельевич, вы ведь сейчас меня поругиваете?— первым нарушил молчание Бурунков.— Небось, думаете: вечно этот старый хрыч ставит нам палки в колеса. Сидел бы себе дома, ждал бы готовый результат, а потом давал заключение. Не так ли?
— Что-то похожее есть,— не стал кривить душой Григорий.— Скажу больше, вашего приезда мы не ждали.
— Вот,— обрадованно, словно ему сделали комплимент, заулыбался профессор.— Так я и думал! Даже проводить испытания без себя запретил. Догадываетесь почему?
— Конечно. Не верите вы в нашу модель.
— Да вы, батенька, чужие мысли читаете. Архиверно! Не имею права верить! Кафедра, которую я возглавляю, руководствуется десятилетиями проверенной на практике теорией. Суть ее можно выразить в нескольких словах: площадь захвата должна соответствовать площади режущих механизмов. А вы, увеличив скорость новой модели почти в полтора раза, доведя ее от пяти километров в час до двенадцати, хотите убедить нас, что жатка оставит после себя чистое без огрехов поле?
— Так оно и станется.
— Абсурд!
— То же самое вы говорили о наших поперечных тракторных граблях. После международной выставки в Париже изменили свое мнение. Что, если и сейчас случится подобное?
— Каюсь! Тогда вы меня действительно побили, чему, кстати, я очень рад. Но сегодня ваш номер не пройдет. Никак не пройдет!
Бурунков заведовал кафедрой, через которую практически проходили все научные разработки конструкторских бюро не только Красномайки, но и других родственных предприятий. Бандуре, после того, как он вновь возглавил КБ завода, приходилось частенько схватываться с профессором. Он уважал его за трудолюбие, глубокие знания не только отечественной, но и зарубеж-

ной сельскохозяйственной техники и в то же время несколько скептически относился к непогрешимой вере Бурункова в незыблемость теоретических выкладок, порой восставал против них. Это была школа Поплавского.

— Ну-с, коли не секрет, чем вы постараетесь удивить нас этак годика через два-три? Наверняка есть какие-то задумки? — Роман Михайлович искоса через плечо посмотрел на попутчика.

— Есть кое-что. Уже больше года работаем над новой моделью.

— Как, не сдав в серийное производство старую? Или вы ей тоже не очень доверяете?

— Зачем бы мы тогда ее испытывали? Работать она будет, и хорошо. Но, наверное, не так, как нам понадобится через несколько лет.

Бандуре уже начинал надоедать этот беспредметный разговор. Он готов был перевести его на любой другой, а еще лучше вообще помолчать, но Бурунков не унимался:

— С вами не соскучишься, батенька. Когда я узнал, как вы эту модель создавали, усомнился. Такое в моей практике слышать не приходилось. Вы, простите, кто по натуре будете, уж не анархист ли? Нечто, знаете, махновское в вас чувствуется.

— Об этом не мне судить, со стороны виднее. Вы где во время войны были, профессор? — неожиданно спросил Григорий. Увидел, как на ровном месте слегка споткнулся Роман Михайлович.

— В эвакуации. А что?

— Нет, ничего. Я к тому спросил, что вспомнил, как мы во время войны работали. И анархистами были, и махновцами, и, если хотите, даже авантюристами... Черт его знает, кем мы только не были, зато дело как шло! Что-то потеряли мы от тех времен. А жаль! Вы правы, профессор, жатка, которую мы начинаем испытывать, создавалась не по правилам, но ведь получилась!

— Вы в этом уверены?

Бандура вроде бы и не расслышал вопроса. На минуту вернулся в недавнее прошлое. Они взаправду делали эту модель вопреки всем традициям и канонам. Из старых образцов разных машин выбирали все самое лучшее и надежное, совершенствуя и улучшая их, строили конструкцию и лишь потом изготавливали чертежи. Уже тогда они поняли, что дальше шагать по этому пути некуда, нужно искать новый. И нашли его. Во всяком случае так им казалось.

— Простите, Роман Михайлович, вы что-то сказали? — виновато спросил Григорий, ощущая неловкость за то, что мысленно ушел от собеседника.

— Хотелось бы, как говорят англичане, вернуться к нашим баранам.

— Вы имеете в виду новую модель?

— Угадали, батенька.

— Есть мыслишка сделать жатку безлафетной. Этакую, знаете, бабочку. Легенькую, производительную... Не уменьшая захвата, облегчить вес. Здесь есть над чем поработать.

— Заманчивая мысль,— остановился профессор.— Нечто подобное пытались предложить канадцы. Фирма «Джон-Дир». Заинтересованность во всем мире вызвала превеликую. Еще бы, не мне вам говорить, жнейка без лафета, на который уходит почти половина всего отпущенного на машину металла,— это абсолютно новое слово в нашем производстве. Но я бы не сказал, что у них получилось. Кстати, вы знакомы с их образцом?

— Описание читал, чертежи смотрел. Конструкция, на мой взгляд, не совсем удачная. Мы вот, как эту машину видим...

Бандура подошел к росшему у дороги кусту, оторвал сухую ветку. Здесь же на обочине, присев на корточки, принялся набрасывать чертеж. Бурунков внимательно всматривался в рисунок. Они настолько увлеклись, что не заметили, как подъехала машина, не услышали скрипа тормозов. Лишь резкий сигнал клаксона вернул их к действительности.

VIII

— Нет, не верю!.. Такого не может быть!..

Бурунков то почти бежал за далеко ушедшей вперед жаткой, то надолго останавливался, прощупывал глазами каждый сантиметр скошенного поля. Огрехов не было. За машиной оставалась широкая полоса свежей стерни. Бандура посмеиваясь, вышагивал за профессором. Что так случится, он был уверен.

Испытания они начали не сразу по приезде, а только на утро следующего дня. На этом настоял заказчик. Во время настоящей уборки жатка будет работать с рассвета до темноты. Ей придется валить хлеба, отяжеленные росой и высушенные солнцем. Так должно происходить и на опытном поле. Заводчане, прибывшие на станцию несколько раньше Бандуры и профессора, сделали пробу модели для себя. Она не вошла ни в один из протоколов, хотя и дала прекрасные результаты. Жатка выдерживала скорость до четырнадцати километров в час, нисколько не ухудшая качества работы. Правда, она недолго выдерживала этот режим, начинали перегреваться узлы ходовой части, но все равно — это была победа. Ни одна машина в стране не могла сравниться с опытным образцом красномайцев.

Казалось, выслушав это сообщение, Григорий должен был порадоваться вместе с товарищами, но он с непонятным для них равнодушием, ссылаясь на усталость, попросил оставить его одного. Непонимающе переглядываясь, заводчане ушли. Единственной, по их мнению, причиной недовольства начальника могло быть лишь то, что они не выполнили просьбу Бурункова и провели испытания без него. Но ведь это — для пользы дела. Для того, чтоб все они, в том числе и Бандура, чувствовали себя увереннее под придирчивым оком строгой комиссии, которая не пропустит ни одной мелочи.

Меж тем Григорий меньше всего думал о завтрашнем дне, к которому они шли почти полтора года, как и возможных неприятностях, связанных с испытанием новой модели. Накануне в рай-

центре, заглянув на главпочтамт, он получил письмо из дому. Вскрыл его уже здесь, на станции. Оксана скупо сообщала о домашних новостях, жаловалась на сына, который, как она писала, «не желает вести нормальный образ жизни». Уходит спозаранку, возвращается поздней ночью, чем питается — неизвестно. Конечно, она понимает, что работы у первого секретаря горкома хватает, но насколько хватит его самого при таком режиме?

Все это было знакомо Бандуре и вызвало приятное чувство сопричастности к тому, что происходит в доме. Взволновала его концовка письма, где жена говорила о гибели «Косатки». Правда, почти всему экипажу удалось спастись. Неизвестна лишь судьба Николая Бульбуля. Большие неприятности ждут их племянника Петра Бандуру, который сейчас находится под следствием.

— «Вот уж не везет Маше,— еще раз перечитав концовку, подумал Григорий.— Поначалу Федор, а теперь Николай. И все это море проклятущее. Да и Петру достанется. Все эти дознания, следствие, очные ставки, а у него наверняка и без того на душе муторно. Что и говорить, подпортятся нервы».

Он и тогда, когда к нему пришли заводчане и начали разговор о жатке, продолжал размышлять о том, что случилось в море, потому был невнимателен к сослуживцам.

Теперь, вышагивая за профессором, Бандура желал лишь одного — поскорее управиться с делами и вернуться домой. Он понимал, что ничем не поможет Матрене, тем более Петру, но быть среди близких в тяжелые для них минуты считал первейшей своей обязанностью.

— Нет, это просто чудо какое-то!— продолжал недоумевать Бурунков, одновременно радуясь и огорчаясь увиденным.— Теоретически у вас ничего не должно получаться, а практически... Ничего не понимаю!

— Практика, как и сама жизнь, дело серьезное. Иногда такое преподнесет, что ахнешь!— вкладывая в сказанное собственный смысл, вздохнул Григорий.— А теория что? Основа для доказательств.

— Вы хотите сказать, что теоретические выкладки, которые мы преподаем на кафедре, еще нуждаются в доказательствах? — обидчиво покривился профессор.

— А чем вы объясните вот это?— Бандура, не скрывая раздражения, выбросил руку, указал на сжатое поле.

— Пока ничем. Но именно — пока!— сделал ударение на последнем слове Бурунков.— Необходимыми разработками мы займемся немедленно, сразу же по возвращении в институт.

— Кому они будут нужны!— скривился Бандура.

— Вы отрицаете науку?— удивленно взглянул на него профессор.

— Нет, Роман Михайлович, без науки нам никак нельзя, но где она — эта наука? Извините, не вижу! Вы нам дайте разработку своего институтского образца. Да такого, чтоб мы ахнули, на него глядя. Потом заставьте нас сделать и испытать модель на

полигоне. И если я буду удивлен вашей машиной, как сейчас вы, то первым науке в ножки поклонюсь. А так...— Бандура видел, как вытянулось лицо собеседника, но щадить профессора не стал. Нельзя было не высказать того, что волновало, больше того — злило уже давно:— Покуда вы за нами в хвосте плететесь, Роман Михайлович. Уж не обессудьте за правду, но в такой помощи мы не нуждаемся. Всего вам доброго!

Оставив ошеломленного профессора, Григорий размашисто зашагал к домику, где он остановился, прикидывая, как и чем он сможет поскорее добраться домой.

IX

«Ермак» обходил Камковскую косу. Судно с громким названием было обычным мотоботом, насквозь провонявшимся рыбой и смолкой прокопченных снастей. Двадцатисильный двигатель, работая на пределе, больше вибрировал небольшую посудину, нежели придавал ей скорость. Сидящие на воде чайки даже не шевелились, увидев нацеленный на них нос мотобота. Знали, от него можно улететь в любую секунду, а то и просто отплыть в сторону. Людей птицы не боялись

Петька стоял на носу посудины, облокотившись локтями о планширь. Рассматривал проплывавший по левому борту родной поселок. Его взяли пассажиром до Мариуполя, куда шел мотобот, дальше до Ростова придется добираться с попутной оказией. Петьке много раз приходилось видеть Камково со стороны. Он привык наблюдать, как растворяется поселок в белесой дымке горизонта и проявляется при возвращении. Но сейчас особое чувство испытывал Петька. Раньше он твердо знал, что через день-два, пусть даже через неделю, но непременно вернется домой. Теперь же расставание грозило затянуться надолго, и от того тревожно было на душе. Подобное ощущал он, когда после зимнего перерыва открывал купальный сезон и заставлял себя нырнуть в холодную даже на вид воду. Потом купание становилось привычным.

Петька давно и твердо уверовал в то, что он непременно поступит в мореходное училище. Для этого ему и нужно было в Ростов. Значит, встреча с родными краями откладывалась не меньше чем на год. И то, если курсантам положен отпуск. Он почему-то был уверен, что положен.

Даже мысленно было интересно и захватывающе представить, что случится через год. В ладно пригнанной по телу флотской форме, с обязательной бескозыркой на голове, где золотом будет гореть название училища, пройдет он по улицам Камкова. На него с завистью будут смотреть сверстники, уважительно здороваться взрослые. Одногодки, чтобы не уронить себя в глазах курсанта, наверняка станут рассказывать о диковинных приключениях, что случались с ними в море, как всегда, немножко привирая. Ему нетрудно будет ловить их на слове.

Знать бы, что дает училище в первый год? Знакомит ли с картами, прокладкой, лоциями? Если да, то можно на равных разго-

варивать со старыми шкиперами и даже с самим председателем Василием Савельевичем Бандурой. И никто не посмеет помешать их беседе, потому что будет идти она о вещах серьезных. Как кратчайшим путем добраться из Камково на Тамань или в Крым, из Ачуева к гирлу Дона или на Арабатскую стрелку.

Нос мотобота почти коснулся уснувшего на воде баклана. Птица тревожно гоготнула, торопливо захлопала большущими крыльями. Долго бежала по морю, оставляя за собой широкий пенистый след. Петька наблюдал за черной тушей баклана, уходящего от судна. Тот так и не поднялся в небо. Примкнул к стае отдыхающих чаек, успокоенно сложил крылья.

«Вот и все,— разочарованно подумал мальчишка,— пошумел, покричал и успокоился... Так и у людей случается Иной орет, в грудь кулаком себя бьет, а что проку?»

Себя, разумеется, Петька к таким не причислял. Пожалуй, по праву. Два года оккупации сделали его если не молчальником, то во всяком случае человеком, умеющим держать язык за зубами. Время было такое, что за каждое неосторожное слово очень просто было потерять голову. Да и после того, как тяжелым грузом легло на душу Петьки мнимое предательство отца, не очень любил он вступать в разговоры. В каждом обращенном к нему вопросе искал скрытый подвох или потаенную насмешку Надолго задумывался, прежде чем дать ответ. Отходить начал совсем недавно. Но только начал, и давалось это ему с трудом. Уже здесь на судне, общительные по самой своей природе рыбаки, пытались втянуть малолетнего пассажира в разговор, но, получив несколько односложных ответов, отстали.

В Мариуполь пришли под вечер В гавани Шмидта «Ермак» втиснулся в скопище таких же, как сам, замызганных рыбацких посудин, что жались к высокому причалу местного рыбокомбината. Заглушили двигатель.

— Тебе, Петрович, в морской порт надобно,— уважительно, как взрослому, сказал Петьке шкипер мотобота, старый рыбак, хорошо знавший старшего Малахова. — Оттуда наверняка какие ни есть посудины до Ростова бегают. Поутру туда и подавайся. По ночам нишо пароходы не ходят, мин опасаются. Много этой гадости у море понабросали. А сейчас перекусим и на боковую. Утро — оно зав- сегда мудрее вечера.

— Далеко до порта?

Петька не мог ждать. Да и время казалось ему не таким уж и поздним. Солнце еще не успело опуститься за Белосарайскую косу. Раскаленный шар висел в двух метрах над башенкой хорошо видного отсюда маяка, красил воду в ярко-алые тона. Косые его лучи подпаливали стекла высоких цехов Азовстали, что привольно раскинулась на левом берегу Кальмиуса, совсем рядом с гаванью.

— Ежели на трамвай попадешь, за полчаса доберешься. Пеши долго топать.

— Поеду я, дядя Егор. Вдруг повезет!

— Гляди сам. Ежели пустышку потянешь, ночевать к нам заявляйся.

— Само собой...

Спуститься в небольшой кубрик, чтоб прихватить небольшой чемоданчик с немудреными пожитками, было делом нескольких минут. Столько же ушло, чтоб проститься с рыбаками. Вскоре Петька торопливо вышагивал к железнодорожному переезду, откуда начиналась дорога в город.

Петька понятия не имел, что много лет назад по этим же булыжникам ходили и нынешний председатель колхоза Василий Савельевич, тогда еще просто Васька Бандура, и шкипер «Марии» Матвей Кружилин, и многие другие камковчане. Не знал он и того, что было у тех давних и у него нынешнего нечто общее — насущная потребность перемен в жизни. Разница была лишь в том, что те уже заполучили свое, а у него все еще было впереди.

Морским пассажирским вокзалом порта Мариуполь был неказистый глинобитный барак, чем-то напоминающий обычную колхозную ферму. Часть помещения отгорожена и отдана под общежитие грузчиков. В свободной комнате, отведенной непосредственно для пассажиров, в центре — длинный приземистый стол, сколоченный из дюймовых досок. По бокам такие же массивные лавки. На столе — литература. Обложки книг наглухо прибиты к доскам. Читать можно, унести трудно. Книжку придется рвать. В правом углу помещения нечным зевом смотрится окошко кассы. Над ним — расписание. Рейсов всего два: линию Мариуполь — Ростов обслуживает теплоход «Капелла». До Керчи можно добраться на пароходе «Аргус».

Петька, переступивший порог морвокзала, скудного убранства помещения не увидел. Прикипел взглядом к парнишке во флотской форме, который настойчиво тарабанил в окошечко кассы. Дробь, выбиваемая пальцами о фанерный щиток, звучала ритмично и задиристо, совсем как барабан на строевом плацу. Короткие паузы между звуками флотский заполнял одной и той же фразой:

— Шура, я же тебя очень хорошо прошу! Очень-преочень!

Петька сделал несколько шагов. Дверь за его спиной, подчиняясь натяжению пружины, гулко хлопнула. Моряк недовольно озвзглянул на вошедшего, сделал понятный без слов жест рукой, означающий на всех языках мира — уйди, не мешай. Никто никогда, даже силой, не заставил бы Петьку сделать то, что ему не хотелось, но здесь был особенный случай. На голове флотского залихватски лихо сидела бескозырка с золотым тиснением букв на ленте: «РОСТОВСКОЕ МОРЕХОДНОЕ УЧИЛИЩЕ». Петька попятился, осторожно прикрыл за собой дверь.

На дворе было уже темно. Замызганный фонарь висевший над дверью морвокзала, очерчивал бледноватым светом две бульварные скамейки и перекинутую урну, из зева которой торчали обрывки обгорелых бумажек. Тягостную безлюдность двора скрашивала недалекая музыка, под аккомпанемент которой хрипловатый уте-

сеский голос рассказывал о фронтовых путях-дорожках и нелегкой доле военных водителей. Петька не слышал музыки. Смотрел на недалекий отсюда причал, где в свете мощных прожекторов ворочали металлическими шеями портальные краны. Он не припомнил, нет — воочию увидел, как катится такая же махина к головке мола, где ее ждет гибель. Увидел высокие фонтаны воды, услышал скрежет металла и недовольное ворчание моря. Что тогда говорил старый портовый рабочий? Ага, вот что:

— Ты смотри, парень! Так смотри, чтоб на всю жизнь запомнилось.

Разве такое забывается? А краны живут. Может быть, те самые, что были сброшены с причала в море. Жив ли тот старик? Знает ли, какими пророческими оказались его слова: «Придет время — поднимем. Все поднимем, что сегодня собственными руками рушим»

Дверь вокзала, заставив вздрогнуть ушедшего в сорок первый год Петьку, оглушительно хлопнула. Застонала пружина. Флотский вышел на порог, чиркнул спичкой. Долго раскуривал папиросу. Поискал взглядом урну, чтоб бросить обгоревшую спичку, увидел Петьку. Удивленно сказал:

— Ты еще здесь кукуешь? Я думал, на танцульки подался. Там сейчас разгар.— Кивнул головой в сторону, откуда доносилась музыка. Потом тихо присвистнул:— Может, ты тоже к Шурику? Бесполезно, браток. Третий заход сюда делаю и все бестолку. Нужно менять курс. Не может быть, чтоб нас в какой-то гавани не ждали!— Он неожиданно приятным голосом запел:

Смотрите, леди, вдаль туда смотрите,
Где машет крыльями, взлетая, альбатрос.
Моя любовь вас приведет к победе,
Хоть знатна леди вы, а я — простой матрос

Он так же сразу, как начал, оборвал песню, шагнул к Петьке:

— Слушай, браток, может быть, ты немой? Я перед тобой рассыпаюсь, а ты швартовым кнехтом застыл. Случилось чего?

— Нет, просто мне к вам нужно,— сам не зная почему робея, сказал Петька.

— На «Капеллу», что ли?

— В мореходку.

— Вот теперь все ясненько, дальше можно не продолжать. Так сказать, наше дитя заболело морем, и только оно может выручить. Лекари здесь бессильны. Кем желаете стать, если не секрет? Хозяином капитанского мостика, укротителем лошадиных сил или землечерпателем?

— Тебе никогда морду не били?—очень спокойно спросил Петька. Он заставлял себя быть спокойным, когда его что-то злило.

— Случалось,— спокойно ответил флотский.— И сдачи приходилось давать. Дело житейское. Давай-ка лучше о главном. Как я понимаю, ты в чужой гавани, с пустыми карманами, то бишь — на мели, а тебе непременно нужно в Ростов?

— Очень похоже, хотя и не совсем так.— Петька почувствовал, как улетучивается злость и ему начинает нравиться этот смахивающий на болтуна курсант.

— Детали нам не нужны, мы бросаем их за борт, как лишний балласт. Короче, я иду флагманом. Следуй за мной в кильватер и помни — подача звуковых сигналов запрещена. Уяснил?

— Вполне.

— Полный вперед!

Так они и пошли — впереди флотский, за ним — Петька. Пошли к причалу, туда, где многочисленными огнями высвечивалась надстройка пассажирского теплохода.

X

Звон был мелким и приглушенным. Так звучит быстропадающая капель при дружной весне. Петька открыл глаза, непонимающе осмотрелся. Небольшое помещение наполнено светом. Вверху, на свежевыкрашенном подволоке, дрожит серебристое пятно солнечного зайчика. Звук идет от оставленной в стакане чайной ложки. Значит, судно уже на ходу, и он просто-напросто проспал отшвартовку, выход из порта. Круглый глазок иллюминатора рядом с койкой. Петька приподнялся, прильнул лицом к толстому стеклу. Удивленно ахнул. Берег был в нескольких метрах от борта теплохода. Густые заросли ивняка тянулись сплошной стеной, а за ними, насколько хватало глаз, разбросалась сочная зелень заливных лугов, в которых слюдянисто поблескивали окошки озерной воды. Петька соскочил с койки, начал торопливо одеваться.

Вчера допоздна просидели с Костей, как звали нового знакомого, и с другими ребятами. Их было шесть человек, курсантов мореходного училища, проходивших летнюю практику на теплоходе. Основная команда относилась к практикантам с той легкостью, какая бывает у классного руководителя к ученикам, попавшим под его начало временно и на довольно короткий срок. Не шалят, школьные порядки не нарушают, и на том ладно. Да и какие из них моряки? Так, одно название. Только и того, что форму носят. Были они для команды все на одно лицо, потому-то так легко и удалось Косте провести Петьку на теплоход, поселить в кубрике. Наутро сообща экипировали «зайца», наскребли форменной одежды. Кто-то лишнюю тельняшку нашел, второй — суконку, третий — брюки. Вот только бескозырки не оказалось. Пришлось довольствоваться старым рабочим беретом. Ничего, сошло.

Утром ушли из Мариуполя, взяли курс на Ейск. Петька много слышал об этом городе от матери и сестры. Нацелился побродить по незнакомым улицам, не пришлось. Стоянку укоротили до предела. Капитан торопился засветло попасть в Таганрог, предпоследний перед Ростовом порт. Там опять ночевка. Ребята, кроме вахтенных, ушли на танцы. Приглашали Петьку — отказался. Сказать, что не умеет танцевать — стыдно, запросто на смех поднимут. Еще, чего доброго, учить возьмутся. А на кой оно ему надо? Невелико удовольствие — дергаться ногами и телом под музыку.

Он один выбрался в город. Пробыл там совсем недолго. В кино сходил, посидел на скамейке у памятника Петру. С прибрежного холма хорошо просматривался противоположный берег. Восточная часть Таганрогского залива больше напоминала широкий разлив реки, нежели море. С одной стороны на другую запросто на шлюпке переберешься. То ли дело у них в Камково. Куда не глянешь — водный простор, глазу, кроме моря, не за что зацепиться.

Вспомнил, завтра поутру «Капелла» будет входить в Дон. Как не увидеть слияние реки и моря? Поспешил на судно, чтобы пораньше уснуть, и вот тебе — увидел. И все из-за Кости. Ребята вернулись с берега, стали играть в домино. Новый дружок выбрал Петьку партнером. Отказать было неудобно. До утра бы просидели — не загляни в кубрик вахтенный штурман. Пригрозил по приходе в Ростов всех оставить без берега. Подействовало. Вмиг разобрали постели. В городе у каждого друзья и знакомые. Не дадут увольнения — до следующего прихода никого не увидишь.

Наскоро умывшись, Петька поднялся на палубу. Теплоход шел Доном. Границу фарватера очерчивали сигары бакенов. Река ползущим удавом вилась в берегах, образовывала множество колен: Азовское, Рогожкинское, [illegible], Колузаевское. К самой воде лепились казачьи станицы. Брех собак, мычание коров, блеяние овец, редкие человеческие голоса, что доносились с берега, никак не вязались с [illegible] под ногами палубой, поскрипыванием штуртроса, [illegible] командами с мостика — всеми атрибутами, которые, [illegible] Петьки, могли принадлежать только морю. Он вздрогнул от [illegible] к плечу чьей-то руки. Оглянулся, увидел Костю.

— Чаевничал?— спросил курсант, чуть прищурив припухшие глаза. Он стоял «собаку», как называют на судах ночную, самую тяжелую вахту. Спать ему почти не пришлось.

— Ага,— соврал Петька. Ему было не до чая.

— Сейчас и я забункеруюсь,— разводя плечи и крупно зевая, сказал Костя.— А потом — на боковую. До вечера проваляюсь. Ты сразу по приходу — к нам?— Он имел в виду училище. Петька понял дружка:

— Куда же еще!

— Главное — не робей. Все будет в ажуре!

— Постараюсь.

Хорошо говорить, а как это сделать — не робеть? Чувство внутренней настороженности не покидало Петьку, когда он вышагивал по горбатым ростовским улицам, направляясь к училищу, дорогу туда ему объяснили новые товарищи. Оно еще больше усилилось при подходе к мрачноватому зданию, чем-то напоминающему казарменное строение. Массивные, невольно внушающие уважение, двери входа. За ними — длинный мрачноватый коридор.

— Вам к кому?

Похожий на Костика курсант встал на дороге Петьки.

— К флаг-секретарю.— Так ответить дежурному его тоже научили ребята.

По левому борту последняя дверь в конце коридора.— Курсант отступил на шаг и уже совсем неофициально спросил:— Поступать?

— Угадал.

— Восьмой ты сегодня. А еще не вечер.

— Это много?

— Нормально.

В коридоре под высоким потолком даже днем горят светильники. Окон нет. В стенах в строгой последовательности, одна за одной, дверные ниши. За ними — классы. Так и тянет заглянуть хоть в один. Там познаются таинства мореходной науки. Наверняка увидишь умные приборы, помогающие людям водить корабли и, конечно, карты. Карты не только морей и океанов, но и звездного неба. Причудливые гирлянды созвездий обоих полушарий со звучными и чуточку таинственными названиями. Так думается Петьке. Откуда ему знать, что в пустующих сейчас аудиториях — голые стены и пахнущие свежей краской полы. Училище готовится к новому учебному году.

Дверь с табличкой «Флагман-секретарь» чуть поменьше остальных. Петька тихонько постучался, услышал короткое:

— Войдите!

Флаг-секретарь не намного старше Петьки. Может быть, на два, от силы — три года. Под белесыми бровями большие, цвета осеннего моря глаза. Из-под форменного берета спадает на грудь толстая коса с разлохмаченным кончиком. Воротник белой кофты наглухо закрывает шею.

— Слушаю вас?

Взгляд серых глаз скучающе безразличен. Десятки раз в день приходится задавать один и тот же вопрос. Причем уже заранее знаешь, что на него ответят и что придется говорить самой. Всем допущенным к экзаменам посланы вызовы. Абитуриенты начнут прибывать через неделю-полторы. Сейчас являются те, кто в силу каких-то причин училищу не пригодны. Отказы, как правило, посылаются им тогда, когда начинаются вступительные экзамены. Сидели бы дома и ждали официального уведомления. Нет, едут. Находятся нетерпеливые, вроде вот этого.

Флаг-секретарь, а попросту Зина-касатка, как называют девушку курсанты, делает вид, что внимательно слушает новичка, но рука машинально тянется к стопке с отказными письмами. Они рядышком,— в левой тумбочке стола. Молодой человек проживает в поселке Камково Песчанского района. Одну минутку.

На полированную поверхность стола тяжело падает толстый конверт. В нем документы и заключение мандатной комиссии, решившей судьбу Петра Петровича Малахова. Он не имеет права стать моряком заграничного плавания, тем более самостоятельно водить суда в далекие моря-океаны. Строгая инструкция не разрешает принимать в училище людей, побывавших в оккупации, а у этого случай особенный: отец — фашистский прислужник. Сын бургомистра и вдруг — курсант мореходки! Такого у них еще не было. Личные дела будущих кадров флота должны быть чисты и прозрач-

ны, как дистиллированная вода. Ничего даже похожего на грязь. И потом, после окончания училища, выпускники пройдут еще не через один фильтр, но первый — мандатная комиссия.

Конечно, открыто об этом не говорится. Формулировки обтекаемы и легки, как пена на гребнях волн. О настоящих причинах отказа Зина-касатка понятия не имеет. Может только догадываться.

— Значит, вызова мне не будет?

— Тем, кому нужно, они уже давно отправлены

— Понятно!

Рука у Петьки дрожала, когда он брал со стола конверт. Ему действительно все было понятно. Коль отдают документы — значит, отказ в приеме. Почему? И как быть дальше?

Показалось, над самым ухом зазвенел комар. Потом звон усилился, стал громким до боли. Такое с ним уже бывало. Сейчас звон оборвется, оглушительная наступит тишина. Стены поплывут перед глазами, запляшут в неистовом танце.

— Вам плохо?— Голос глухой, звучит, как из пустой бочки. И сразу же за ним второй, неизвестно откуда он взялся:

— Зиночка, свяжитесь, пожалуйста, с пароходством, узнайте.. Минутку, что у вас здесь происходит?

— Товарищу плохо, Илья Максимович!

Нет, не поплыла комната, начал пропадать звон. Голоса стали звучать отчетливее. Вот только жарко стало, даже испарина на лбу выступила. Постарался как можно спокойнее сказать:

— Все нормально, прощайте!

— Зайдите ко мне, молодой человек!

Петька, как в тумане, увидел крупную фигуру со множеством золотистых шевронов на рукавах, ярко блестевшие пуговицы. Сказавший круто повернулся, направился к выходу. Петька продолжал стоять. Зиночка легкой бабочкой облетела вокруг стола, осторожно подтолкнула его к двери:

— Идите!.. Боже, какой вы нервный!

XI

В кабинете, куда они вошли, были настежь открыты окна Солнечные зайчики плясали на стеклах, густая донская прохлада почему-то явственно пахла морем. Наверное, ветер просаливался уже здесь в помещении, где стены были увешаны картами, а на дубовой полке скромно выстроились лоции Азовского, Черного, Средиземного, Баренцова, Балтийского и всех других морей, какие только есть на свете. От них почти ощутимо веяло тропическими муссонами и ледяным дыханием Арктики

Нежный хронометр мягко отстукивал гринвическое время. За атмосферой настороженно следил барометр, а под приборами, подняв все паруса, стояла готовая к старту бригантина. Казалось, только возьми на борт позолоченную якорную цепь — и рванется парусник на вольный простор, туда, где, сшибаясь друг с дружкой, пенятся волны и поет свои разгульные песни бродяга-ветер.

— Садись! — Человек, приведший Петьку в кабинет, устало вздохнул, обошел стол, тяжело опустился в мягкое кресло. — Давай документы.

Петька привстал, протянул конверт. Смотрел, как вспарывает бумагу костяной нож и толстые пальцы, поросшие мелкими седыми волосами, извлекают на свет содержимое. Бумаг было много: личный листок по учету кадров, странички с автобиографией, справка о здоровье, копия метрической выписки, заявление, фотографии.

— Садись, чего встал? — не глядя на Петьку, строго сказал хозяин кабинета, углубился в бумаги. Рассматривал долго и внимательно. Потом поднял голову: — Теперь рассказывай!

— Чего говорить, там все есть! — насупился Петька.

— Так уж и все? Нет, дорогой товарищ, никогда бумажки о человеке всего не скажут. Никогда! — уверенно повторил Илья Максимович. — Вот здесь ты пишешь, что был в оккупации. А почему был, с кем остался?

— Так ведь от парохода я отстал, куда мне деваться было?

— Вот с этого и начинай. А еще лучше с того времени, как себя помнить начал. Понимаешь, Петр Петрович, я человек любознательный, все хочу знать.

Он умел слушать, Илья Максимович Максимов — заместитель начальника училища по политической части. Не старался подбодрить собеседника, помочь ему наводящим вопросом. Просто слушал и все, и это больше всего заставляло людей до конца раскрываться перед ним. Петька и не заметил, как выложил Максимову свой запутанный и отнюдь не легкий кусок жизни. Выложил правдиво и честно, поведав даже то, о чем никогда никому не рассказывал.

Тогда, после первой и последней встречи с отцом в оккупированном городе, Петька сумел выбраться из Песчанска. Его взяли под Петровской, несколько дней продержали в общей камере. Потом неожиданно вымыли в бане, привезли в незнакомый дом и оставили один на один с немецким полковником.

Оберст долго и внимательно рассматривал Петьку. В его взгляде не было ни вражды, ни злости — простое и совершенно непонятное для мальчишки человеческое любопытство с небольшой толикой участия. От такого Петька уже давно отвык, потому и насторожился. Если бы кричали, били — все было бы понятно, а так. .

— Как тебя зовут, мальчик? — по-русски и довольно сносно спросил оберст.

— Петькой зовут, как же еще! — сказал мальчишка, понимая, что этим ответом никого не выдает и никакой тайны не открывает.

— Как и отца! Это хорошо. Сейчас мы будем кушать, а потом еще говорить. — Оберст хлопнул в ладоши. Бесшумно отворилась дверь, солдат вкатил в комнату передвижной, уставленный едой столик. — Садись и кушай. Знаю, ты очень голодный.

Поджаренные хлебцы, кружки копченой колбасы, ломтики сливочного масла, бутерброды с икрой, сыром, рыбой — такого обилия Петька не видел до войны. Хозяин собственноручно налил чаш-

ку ароматного кофе, поставил поближе к гостю вазочку со сливками.

— Кушай, Петр.

Петька был голоден, забыл, когда ел в последний раз, да и можно ли было назвать едой то, что им давали в камере? Но сейчас понимал, даже силой не смог бы заставить себя проглотить кусок. В горле стоял спазм. Петька взял горячую чашку с кофе, сделал глоток, поперхнулся.

— Не надо спешить, Петр.— Оберст неторопливо расхаживал по комнате, бросал на сидящего за столом мальчишку короткие взгляды. Петька поймал один, отодвинулся от стола, съежился, стал похож на затравленного зверька. Гарденберг не заметил этого. Он ушел в свое.

Месяц назад он был по делам в Берлине. Знакомый дом встретил его зашторенными окнами, затхлостью давно не проветриваемых комнат.

— Герр оберст!— молоденькая горничная присела в уважительном книксене. Он бросил ей на руки снятую на ходу шинель, поспешил наверх.

— Карл!— Мать хотела протянуть к нему руки, но у нее недостало сил.

— Лежите, мама!— Гарденберг знал, что она больна, но не думал, что так серьезно. Он присел рядом с больной, положил ладонь на сухой и холодный лоб.

— Я боялась, что не увижу тебя, сынок..— Голос матери был слаб.— Мне нужно сказать тебе очень важное.

Он слушал внимательно и не верил ни одному ее слову. Это могло быть только бредом умирающего человека. Оказывается, он никакой не ариец, не сын германского разведчика, погибшего, как ему говорили, на опасной работе в России в канун прошлой войны. Мать просто прижила его с каким-то русским подпольщиком в имении деда под Одессой.

— Это правда, фрау Эльза? – впервые он обратился к матери, как к постороннему человеку. По спокойному взгляду некогда таких родных глаз понял, что его не обманули.

— Потаскуха!..

В тот же день он уехал в Ровно, так и не появившись больше дома. В рейхскомиссариате его ждало извещение о смерти матери.

Потом он жалел о сказанном, понимая, что грязное слово наверняка добило больного человека, но сделать уже было нельзя ничего. В Ровно он вспомнил о Малахове, о его заинтересованности в судьбе фрау Эльзы. Ему захотелось увидеть его. Он взял командировку в Песчанск, но поспел только на похороны. Здесь ему сказали о сыне Малахова. Как было не встретиться?

— Почему ты не ешь?

— Я не хочу!..

— Ты делаешь очень плохо, но я понимаю... Сейчас тебя отвезут за город. Там ты пойдешь один. Мариуполь, Таганрог, Ростов... Идти нужно туда.

Его действительно отвезли на машине оберста почти до Мариуполя, высадили на дороге. Водитель сунул в руки какой-то сверток и укатил. В пакете Петька нашел бутерброды, кусок сала и ломоть хлеба. Когда понял, что ему действительно ничего не угрожает, с жадностью набросился на еду.

Об этой странной беседе с немецким полковником никому никогда Петька не рассказывал, а тут открылся.

«Он абсолютно честен, добрый моряк из него получится. Настоящий!»— думал Илья Максимович, вслушиваясь в рассказ Петьки.

Давний маросфлот, как называли на судах людей, много лет отдавших морю, Максимов начинал юнгой еще на коммерческих судах РОПИТа*. Третьим штурманом принимал участие в первом советском рейсе из Мурманска во Владивосток по Северному морскому пути. Старшим помощником капитана помогал республиканской Испании бороться с мятежниками, побывал в застенках франкистов. Во время войны командовал транспортом, который был частым гостем в осажденных Одессе и Севастополе.

Больше всего Максимов ценил в людях честность. Он веровал в то, что большая часть аварий и происшествий на флоте случается не от профессиональной негодности команд, а именно от нечестности. Ложь судовладельцев породила трагедию «Титаника». Обман промышленников, поставлявших снаряжение на «Святого Фоку», привел к гибели экспедиции Георгия Седова. Услышав о пожаре или посадке на камни какого-нибудь судна, Максимов без обиняков заявлял: «Ищите лжеца!». Трагедия, по его мнению, могла случиться только потому, что кто-то из виноватых много лет обманывал себя, и команду, прикрывая плохую службу красивыми рапортами о мнимом благополучии.

Потому-то честность и была для него мерилом истинного человеческого достоинства, лакмусовой бумажкой, которой проявляется отношение специалиста к делу.

Молодой собеседник явно нравился Илье Максимовичу, но при всем этом он явственно сознавал, что не в силах ничем помочь ему. Училище для подростков с такой биографией, как у Малахова, было заказано, запрет контролировался специальными отделами, для которых и сам Максимов не больше чем объект для пристального изучения и постоянного наблюдения. Но если бы кто знал, как хотелось Илье Максимовичу, чтоб этот мальчишка попал на флот.

— Как же ты теперь будешь?— спросил Максимов.

— Не знаю!— Петька совсем по-детски шмыгнул носом, насупился.

— А нужно бы знать. Моряком хочешь стать?

— Очень!

— Значит, станешь. Поезжай-ка ты сейчас, молодой человек...

Он не успел закончить мысль. Петька перебил его:

— Домой я не поеду! Как я туда заявлюсь?

---

* РОПИТ — Российское общество пароходства и торговли.

— Домой тебе и не нужно,— согласился Илья Максимович, заставив вздрогнуть Петьку.— Нужно тебе ехать в Мариуполь. Там начала работать школа мореходного обучения. Готовят кадры для каботажа, поэтому к анкетам не очень присматриваются. Словом, годик проучишься — станешь матросом первого класса. Для начала очень даже неплохо. Постарайся попасть на прием к начальнику школы. Отдашь ему документы. В случае какой заминки пусть позвонит мне. Он знает как. Сделаешь?

— Непременно. Спасибо вам!

— Пока не за что. Счастья тебе, Петр Петрович! И долгих морских дорог!

Илья Максимович встал, обошел стол, протянул Петьке руку. Мальчишка без боязни вложил в нее свою маленькую, но крепкую ладошку.

XII

Гибель «Косатки» видел маячник знака Обжитой косы. Он наведывался на шпиль два раза в сутки — утром и вечером. С заходом солнца включал ацетиленовую горелку, поутру гасил. Тяжело осевшее в воду судно не могло не привлечь его внимания. В сердцах он даже ругнул команду: «Подурели, в господа бога малохольные! Далеко ли до беды с такой погрузкой. Их счастье, что сплошная бунация, а кабы погода?»

Перекрыв вентиль баллона, он еще раз взглянул на море и не поверил глазам: до самого горизонта оно было чистым. Шхуна словно испарилась.

Маячник был мужик степенный. Ни в бога, ни в черта, ни в потусторонние силы не верил. Коль судно, которое только что было на виду исчезло, значит, оно ушло под воду. Оседлав мотоцикл, который стоял у входа в подсобку, маячник выжал все, что могла дать старенькая машина. Через несколько минут о случившемся узнали в центральном поселке косы. К месту аварии вышли две фелюги и мотобот.

Четырех пострадавших нашли сразу. Оранжевые спасательные нагрудники были хорошо видны на синеве воды. Мотобот доставил их в поселок. Фелюги продолжали поиск до вечера, ходили переменными курсами, но пятого члена экипажа не обнаружили. Пятым был Николай Крутоверхний.

Петра Бандуру сразу взяли под стражу. Мера пресечения остальным оказалась не столь строгой — подписка о невыезде. Шуру отпустили, предупредив, что она может понадобиться в качестве свидетеля. Девушка ненадолго съездила домой, потом вернулась в Песчанск, где разбиралось дело команды. Решила ждать конца следствия. Временно устроилась работать на Красномайку, там же получила койку в общежитии.

С Матреной она познакомилась в горотделе милиции. Вместе пришли просить свидания с Петром. И той, и другой отказали. Дело не закончено — никаких свиданий. После суда — пожалуйста. Передачи разрешаются два раза в неделю.

У начальника они были порознь, друг с другом не встретились. Сошлись в дежурке. Молоденький лейтенант рассказывал Шуре, что и когда можно приносить, пояснял правила приема передач. Матрена пришла за этим же. Стояла в сторонке, внимательно слушала.

Из отдела вышли вместе. Давно замечено, что общее горе роднит самых различных людей, позволяет общаться, как старым знакомым. Ничего удивительного не было в том, что Матрена спросила:

— У тебя кто страдает, милая?

— Так, знакомый!— не очень охотно ответила девушка. Шура и сама не понимала, что заставило ее приехать в Песчанск, добиваться свидания с человеком, которого она, по сути, не знала.

— Чего же он набедокурил?

— А ничего! Совсем ничего, и все тут! Разве кто виноват, что эта старая калоша затонула? Мне ребята рассказывали, что на ней и в море выходить нельзя было. Силком погнали, еще и виноватым сделали.

— Постой-погоди!— скороговоркой сказала Матрена, схватив девушку за руку, остановила:— Ты не о шкипере с «Косатки» речь ведешь?

— О ком же еще? О нем и говорю!

— И кем он тебе доводится?— В голосе Матрены прозвучало нечто большее, чем простое любопытство, и это сразу уловила Шура. Почувствовала, что ееловят на чем-то нехорошем. Обиженно, скрывая смущение под нарочитой грубоватостью, отрезала:

— Вам-то какое дело?

— Такое, что мать я этому шкиперу! А вот кто ты моему Петру будешь, про это мне совершенно неизвестно!

— Боже мой, да никто,— покраснела Шура — Домой я на этой шхуне добиралась. Он меня брать даже не хотел, сын ваш. Хорошо, дяденька вступился Добрый такой. Потом нагрудник мне свой отдал, а сам...— Девушка не выдержала, всхлипнула.

— Погоди, не реви,— виновато сказала Матрена, повнимательнее присматриваясь к новой знакомой. Подумалось: теперь она может подробно разузнать, что же случилось там — в море.— Ты взаправду с нашими бедовала?

— Нет, вру, наверное!

— Ладно, не злись!— уловив обиду в словах девушки, примирительно протянула Матрена.— Меня тоже пойми Сколько лет мужиков с войны ждала, места не находила. Живыми вернулись, я вроде заново на свет народилась. Теперь как быть?

— Разве я не понимаю!

Ушли на краешек тротуара, чтобы не мешать прохожим, долго разговаривали. Все интересовало Матрену. Что скрывать, теплилась надежда — уцелел Николай. Всплыл в сторонке, подался не на Обжитую, а к другому берегу. Мог на Арапке выбраться или в Степановке, а то и на Арабатской стрелке. Мужик к морю привычный, такого не сразу сломишь.

Шура поняла Матрену, надежду отнимать не стала. Умолчала, что в кубрике остался старый рыбак, когда пошла на дно «Косатка».

Расстались по-доброму. Договорились, что по очереди станут навещать Петра. Покуда передачи носить, а там, глядишь, и свидания разрешат.

Думали, что скоро это случится, но следствие неожиданно зашло в тупик. Ясное поначалу дело к концу запуталось. Как явствовало из показаний свидетелей, в действиях капитана не было криминала. С самого начала принимались все возможные меры по спасению судна. Борьба за живучесть «Косатки» продолжалась до последней секунды. Да, погиб человек. Но опять-таки, при чем здесь капитан? Крутоверхний ушел в кубрик за спасательным нагрудником. Кто мог предугадать, что именно в этот момент шхуна уйдет на дно?

Пока шло разбирательство, случилось еще два ЧП с однотипными посудинами. В схожей ситуации при штилевой погоде утонул «Скат», шедший из Соляного в Геническ. Вскоре в Керчи, прямо у причала завода Войкова, села на дно «Акула». В расследование аварий подключили инспекцию Морского Регистра. Ей же вменили в обязанность дать заключение о состоянии судов, еще находящихся на плаву. Выводы различных комиссий были однозначны: суда типа «Косатка» к плаванию без капитального ремонта и установки дополнительных креплений не пригодны. Наказанию подлежат не команды, а те, кто давал разрешение на их выход в море. Распоряжением прокурора Азовского бассейна дела на капитанов погибших шхун были закрыты. Петра отпустили домой.

XIII

Василий, как всегда, встал спозаранку. Аннушка уже была на ногах. Возилась в кухне, готовила завтрак. Жареным на сале картофелем тянуло в приоткрытую дверь спальни, к нему примешивался аромат настоящего чая.

Позевывая, Бандура вышел во двор, долго полоскался под прибитым к дереву умывальником. Остывшая за ночь вода приятно холодила тело, вызывала легкий озноб. Свежее, приготовленное женой полотенце висело рядом с умывальником.

В сероватом, только-только начавшем подбеливаться небе еще висели звезды, но поселок уже не спал. У причала, готовясь к выходу в море, пробовал двигатель мотобот, бросал в сторожкую предутреннюю тишину гулкие выстрелы выхлопов. Во дворах мычала выдоенная скотина, ждала выгона. Лениво перебрехивались собаки, подавали голос на чужие голоса и шаги.

Завтракали вдвоем. Сыновья учились в интернате в Песчанске, приезжали домой только на выходные. Анна торопливо глотала горячий чай, морщилась.

— Ну и куда ты себя гонишь?— не выдержал Василий.— Чисто на поезд опаздываешь. Още на дворе темно, а тебе уже невтерпеж с дому убежать.

— Так ить надо, Вася. Бабы соберутся, а бригадирши нет. Куды такое дело годится?

— Никак у меня руки до твоих баб и до тебя не дойдут!— Бандура в сердцах отодвинул сковородку с картошкой, бросил на стол вилку.— Моду взяли чуть свет к морю скакать. Куда ни шло, кабы на волокуше работали. Тама, понятно, припоздал, зорю потерял, с пустышкой остался. А вы со ставниками дело имеете. Туда что попало, там и осталось. Хочь поутру невод подрезай, хочь в обед — никакой разницы. Токи головы морочите и себе, и мужикам своим.

— Где они, те мужики, председатель?— Анна подняла голову, тяжело вздохнула.— Кабы грел кто баб моих, может, они до обеда у постелях валялись. Одной, хоть даже на перине мягкой не дюже лежать захочется. Потому до петухов и вскакивают. Это мне дурничка попалась.— Поднялась, подошла к мужу, чмокнула в седеющую голову. Придвинула поближе к Василию сковороду, сунула в руку вилку.— Ты ешь. Небось, покуда с моря не возвернусь, домой не заявишься. Будешь у своем кабинете голодным сидеть, табачный туман заглатывать.

В рабочее одевалась Анна тут же на кухне. Старательно намотала портянки, сунула ноги в болотные сапоги. Василий смотрел, как под ворохом ватных одежек и прорезиненной робы толстеет фигура жены, теряет привлекательность. Только что за столом сидела женщина, которой любая девка в поселке могла позавидовать, на глазах сама себя в огородное пугало превратила.

— Ты, Анка, чисто тебе капуста, сто одежек на себя набрала,— недовольно сказал Василий.

— Так ить холодно уже у море, Вася,— застегивая венцераду, ответила жена.— Бабе простудиться — плевое дело. Потому и остерегаемся.

— Прикрывать надо вашу лавочку. И чем скорее, тем лучше!— нахмурился Василий. Тыльной стороной ладони вытер жирные от сала губы.

— Как тебя понимать, председатель?— удивленно уставилась на мужа Анка.

— Как сказал, так и понимай. Нельзя пускать вас у море, и все тут! Ишо десять лет порыбалите — на поселке крест поставим. Кто рыбацкий род продолжит, если вы дневать и ночевать на воде будете? На вас глядя, молодые девки в бригады собираются, как навроде, окромя этой рыбы проклятущей, уже и никаких радостей у жизни нету. Ты наши вечерки на шпиле помнишь? Иде они подевались? Гармошки захудалой на улице не услышишь. Песни позабывали, когда пели. Такую тяжкую годину пережили, злейшему врагу голову отвернули. Тута бы плечи расправить, радость свою проявить, а мы как занузданные ходим, света белого не видим.

— Ты поосторожнее словами кидайся, Вася,— почему-то шепотом сказала Анна.— Услышит кто-нибудь, навроде Гаври нашего, не возрадуешься.

— Разве у словах дело?— криво усмехнулся Василий.— Нам

жизню менять надо, на какой-то другой румб выворачиваться, а на какой, хоть убей — я не знаю!— Черкнул ребром ладони по горлу, с горечью добавил:— Вот как нам сейчас Петра Малахова не хватает. Тот бы враз подсказал, на какой курс ложиться. Я так понимаю, надо до Алешки в город податься, совет с ним держать. Должен выход знать секретарь партийный. Иначе будем мы кружлять, как рыба в ставнике. Вроде и плаваешь, а выхода нет.

Проводив жену, Василий убрал со стола, вымыл посуду. Делать это вошло в привычку. Уже совсем рассвело. Выползающее из-за дюн солнце подожгло стекла выходящих на восток окон, пожарным огнем залило кухню. В контору идти было рано, на причал — не хотелось. После разговора с Анной не было никакого желания видеть пелено одетых женщин, прыгающих в баркасы.

«Погребусь-ка я в город,— решил Василий.— С таким настроением никак мне в кабинете появляться нельзя. Зачну кидаться на людей, чисто тебе кобель хуторский, иню покусаю кого»

В контору он все-таки ненадолго заглянул. Дочери погибшего Антона Беляка, русоволосой Наталье, исполняющей должности секретарши и посыльной, отдал нужные распоряжения. Сказал, что постарается вернуться к обеду. Уходя, задержался на пороге, обернулся

— Чего-нибудь еще, Василий Савельевич?

— Покуда нет.— Бандура неожиданно для девушки озорно прищелкнул языком, дернул седеющей бровью. На секунду стал похож на того Ваську, что по вечерам вплавь перемахивал бухту, спеша на вечерку.— На свадьбу сама пригласишь или без спросу заявляться?

— Да ну вас! — Наталья смутилась, зарделась. Стыдливо прикрыла лицо ладошкой. В щели между пальцами глядел горячий зрачок. Лучиком веселой лукавинки тянулся к председателю — Вы уж скажете!

— Ладно прибедняться! Такие подолгу в девках не засиживаются.

Бандура вышел во двор. Раскованно себя почувствовал и легко. Вроде и впрямь десять лет сбросил. Глубоко вдохнул пахнувший смолкой воздух. Нет, рано на поселке крест ставить! Вон какая поросль поднимается. Давно ли босой и замызганной гонялась по берегу малая Белячиха? Нынче совсем заневестилась. А сколько их таких? Значит, жить можно!

Двухколесная повозка-бедарка неторопливо катилась по разъезженной дороге. Бандура не подгонял жеребца, хотелось подольше побыть одному. Редко сейчас такое выпадает. Скрипел под колесами песок, мягко чавкали в лиманной жижице лошадиные копыта. Зависшее над камышами солнце слепило глаза, выжимало слезу.

Половина сентября, а по утрам уже прохладно. Вот-вот первые морозы ударят, начнет в косяки сбиваться рыба. Время бригады для глубинного лова готовить. Из треста уже было напоминание. Суда МРС даст, а вот людей? Опять придется малолеток собирать.

Впрочем, никакие они уже не малолетки. Многим за шестнадцать перемахнуло, кое-кто уже наверняка на девок заглядывается. Это матери, что во время войны сынов подолами прикрывали, до сих пор их несмысленышами считают, по привычке под нос пацанам заглядывают — нет ли соплей, а там уже усы пробиваются. Бабы — они первыми крик и подымут. Куда таких желторотых от дома отрывать? Их понять можно. Взять хотя бы Матрену. Кабы не ушли на службу близнецы, отпустила бы она Кольку и Гришку от себя после того, как море у нее второго мужа отняло и Петра наказало? Старшего и то от себя оторвать боится.

Припомнился разговор с племянником. Петр заявился к Василию сразу же после возвращения из Песчанска. Худой пришел и бледный, как после госпиталя. Анна стол расстаралась накрыть, графин вина домашнего выставила. Сама не засиживалась, ссылаясь на дела, ушла. Понимала, мужикам один на один поговорить нужно.

— Я так соображаю, племяш, теперя тебя кнутом на палубу не загонишь,— сказал Василий, когда они остались вдвоем.

— Это отчего же?— пожал плечами Петр. Поставил недопитый стакан на стол.— Вроде не калека я, на здоровье не жалуюсь. Может, какие другие причины в виду имеешь — скажи!

— Какие там причины,— отмахнулся Бандура.— Крепко тебя море ударило. Такое не сразу забудешь.— Василий пытливо смотрел на племянника, ждал реакции на свои слова. Выдержал ли Петр, не сломался? Знал, какая страшная болезнь — водобоязнь. Самых крепких мужиков в дугу гнула, дрожать заставляла. В войну на таких насмотрелся. Иной, покуда корабль на плаву, ни бомб, ни торпед, ни пуль не боялся. Раненый боевой пост не покидал, силой в лазарет отправляли. Стоило потерять палубу под ногами, соленой водички хлебнуть, как совершенно другим человеком делался. От одного вида моря дрожал, рассудок терял.

— Меня, Савельевич, не столько море, сколько люди били,— спокойно ответил Петр.— Все с этого проклятого учителя началось. Поверил я ему. Как было не поверить, если сам Малахов доверял? А он, видишь, какой гадостью оказался. Ну да черт с ним! Шлепнули его после суда — туда и дорога. Только мне от того не легче стало. От войны, считай, отстранили, на задворках держали. Демобилизовался, как вроде на новую дорожку вышел. Думал, все плохое за кормой осталось. Ан нет! Сызнова все началось. Долго мне эту «Косатку» помнить будут. Может, до конца жизни. Хотя в том, что она на дно пошла, никакой моей вины нет. Все равно ничего не боюсь. Любую посудину, какую доверишь, хоть сегодня приму. А не доверишь — рыбаком пойду. Потому, как без моря себя не мыслю.

— Вот за это хвалю!— заулыбался Бандура. Долил вина в стакан племянника, наполнил свой.— За это мы с тобой и выпьем. Пущай море нас боится, а не мы его! Будь здоров, Петро!

Закусывали молча. Василий с аппетитом жевал осетровый жирок, по-грибному твердый, похрустывающий на зубах. Хлеб отла-

мывал маленькими кусочками, бросал в рот. Петр на еду не наваливался, сыт был. Перед уходом из дому мать накормила. Для вида ковырял вилкой в тарелке с винегретом.

— Посудина для тебя уже почти готовая,— обтирая жирные губы полотенцем, сказал Василий.— Да такая, какой в наших краях ишо и не видели. На Азовской верфи новые суда заложили. Все чисто, как один, из железа. Азово-черноморскими сейнерами прозываться будут. Смекаешь, в два моря можно бегать и никакой погоды, даже льда, не боятся. Два сейнера нашей МРС выделяют. Один ты примешь. И тут тебе мой совет: бери в команду молодняк. Не гляди, что у этих рыбацких сынов ишо пацанячего много, у работе они позубастее нашего брата будут. Собьешь бригаду, делу ребят научишь, горя знать не будешь. У тебя это получится. Как?

— Когда принимать сейнер?

— Думаю, через месяц. Раньше не выйдет.

— Такое мне подходит,— задумчиво протянул Петр, чему-то улыбнулся.— Тут дело такое, товарищ председатель, свадьбу я играть надумал. И не позже чем через неделю. Вас с Нюрой приглашаю, желанными гостями будете.

— Погоди, как это?— насторожился Бандура.— А мать чего скажет?

— Мать меня первой и торопит. Я ей говорил, давай погодим, пускай хоть полгодика после гибели отчима пройдет, она и слышать не хочет. Одно твердит: Николая никак не вернешь, а живые про живое и думать должны.

— Может, она и права,— согласился Василий.— Жаль Кольку, но окажись он сейчас каким-то образом промеж нами, ей бы сторону Матрены принял бы. А на войне как бывало? Тута убивают и тута же любятся. В пару кого полюбил?

— Незнакомая она тебе, Савельевич. В Соляном с ней увиделся. В рейсе она с нами была, когда беда приключилась. Отчим ишо шутил, глядите, как бы вас море не обвенчало. Туда оно и повернуло.

— Слышал я про твою невесту, мать рассказывала. То, что вы с ней в одной воде барахтались, ишо не совсем главное. Вот, когда ты в беду попал, а она тебя не оставила — это много значит! Наша у ней закваска — рыбацкая! И потому выбор твой, племяш, правильный, и на свадьбу вашу мы всей родней непременно заявимся.

— Спасибо, Василий Савельевич!

Бандура проводил Петра до калитки. Отодвинув щеколду, не спешил отпускать племянника. В задумчивости сказал:

— Догадываешься, зачем тебя мать поскорее женить хочет?

— Так никакого секрета здесь нет,— пожал плечами Петр,— матери, они и во сне нас женатыми видят. Кому не хочется невестку послушную под рукой иметь, ишо внучат...

— Не то, Петя,— не согласился Бандура.— Тута, по-моему, случай особенный. Морю она тебя отдавать не желает. А кто крепче к берегу привяжет, как не молодая женушка? Коль заупря-

мишься, то подмога у нее всегда под рукой. Против двоих устоять намного труднее. Такие у ней рассуждения.

— Пусть даже так, все едино, председатель, я их осилю. Один не справлюсь — всю мужиковскую родню на помощь кликну. Гуртом мы не только баб — любую враженяку осилим! Говорил тебе и еще скажу — без моря мне жизни нету!

— Так и держи, капитан!

Свадьбу наметили сыграть в воскресенье. Направляясь в город, Бандура, помимо прочих дел, решил навестить Григория, непременно вытащить их с Оксаной и Алексеем в Камково. Когда еще выпадет случай собраться вместе?

XIV

На западной части острова, где стоит хутор Савелия Марковича Бандуры, за небольшим соленым озерком, кудрявится акациевая роща. Разных величин и возраста растут здесь деревья. Первое посадил еще дед Савелия Марковича у изголовья могилы отца. С тех пор так и повелось: уменьшится на человека род Бандур — увеличится на деревце роща. У подножья трех акаций нет могильных холмиков. Посажены деревья в память о Семене Бандуре, сложившем голову в далеком Порт-Артуре, Марке, пропавшем без вести в Пинских болотах во время Брусиловского прорыва в июне шестнадцатого года, и Федоре Бандуре, погибшем, как считали родные, в зимнем море.

Тремя топольками-близнецами помечен в роще двадцатый год. В один месяц сгорели от сыпняка мать Василия, меньший брат Колька и семилетний Борис, сын воевавшего на гражданской Григория Бандуры.

Здесь корни рыбацкого рода Бандур и молодые побеги, что не успели расцвести, набрать силу, срезанные неумолимой рукой судьбы.

Покуда жило семейство на острове, рядом были те корни, незримо напоминали о себе веселым пересвистом птиц, гнездившихся в ветвях деревьев, густой тенью, столь частой здесь в солнечные дни. Опустел хутор, что же, и корням пропадать?

...Выгребались на четыре весла. Алексея с Петром усадили на переднюю банку, Григорий и Василий заняли кормовую. Савелий Маркович — за кормчего. Жилистые, все еще крепкие руки цепко обхватили румпель, привычно ворочали тяжелый руль. Баркас промысловый, тонны на четыре, гнать такой по воде не так уж и просто. Сработанность нужна, сноровка, а откуда она у Григория или у Алешки? В кабинетных креслах штаны протирают, совсем к морю не приучены. Старый Бандура хмурился, не давая рыскать посудине, работал румпелем.

Все оставшиеся в живых Бандуры шли на остров. Сговорились проведать родные места еще накануне свадьбы. Тогда же принес Савелий Маркович невесть где добытые саженцы деревьев, заботливо пристроил в прожной части баркаса. Покуда шло на подворье Петра веселье, заботливо поливал пресной водой окутанные тряп-

ками нежные корешки. Собираясь в путь, женщины оставили на берегу. Пусть помогают Матрене управляться после свадьбы.

Солнце всходило за дюнами, полосовало белесую утреннюю дымку розоватыми мечами лучей. Полупрозрачная кисея редкого тумана окутывала уже начавший желтеть камыш, невесомо лежала на зеленоватой груди залива. Остров угадывался по носу баркаса расплывчатым пятном, был похож на затерявшуюся в бескрайней степи потемневшую от времени скирду соломы. Впрочем, если бы даже совсем он был не виден, нашел бы дорогу к родной хате старый Бандура. В дождь и туман, в зной и холод приходилось добираться старику до хутора. Никогда не блудил, в любую темень выходил точно к дому. Так улетавшая в заморские края птица, одолев тысячи километров обратного пути, всегда возвращается к местам гнездования и никогда не ошибается.

Свадьба Савелию Марковичу не то чтобы не понравилась, просто мелкой показалась, душевной раскованности и радости не доставила. Гулянка была как гулянка — и вина попили, и слов хороших молодым наговорили, и ряженые в грязь лицом не ударили, а вот настоящего веселья, того, что из души всю тяжесть выплескивает, так и не почувствовал старик. Совсем не то было, когда Ваську женили. Много годков пролетело, а помнилось все до последней мелочи: праздничная колонна рыбацкой флотилии, идущая в Песчанск, торжественный круг свадебного кортежа по городским бульварам, бравурный марш духового оркестра красноармейцев, что встречал экипажи.

«Не, нету уже тех людей, как Зуев был, Петро Малахов или Матвей Кружилин. Потому и не получается у нонешних молодых ничего. Токи пыль у глаза пущают, а повеселить людей, как надо, духу у них не хватает»,— насупленно думал Савелий Маркович, пытливо всматриваясь в лица сидящих за длинным столом приглашенных на свадьбу людей. Надежда Поливановна, чувствуя состояние мужа, спросила:

— Тебе чего не по душе, Савва? Глянь, как другие радуются, хоть даже сын наш, Василий Савельевич!

— Дите он ишо, пусть дажеть и в председателях ходит,— неохотно ответил старик. Пожевав губами, добавил: — А дитю палец покажи, оно вже и смеяться зачнет!

Василий и впрямь оживленнее всех на свадьбе выглядел. Шутил беспрестанно, смеялся. Понимал, что негоже так вести себя председателю, а совладать с собой не мог. Виной всему Аннушка была. Уже при первом тосте, когда подняли стаканы за жениха с невестой, совета да любви им пожелали, «Горько!», как положено прокричали, увидел Бандура, что слегка пригубила вино жена, отодвинула почти полный стакан от себя подальше. Такого в компании никогда за ней не водилось, да и негоже было обижать молодых.

— Семью позоришь!— недобро нахмурился Василий.— Сообрази, чего люди подумают?

— Нельзя мне, Васенька,— по-девичьи стыдливо покраснела Аннушка, отвернулась.

— Погоди, не прячь глаза. Это почему же нельзя?

— Отцом ты скоро станешь, Василий Савельевич, потому и не хочу дитя твоего с малолетства к вину приучать.

— Ах ты ж, мать честная!..— задохнулся Бандура. Ошалелыми глазами смотрел на жену, стал похож на вытащенную из воды рыбину, хватанувшую морозного воздуха. Хотел еще что-то сказать, да горло вроде удавкой перехватило. Погодя с трудом прохрипел:— Ты не врешь, Анюта?

— Господи, неужто и сын наш таким дурачком будет?— притворно удивилась женщина.

— Ну, тогда... тогда горько нам с тобой, мать! Горько! — что было силы заорал он. Встал, приподнял крепкими руками жену, крепко, взасос, припал к губам Аннушки.

— Гля, не иначе, как вторая свадьба наметилась!

— Дает председатель!

— Петро, ты от дяльки жену свою побереги. Вишь, как кровя в нем взыграли!

Внахлест, как парящие над гребнями валов буревестники, заметались над застольем соленые рыбацкие шуточки. Двое, замершие в поцелуе, их не слышали.

И сейчас, привычно работая тяжелым веслом, продолжал ощущать Василий влажность родных губ, холодок крепких зубов Аннушки. Пришел в себя от сердитого окрика отца:

— Навались, робя! Насовсем позасыпали. Так ить и до вечера не догребемся!

XV

Яма была неглубокой, а на дне уже начала проступать вода. Сочилась снизу и с боков, кружила в незаметных глазу водоворотах песчинки.

— Погодь, Гриша, больше не надо,— негромко сказал Савелий Маркович.— Пущай набирается.

Григорий послушно вытащил из ямы лопату, чуть в сторону с силой вогнал ее в мягкий песок. Полез в карман за папиросами. Невольно покосил глазами в сторону саженцев, что были в руках сына. Пройдет срок, и из молодых побегов поднимутся на старом кладбище острова рослые деревья. Акации в честь Федора и Насти, серебристая маслина в память о Шурке. Так настояла Оксана. Веселое, кудрявое деревце, нежное на вид и крепкое в своей гибкости, могущее противостоять штормам и шквалам — такой была погибшая дочь.

О Насте спор зашел. Василий пытался протестовать: может, жива еще, чего раньше времени хоронить, отец с ним не согласился:

— Кабы жива была, давно откликнулась. Видать, сложила голову, и бумажка, что на нее пришла, правильной была. Пусть совсем недолго пробыла Настюшка в нашем роду — все одно откидать ее никак нельзя. Не посрамила фамилии, за это и помнить мы ее должны.

Василий, услышав такое, усомнился, что только вдвоем с Настей хранили они семейную тайну. Похоже, отец знает больше, чем говорит. Потом убедился, что неправ был. Нет, ни о чем не догадывался Савелий Маркович, действительно отдавал дань погибшей жене сына, а не дочери. Пусть будет так.

Привез с собой старый Бандура еще один саженец — рослый дубок, не в пример собратьям сохранивший до глубокой осени зелень листвы. Зачем прихватил, никому не сказал. Сыновья и внуки не расспрашивали. Знали: не захочет говорить — все равно не выпытаешь, только разозлишь старика.

— Посторонись чуток, Гриша.— Савелий Маркович подошел к яме, стал на колени. Пригоршней зачерпнул устоявшуюся воду, попробовал на вкус.— Как есть, сладкая. Значится, глыбше копать не надо. Пущай корешки пресной водицей питаются. Давайте, робя, поперваx Шурочку нашу пристроим. Время ей на родной стороне обживаться.

Алексей бережно передал отцу саженец. Григорий внимательно осмотрел корешки, опустил деревце в яму. Нежно поцеловал гибкую веточку. Подумалось, хорошо, что не взяли Оксану. Наверняка расплакалась бы. Не замечал, что сам прослезился, словно и впрямь коснулся губами дочери.

Руками присыпали песком корни. Каждый из Бандур отдал саженцу свою пригоршню. Потом по бокам маслины сажали две тонкие акации. Разрастутся, наберут силы, надежно прикроют сестру от ледяного дыхания моря и зимних суховеев.

Граблями разровняли песок. Несколько минут постояли в скорбном молчании. Каждому свое вспомнилось. Савелий Маркович даже тяжесть ружья в руках ощутил, того самого, которым стрелял над головами дерущихся братьев. Вроде вчера это только было: кровь на лицах, ярость в зрачках глаз и его собственный голос:

— Постреляю, в господа-бога, малахольных!

Василию Крым припомнился, грузное тело Федора на его спине, злой голос над самым ухом:

— Полежи трохи, хрестоматъ! Будешь брыкаться — голову отверну.

Невольно рукой махнул, словно острую финку в сторону отбросил.

Григорий смотрел на маслинку, видел Шурку. Ершистую, с холодноватой змейкой в зелени глаз.

— На фронт хочу. Несколько дней назад подала рапорт с просьбой отправить на передовую. Я ведь многое могу, папка. И стрелять, и машину водить, и самолет...

У Алексея в ушах гул мотора перегруженного самолета. Он долго бежал по поляне, потом неохотно оторвался от земли, стал набирать высоту.

— Я везучая, Алеша! Мне и не в таких переплетах приходилось бывать...

— Ты мне, братик, так ничего и не поведал. Как мы дальше будем? Всю жизнь от людей крыться невозможно.

Это уже не Шурка Алексею, а Настя Василию сказала. Ничего он тогда ей не ответил. Жизнь ответ подсказала. Наверное, прав отец. Нет в живых Насти. Будь по-другому — непременно весточку о себе дала бы.

— Пора и до хаты,— нарушил молчание Савелий Маркович. И опять только впятером остались на острове Бандуры. Те, что секунду назад рядом с ними были, вновь ушли в невозвратное далеко. Старик наклонился, взял лежавший на песке дубок, неторопливо пошагал к дому. За ним — Григорий, Алексей, Василий, Петр.

Всего год и прошел, как перебрался с хутора в поселок Савелий Маркович, а казалось, что много лет не ступала на подворье нога человека. Вымытые ливнями стены дома пестрели лишаями отвалившейся штукатурки. Юркий вьюнок лез из щелей в крыльце, опутывал стропила, поддерживающие навес над порогом. На ухоженном некогда огороде — засилье лопухов и чертополоха. Молодая поросль камыша взяла в кольцо хозяйственные постройки. Без косы к ним не пробиться.

— Готовьте стол, робя, я хату проведаю!..

Савелий Маркович ушел в дом. Вышел с подозрительно покрасневшими глазами. Бодрясь, как всегда привык делать, спросил:

— Как у вас тута?

— Все готово, батя,— ответил Василий,— можно садиться.

Стол во дворе был отмыт, влажной чистотой блестели скамейки. На столе — прихваченная из дому еда, ведерный анкерок с вином.

— Ишо одно дело сделаем, а потом и сядем!— Савелий Маркович показал корявым пальцем на середину двора — Тута дубок посадим. Пущай растет, людям сказывает что отсюда род Бандур на свет пошел. Вона, какие вы все молодцы, стоите. Жизнью хочь и здорово битые, а все одно крепкие. Значит, от хорошего корня произошли.

Посадили дерево, стоя помянули тех, кого с ними не было. Степенный, по-рыбацки неторопливый разговор. Лениво ворочалось в берегах море. Соленое от их пота и слез. Было оно сейчас спокойным, звонким плеском набегавшей на берег волны вмешивалось в разговор людей. Приглушенный шум прибоя, крики чаек — все эти звуки были своими, давно привычными, поэтому никому не мешали. Они сейчас все едиными были — люди и море. Пусть будет так всегда.

Конец

Бердянск—Николаевка
1979—1989 гг.

Литературно-художественное издание

Лыков Виктор Васильевич

МОРЕ СОЛЕНОЕ

Роман в трех книгах

КНИГА ТРЕТЬЯ

Редактор *Г. Н. Гарченко*
Художник-оформитель *И. М. Колядина*
Художественный редактор *В. И. Хворост*
Технический редактор *С. В. Запольская*
Корректоры *А. Ф. Мевшина, О. В. Пшеничникова*

ИБ № 2318

Сдано в набор 09.04.90. Подписано в печать 14.08.90. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бумага для массовых изданий. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13. Усл. кр.-отт. 13,25. Уч.-изд. л. 15,266. Тираж 30 000 экз. Заказ № 107. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Проминь»,
320070, Днепропетровск, просп. К. Маркса, 60.

Областная книжная типография,
320091, Днепропетровск, ул. Горького, 20.

Лыков В. В.

Л88 Море соленое: Роман в 3 кн.— Днепропетровск: Проминь, 1990.— Кн. 3.— 206 с.

ISBN 5-7775-0146-X

Остросюжетный роман русского советского писателя прослеживает судьбы героев, полюбившихся читателям по предыдущим одноименным книгам автора, но имеет свою независимую сюжетную линию.

В центре повествования заключительной книги трилогии — события в рыбацком селении Камково и городе Песчанске в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы.

Л $\frac{4702010201-066}{М219(04)-90}$ 33-90

ББК84Р7-4

1 р. 20 к.

«ПРОМИНЬ»